

О. МИРВО

127

О. МИРВО

РАЗСКАЗЫ

ОКТАВЪ МИРБО.

ОКТАВЪ МИРБО.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАНИЕ В. М. САБЛИНА.

ОКТАВЪ МИРБО.

РАЗСКАЗЫ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА. — 1911.

ТИПОГРАФИЯ В. М. САБЛИНА.

Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34

РАЗСКАЗЫ.

МОЯ ХИЖИНА.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ столицы департаментовъ находится мое маленькое владѣнiе, въ которомъ нѣтъ никакихъ украшенiй—ни стеклянныхъ шаровъ, ни японскихъ бесѣдокъ, ни неизбежнаго фонтана съ бассейномъ изъ раковинъ, голымъ амуромъ изъ загрязнившагося гипса и бьющей высоко вверхъ струей воды, которая падаетъ на цинковые арумы. Моя простая и незатѣйливая хижина стоитъ, точно сторожка, у опушки красиваго буковаго лѣса, зеленая и кудрявая листва котораго красуется на солнцѣ; а передъ хижинной простираются до самаго горизонта зеленѣющiя поля, перерѣзанныя высокими изгородями.

Ее окружаетъ виноградникъ со своими красивыми фестонами и тонкими причудливыми узорами; жасминъ, къ которому примѣшиваются мѣстами ползучiя розы, закрываетъ ея фасадъ изъ потемнѣвшаго отъ времени кирпича. Садъ, обнесенный деревянной рѣзной, покрытой мохомъ, загородкой, такъ малъ, что, кажется, по его дорожкамъ, обсаженнымъ буксусомъ и тиміаномъ,

съ трудомъ проползуть двѣ улитки въ рядъ. Но что изъ того, что мое владѣніе такъ бѣдно и такъ мало? Развѣ не принадлежатъ также мнѣ эти поля, эти лѣса, въ которыхъ поютъ птицы, и это небо, на которомъ безпрестанно мелькаютъ совершающіе свой причудливый полетъ стрижи? Развѣ я требую отъ этихъ полей и этихъ лѣсовъ чего-нибудь другого, кромѣ удовольствія видѣть ихъ предъ собою, то-есть наслаждаться ихъ красотою и ихъ благоуханіемъ?

Неподалеку отъ моей хижины, по глубокому и каменистому руслу, течетъ ручеекъ, и вода его принимаетъ зеленый цвѣтъ подъ сводомъ густо переплетшихся между собою вѣтвей ольхи. Сквозь грабины съ искривленными и короткими стволами видны красныя крыши сосѣдней фермы; пасутся коровы, и ихъ морды совсѣмъ закрыты высокой травой; стада овецъ разсыпались на краю большой дороги, они поднимаются на холмы съ обципанной травою, и ихъ стережетъ овчарка.

Ахъ! какъ мнѣ будетъ хорошо тутъ, въ этомъ маленькомъ глухомъ уголкѣ, обвѣянномъ благоуханіемъ всѣхъ запаховъ начинающей снова зеленѣть земли! У меня уже не будетъ больше борьбы съ людьми, не будетъ ненависти къ нимъ, той ненависти, которая сокрушаетъ сердца; будетъ только любовь, та всеобъемлющая любовь, которую внушаютъ эти мирныя ночи и которую убаюкиваетъ похожая на пѣснь матери пѣснь вѣтра, шелестящаго листвою деревьевъ. «Зачѣмъ

ненавидѣть?» поется въ этой пѣснѣ. — «Развѣ ты не знаешь, что такое люди, развѣ ты не знаешь, что ихъ снѣдаютъ скорби, отъ которыхъ обливается сердце кровью и у богатыхъ, и у бѣдныхъ, и у того бродяги, который заснулъ, голодный, на краю дороги, и у того развратника, который развалился, сытый, подъ раздушеннымъ пологомъ. Не нужно ненавидѣть никого, даже злого человѣка. Пожалѣй его, потому что онъ никогда не будетъ знать единственного наслажденія, которое можетъ утѣшить въ жизни — это дѣлать добро».

И вотъ я, печально настроенный дачникъ, поселился въ моей хижинѣ. У меня нѣтъ другихъ товарищей, кромѣ злой и покрытой грязью собаки, лѣсныхъ птицъ и одного стараго крестьянина. Я видѣлъ однажды, какъ онъ бродилъ вокругъ моего дома, посматривая на меня искоса. Затѣмъ онъ ушелъ. На другой день онъ пришелъ опять и снова прибѣгнулъ къ такой же уловкѣ; на третій день онъ осмѣлился войти за загородку.

— Ну что, устроились вы? — спросилъ онъ у меня, снимая съ головы свой сукожный картузь, который онъ, навѣрное, носилъ лѣтъ двадцать, потому что картузь весь порыжѣлъ отъ солнца.

— Да, любезный, — отвѣчалъ я.

— Ну, это хорошо, это хорошо.

Онъ поправилъ на трельяжѣ упавшую внизъ вѣточку жасмина.

— А говорятъ, что будто вы пріѣхали изъ Парижа?

— Это вѣрно.

— Ну, это хорошо, это хорошо.

Онъ пошелъ назадъ медленнымъ шагомъ, своей тяжелой походкой стараго хлѣбопашца.

Каждый вечеръ, когда солнце заходитъ за холмъ, онъ приходитъ и садится на лавкѣ передъ моею дверью, и въ то время, когда я погружаюсь въ свои думы и при этомъ «грустномъ вечернемъ спокойствіи» уношусь далеко мыслью, онъ только покачиваетъ головою и не говоритъ ни слова.

Нѣсколько недѣль тому назадъ я нашелъ себѣ и другого товарища—дѣдушку Равенель, который приходилъ вскапывать цвѣтники въ саду, обрѣзывать сухіе сучья у деревьевъ и сажать овощи.

Дѣдушкѣ Равенель шестьдесятъ два года. Онъ средняго роста, немного согнулся и ходитъ медленно, размѣреннымъ шагомъ стараго сѣтеля. У него великолѣпная голова, съ очень рѣзкими контурами, угловатая, сморщенная, крѣпкая и четырехугольная, съ жесткими волосами, неровными и посѣдѣвшими пряди которыхъ падаютъ ему на лобъ до самыхъ бровей.

Его тѣло искривилось, какъ стволъ очень стараго дуба, которому всегда приходилось выно-

сильные порывы вѣтра. Подъ его заплата-
ной одеждой торчатъ кости и узлы его муску-
ловъ, какъ будто бы онъ готовъ пустить новыя
вѣтви. Его глаза отражаютъ только проходящее
облако; никакого горя, никакихъ обманутыхъ на-
деждъ и никакой мысли не видно въ этихъ зага-
дочныхъ зрачкахъ, которые, благодаря покорности
и молчанію, сдѣлались похожими на зрачки до-
машнихъ животныхъ. Его движенія медленны,
важны, широки, какъ горизонтъ, напоминаютъ о
высотѣ неба, о священной тайнѣ сотворенія
міра.

Онъ пьяница.

Почти всегда пьяный, онъ все-таки ходитъ,
покачиваясь направо и налево. Но работать и пить
въ одно и то же время, это не особенно удобно.
Если бы онъ не пилъ, то скопилъ бы деньжонокъ
и жилъ бы теперь безъ заботы. Какъ у многихъ
другихъ, даже такихъ, которые далеко не такъ
способны на всякую работу, какъ онъ, у него
былъ бы домъ, передъ домомъ садъ, за домомъ
поле, куры, утки, кролики, можетъ быть, даже
коровы, и онъ каждый годъ откармливалъ бы
свинью. Теперь онъ могъ бы жить на покоѣ и
помогать сосѣдямъ въ такое время, когда дѣ-
лаютъ сидръ. А у него не было ни дома, ни поля,
ни куръ,—ровно ничего. И вотъ ему приходится
ходить на поденную работу, то къ однимъ, то къ
другимъ, работать въ саду, быть землекопомъ,
каменщикомъ и тяжелымъ трудомъ добывать

дѣвѣцѣ су въ дѣнь, супъ, подправленный свинымъ саломъ, и кружку пива. Онъ знаетъ все это, но не страдаетъ отъ этого. Впрочемъ, онъ не виноватъ въ этомъ, а во всемъ виновата его вторая жена, потому что дѣдушка Равенель овдовѣлъ сорока восьми лѣтъ, а такъ какъ ему надоѣло вести самому свое маленькое хозяйство, то онъ женился во второй разъ.

— Да, я былъ глупъ, глупъ, глупъ! — говорилъ онъ, вспоминая о своемъ прошломъ, о своей первой женѣ.

Онъ приходитъ ко мнѣ каждый дѣнь въ шесть часовъ утра, но онъ уже выпилъ и отъ него пахнетъ водкой.

— Ну, дѣдушка Равенель, вы опять пьяны?

— Конечно... Конечно... — отвѣчаетъ этотъ безхитростный человѣкъ, почесывая у себя въ головѣ. — Рюмочку выпилъ! Конечно, рюмочку выпилъ!

Онъ спотыкается. Его нижняя губа отвисла, ослабѣла и по ней течетъ слюна. Даже и въ такія минуты его глаза не выражаютъ ровно ничего, въ нихъ нѣтъ никакого огонька, который показывалъ бы, что мозгъ его возбужденъ, въ немъ не видно опьяненія.

— Въ ваши года, дѣдушка Равенель... неужели вамъ не стыдно?!

— Конечно!.. Конечно!.. Вотъ что я вамъ скажу... Это вся моя жена... моя вторая жена... Ахъ, негодяйка! Ахъ, развратница!.. Потому что моя первая жена была святая женщина, святая... жаль, что вы ея не знали... Святая женщина да... прямо таки святая!

Онъ плачетъ и рветъ на себѣ волосы.

— Святая.. настоящая святая... А умерла-то она отъ свиньи, которая околѣла отъ падучей болѣзни.

— Да, я знаю, знаю эту исторію... Подите лягте... Вы лучше усните.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Мнѣ нужно вамъ рассказать... Рюмочку я выпилъ, это правда... но все-же мнѣ нужно вамъ рассказать... У меня была свинья, расчудесная свинья... Она и гуляла, и хорошо ѣла... Разрази меня Богъ, если я лгу... И вотъ у нея сдѣлалась падучая болѣзнь... какъ у человѣка, какъ у крестьянина.. совсѣмъ почти какъ... какъ у христіанина... Вотъ она каталась, вотъ она кривлялась, и у нея была пѣна... Наконецъ, это была уже не свинья... это было... это было... шутъ знаетъ что такое... А потомъ она околѣла. Моя первая жена и говорить: «Я буду ее ѣсть— что-же пропадать мясу-то?»—А я сказалъ: «мясо свиньи, которая пала отъ падучей болѣзни, это; вѣрно, ядъ; надобно зарыть его поглубже, поглубже». А ей-то, моей первой женѣ, было жалко зарывать въ землю такое хорошее мясо... «Отчего же это ядъ?»—Это она-то мнѣ говорить... А я го-

ворю: «Можетъ быть, она наѣлась чего-нибудь такого, и вотъ у нея заболѣлъ животъ, а потомъ ей бросилось въ голову... Когда же это бываетъ, чтобы свинья падала отъ падучей болѣзни?»—Моя первая жена и говоритъ: «Я все-таки сдѣлаю фри-кассе изъ мягкой части». — Дѣлай фрикассе изъ мягкой части, если хочешь. — говорю, — но только я ѣсть его не стану... Охъ-хо-хо!

И дѣдушка Равенель, при этихъ тяжелыхъ для него воспоминаніяхъ, рыдаетъ, дѣлаетъ движенія головой и руками и потомъ продолжаетъ свой рассказъ:

— Подавиться мнѣ вилами, лопатой или коловоротомъ, если я лгу!.. Вотъ моя первая жена и поѣла мягкой части съ картофелемъ, а потомъ я зарылъ свинью на лугу у Боттеро, подъ осиною... Сначала-то съ ней ничего не было... Она ходила такъ, какъ ходите вы, какъ хожу я, какъ ходятъ всѣ... Но вотъ, черезъ десять лѣтъ, аккуратъ въ тотъ самый день, съ ней сдѣлалась падучая болѣзнь точь въ точь, какъ у свиньи... Вотъ какъ ее ломало, вотъ какая была у нея пѣна, вотъ какъ она кричала!.. а потомъ и Богу душу отдала. Я не успѣлъ повернуться и вылить ей на лицо ведро воды!... Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно, что есть Богъ, святой Іосифъ и Пресвятая Дѣва — черезъ десять лѣтъ эта свинина подѣйствовала ей на животъ, а потомъ и на голову... Вотъ она ее и задушила, да!... Охъ-хо-хо!..

— Тогда вы женились во второй разъ, старый проказникъ?

— Ну, да!.. Ну, да!.. Я женился на второй женѣ... Но только эта не такая!.. Ахъ, негодяйка!.. Ахъ, развратница! Ей непременно нуженъ мужчина. Она хуже всякой кошки, всякой суки... Я человѣкъ старый, вы понимаете... а потомъ я никогда не любилъ заниматься этими дѣлами... Но ей это непременно нужно какимъ бы то ни было образомъ!... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы посмотрѣли на это!... Иной разъ сидишь себѣ покойно и, конечно, ни о чемъ не думаешь... или вернешься, усталый, съ поденной работы: «Дѣдушка Равенель, — говоритъ она мнѣ, — меня жжетъ точно огнемъ»... А сама смотритъ на меня такими глазами, которые горятъ какъ свѣчка.

— Нѣтъ, — говорю, — я старикъ... — Но она ко мнѣ пристаеъ, толкаетъ меня, цѣлуетъ. — Не могу, — говорю опять. «Ну, такъ выпей рюмочку»; — говоритъ она мнѣ... Я выпиваю рюмочку; двѣ рюмочки, три рюмочки, «Ну, а теперь?» — спрашиваетъ она у меня. Нѣтъ, — говорю я. «Ты трипка», — говоритъ она мнѣ. — А ты сальница, — отвѣчаю я... А потомъ хлопъ ее по щекѣ; хлопъ по другой... это всегда кончается побоями... Тогда я выпиваю одну рюмочку, двѣ рюмочки, три рюмочки. Охъ-хо-хъ!.. Вы понимаете, все это убиваетъ меня, убиваетъ!

На другой день послѣ своего пьянства, дѣдушка Равенель ходитъ точно во снѣ. Онъ ничего не понимаетъ, если его о чемъ-нибудь спросишь. Его увеличившіеся и округлившіеся глаза точно смотрятъ въ какую-то бездонную пропасть.

— Послушайте, дѣдушка Равенель, нужно бы сдѣлать верхнюю перекладину у изгороди.

— Ахъ, да!... перекладину!..

— Вы поняли?

— Нѣтъ!.. перекладину!.. перекладину!..

— Да вѣдь вы знаете, что такое перекладина?

— Перекладина!.. Знаю...

— Такъ вотъ вы и сдѣлаете перекладину у изгороди.

— У изгороди?

— Вы поняли?

— Нѣтъ...

Онъ идетъ медленнымъ шагомъ въ садъ, беретъ свою лопату, опирается на нее руками, смотритъ, какъ летаютъ птицы и трепещатъ листья отъ вѣтра... Онъ повторяетъ:

— Перекладина!.. изгородь!..

Никакая мысль не входитъ въ его упрямую старую голову, въ его зачерствѣвшій мозгъ, и его лицо, которое дѣлается еще угловатѣе, принимаетъ неумолимо строгій видъ, пластическую красоту, благородство изваянія, и если бы мимо него прошелъ какой-нибудь поэтъ, то онъ сказалъ бы: «Вотъ земной богъ!»

СМЕРТЬ СТАРИКА ДЮГЕ.

I.

— Прежде всего у него сдѣлалась боль въ животѣ... съ тѣхъ поръ не прошло еще и недѣли... Господи Боже мой, да это было въ четвергъ на той недѣлѣ... колики, колики, у него такъ и вертѣло въ кишкахъ... И его все слабило и слабило, безъ перерыва... онъ почти ничего не ѣлъ... маленькую грушу утромъ и кусочекъ сыра вечеромъ.... А потомъ онъ слегъ... Ну ужъ и лихорадка же была у него, Господи Иисусе Христе! вотъ какая лихорадка... вотъ какъ онъ стучалъ зубами...

Докторъ шупаль у больного пульсъ съ серьезнымъ видомъ.

— Онъ не жаловался на то, что у него болитъ голова? — спросилъ онъ.

— Ахъ!... жаловался ли онъ? Очень жаловался....

— Бредилъ?

— Что вы изволите спрашивать?

— Былъ ли у него бредъ?

— Кажется, нѣтъ... онъ ничего не говорилъ. **Можетъ быть, вы хотите посмотреть его мочу?**

Докторъ не отвѣтилъ ей на это; онъ поднялъ одѣяло и нѣсколько разъ пощупалъ у старика Дюге животъ, сильно нажимая на него рукою; старикъ Дюге лежалъ на спинѣ, раскрывъ ротъ; онъ не шевелился и только отъ времени до времени испускалъ глухіе стоны; докторъ покачалъ головою и сталъ писать рецептъ.

— Вы будете давать ему черезъ каждые полчаса по столовой ложкѣ этой микстуры,—наказывалъ онъ старухѣ Дюге, которая проводила его до двери.

Въ то время, когда онъ отвязывалъ поводъ своей лошади и тщательно свертывалъ его, она спросила у него:

— Что вы думаете о немъ?

— Я думаю, что онъ не переживетъ ночи, — отвѣчалъ докторъ.

— Даже этой ночи? Такъ вотъ какъ!.. Господи, да можетъ-ли это быть!

— Ну, до свиданія! — сказалъ докторъ, влѣзая въ свой кабріолетъ. — У васъ тутъ очень плохи дороги...

И экипажъ покатился, подпрыгивая на неровныхъ мѣстахъ дороги.

Оставшись одна, старуха Дюге одною рукою почесала себѣ носъ, а другою передвинула на бедро низъ своего фартука и, подумавъ съ минутой, рѣшилась перейти черезъ маленькій, находившійся около дома фруктовый садъ, у дальняго

конца котораго за изгородью видна была между яблонями покрытая соломой лачуга. Она позвала:

— Тетка Гарньерь! Эй, тетка Гарньерь!.. Э-э-эй!

Черезъ нѣсколько времени слышались чьи-то медленные шаги въ деревянныхъ башмакахъ, и между вѣтвями показалась какая-то старуха.

— Ты пришла за мной? — закричала она.

— Да, за тобой, тетка Гарньерь. Я совсѣмъ одна дома... Дочь еще не вернулась изъ города; сынъ въ лѣсу, — онъ пошелъ за грибами... Надо сходить къ аптекарю и снести эту бумажку, а потомъ къ кюрэ и сказать ему, чтобы пришелъ поскорѣе причастить...

Все это для старика Дюге?

— Конечно, для него...

— А что сказалъ докторъ?

— Онъ ничего не сказалъ... сказаль только, что онъ не переживетъ ночь....

— Ахъ, Пресвятая Богородица! Вотъ какая исторія... Мнѣ думается, что это злокачественная лихорадка, какъ у моего мужа. ...А потомъ, главное, лѣта.... Вѣдь Дюге-то не молодой...

И обѣ женщины, къ которымъ присоединились всѣ кумушки изъ деревни Фрельмонъ, принялись болтать и рассказывать одна другой удивительныя исторіи о болѣзняхъ и докторахъ.

II.

Старику Дюге было семьдесятъ два года; это былъ такой возрастъ, котораго рѣдко достигаютъ переутомившіеся отъ работы крестьяне, организмъ которыхъ бываетъ къ тому же истощенъ скудной пищей и вдобавокъ въ такомъ дождливомъ и холодномъ климатѣ, каковъ климатъ Нормандіи. Я встрѣчалъ его иногда, это было тогда, когда онъ выходилъ на дороги, чтобы погрѣть свою старую спину, или когда онъ отправлялся по пятницамъ въ городъ для того, чтобы побриться и купить себѣ бутылку водки. Онъ шелъ съ трудомъ, согнувъ свой высокій станъ дугою, наклонившись къ землѣ и подпираясь длинною палкою изъ дерева, которую онъ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, срѣзалъ у одной изгороди. Наши разговоры были всегда одни и тѣ же: «Хорошая погода, дѣдушка Дюге». — «Гм... Она можетъ переѣниться, вѣтеръ дуетъ не съ хорошей стороны». Или: «Какая скверная погода, дѣдушка Дюге!» «Гм... Она можетъ проясниться, вѣтеръ дуетъ высоко». Когда онъ былъ навеселѣ, когда онъ вызывалъ рюмочку «крѣпкой», онъ всегда

говорилъ мнѣ, при чемъ въ его маленькихъ мигающихъ глазкахъ видна была какая-то насмѣшка: «Я видѣлъ ночью большого зайца... Онъ показался вонъ тамъ, въ виноградникѣ, напротивъ дома... Вы, навѣрно, найдете его въ свѣклѣ у Пито». Кромѣ этихъ рѣдкихъ случаевъ, когда старикъ Дюге, бывало, разоткровенничается, онъ по большей части былъ молчаливымъ и задумчивымъ, какъ старыя собаки и старыя крестьяне.

Въ молодости ему предлагали сдѣлаться мясникомъ и хотѣли научить его этому дѣлу задаромъ, — дѣло это хорошее и даетъ большой доходъ. Онъ отказался наотрѣзъ: «у насъ всѣ занимались землею, — сказалъ онъ, — это переходитъ отъ отца къ сыну, и я тоже буду заниматься землею». Ему очень хотѣлось бы взять въ аренду маленькую ферму, но объ этомъ нечего было и думать, потому что никто не могъ бы за него поручиться и у него не было денегъ для того, чтобы приобрести необходимыя орудія. Тогда онъ рѣшилъ сдѣлаться простымъ сельскимъ батракомъ. Такъ какъ онъ былъ человекомъ трудолюбивымъ, неутомимымъ, экзюмшымъ, честнымъ и трезвымъ, то онъ работалъ, не покладывая рукъ. Когда у него былъ цѣпъ въ рукѣ, и онъ молотилъ рожь на звонкомъ гумнѣ ригъ или жѣ подрѣзалъ де-

ревья, возилъ навозъ, пахаль и сѣяль, то въ это время онъ считалъ себя счастливымъ и просилъ у Бога только того, чтобы такъ продолжать всю жизнь. Но самымъ лучшимъ временемъ было для него время жатвы, когда онъ, съ серпомъ, обернутымъ въ солому, и новой косой на плечѣ отправлялся жать въ Босъ, откуда приносилъ цѣлыя пригоршни эю и блестящихъ пистолей.

Послѣ долгаго обсужденія и колебанія, взвѣсивъ все, что было за бракъ и противъ него, онъ, наконецъ, женился. Разумѣется, это было сдѣлано не для «глупостей». До этого времени онъ обходился безъ «самокъ», да и теперь могъ бы прекрасно обойтись безъ нихъ. Онъ скорѣе «надоѣдали» ему. Но ему нужна была хозяйка, которая мыла бы его бѣлье, чинила его одежду и варила ему супъ. А потомъ женщина, когда она умѣетъ взятыя за дѣло, когда она работающая, не только ничего не стоитъ, но даже сама приноситъ въ домъ деньги. Все дѣло въ томъ, чтобы жениться удачно и не попасть на какую-нибудь жеманницу или пустую женщину, какихъ въ наше время можно встрѣтить на каждомъ шагу. Онъ выбралъ полную, сильную и расторопную дѣвушку, безъ всякой хитрости, и поселился съ ней въ деревушкѣ Фрельмонъ, въ маленькомъ домикѣ, который онъ нанялъ вмѣстѣ съ садомъ и огородомъ за семьдесятъ франковъ въ годъ. Въ домикѣ были двѣ комнаты и подвалъ; фасадъ его былъ украшенъ красивыми шпалерами. Огородъ давалъ

столько овощей, сколько имъ требовалось, а въ фруктовомъ саду яблони давали въ хорошій годъ столько яблоковъ, что ихъ хватало для сидра. Чего онъ могъ желать еще? У него было также двое дѣтей — мальчикъ и дѣвочка, и когда они подросли, онъ отправилъ ихъ въ школу: онъ понималъ, что въ настоящее время необходимо образованіе.

Въ то время, когда онъ работалъ, и жена его, со своей стороны, ходила на поденныя работы, стирала бѣлье, шила, натирала полы въ чужихъ домахъ или же въ спѣшное время помогала стряпать въ городскихъ трактирахъ. Благодаря этому она сдѣлалась извѣстна, какъ отличная кухарка. Скоро не было ни одной свадьбы въ околоткѣ, на которую ее не пригласили бы для того, чтобы составить списокъ многочисленныхъ кушаній и состряпать ихъ. Это было очень прибыльно, потому что въ такіе дни она получала четыре франка, а кромѣ того и хорошій обѣдъ; потомъ съ ней заигрывали молодые люди, видя ея красивый бюстъ, ея полныя упругія щеки и смѣющееся лицо. Дюге очень завидовалъ женѣ, что она веселится на этихъ свадьбахъ, а главнымъ образомъ тому, что она лакомится курами съ прованскимъ масломъ и телятиной со щавельнымъ соусомъ, тогда какъ самъ онъ довольствовался похлебкой и сыромъ, но онъ не говорилъ ей ничего, потому что она получала четыре франка.

Итакъ, мужъ съ женой почти не видались, по-

тому что каждый изъ нихъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, но они нисколько не горевали объ этомъ и не чувствовали потребности видѣть другъ друга, потому что такое положеніе дѣла казалось имъ естественнымъ и они думали, что такъ и всегда бываетъ въ жизни. По воскресеньямъ они бывали иногда вмѣстѣ, но, сосчитавъ доходъ за недѣлю, они замолкали и уже не говорили больше ни о чемъ; это не значило, что они дуются одинъ на другого—нѣтъ, но имъ не о чемъ было говорить между собою. Дюге пользовался этимъ днемъ отдыха для того, чтобы подрѣзать свои шпалеры, копаться въ своемъ огородѣ, вставить черепицу въ крышу, новую доску въ дверь, нарубить дровъ; а жена уходила поболтать съ деревенскими ку-мушками. Кромѣ воскресенья, она оставляла четвергъ для стирки бѣлья своего мужа, своего собственнаго и бѣлья дѣтей, присмотрѣть за которыми, когда они возвращались домой изъ школы, она поручала сосѣдкѣ.

Такъ прошла бы и вся жизнь Дюге, и онъ со-старился бы счастливымъ, если бы онъ не обманулся самымъ жестокимъ образомъ въ своихъ надеждахъ и «одно большое горе» не наполнило бы его сердце горькимъ чувствомъ и не отравило бы ему всю жизнь.

III.

Его тесть жилъ за пятнадцать лѣтъ отъ Фрельмона, въ деревнѣ, которая называлась Ле-Жаррье. Дюге ни разу не видалъ его послѣ своей свадьбы и совсѣмъ не заботился о старикѣ. Онъ съ полнымъ равнодушіемъ выслушивалъ извѣстія о томъ, что старикъ бывалъ часто боленъ и что нѣсколько разъ съ нимъ дѣлались такіе сильные удары, что кюрэ не разъ находилъ необходимымъ причастить его. Дюге говорилъ по этому поводу: «Онъ можетъ умереть, если захочетъ, я ему не мѣшаю»... Онъ рѣшилъ, что ни онъ, ни его жена не поѣдутъ на похороны, потому что «пятнадцать лѣтъ это далеко и за экипажъ возьмутъ дорого». На самомъ дѣлѣ зять былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что у тестя ровно ничего нѣтъ, «даже ни одной рѣдьки», а потому ему было рѣшительно все равно, живъ онъ или умеръ.

Какъ-то разъ утромъ Дюге получилъ письмо отъ нотаріуса, въ которомъ было сказано, что его тесть въ безнадежномъ состояніи, и нотаріусъ просилъ его пріѣхать какъ можно скорѣе. Его

удивленію не было конца. Какъ! Неужели же онъ такъ ошибся. Какъ, неужели его тесть, котораго считали нищимъ, окажется богаче самого Креза. Ахъ! Это ужъ черезчуръ! Впрочемъ, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Если уже такое важное лицо, какъ нотаріусъ, удостоило написать ему— простому крестьянину Дюге— то это что-нибудь да значило и въ наслѣдствѣ было что-нибудь необыкновенное. Онъ заставилъ нѣсколько разъ перечитать себѣ это письмо. — «Если бы не было ничего, — думалъ онъ, — да, если бы не было ничего... то нотаріусъ ничего бы не написалъ... Это ясно, это очевидно... Надо ѣхать»...

Онъ нанялъ телѣжку и лошадь, потому что нужно было ѣхать какъ можно скорѣе. Дорогой онъ еще болѣе убѣдился въ своемъ предположеніи и заранѣе считалъ денежки старика.

— У него, навѣрно, есть триста эю, а, можетъ быть, и больше, — повторялъ онъ самъ себѣ, ударяя по лошади кнутовищемъ; — можетъ быть, и четыреста... а иначе нотаріусъ не написалъ бы мнѣ письма... можетъ быть, и пятьсотъ...

Онъ проѣхалъ первые дома въ Ле-Жаррье и теперь всякаго, кто сказалъ бы ему, что тесть оставилъ ему въ наслѣдство меньше тысячи эю, онъ, навѣрно, отколотилъ бы палкой.

Когда онъ слѣзъ съ телѣжки, то у него сильно билось сердце, и домъ его тестя — жалкая, полуразвалившаяся лачуга, показался ему великолѣпнѣе всѣхъ тѣхъ дворцовъ, о которыхъ гово-

рится въ волшебныхъ сказкахъ. Дюге постоялъ нѣсколько минутъ, точно ослѣпленный этимъ великолѣпьемъ. Пожелтѣвшіе листья орѣшника трепетали отъ вѣтра, и имъ овладѣло необыкновенно пріятное чувство: ему показалось, что блестящіе луидоры звенять, сталкиваются и сыплются на него золотымъ дождемъ. Онъ вошелъ, но едва не упалъ навзничъ на порогъ... Въ комнатѣ сидѣлъ его тестъ, живехонекъ и здоровехонекъ, и ѣлъ супъ изъ глиняной чашки. Отъ удивленія и отъ негодованія Дюге стоялъ на одномъ мѣстѣ и не двигался. Онъ не могъ ни войти въ комнату, ни выйти наружу... Онъ былъ совсѣмъ уничтоженъ и похожъ на скупого, у котораго украли деньги... Онъ проговорилъ заикаясь:

— Какъ! Вы не умерли? Вы не умерли?

— Нѣтъ, еще, зятекъ, нѣтъ еще, — отвѣчалъ тестъ, нисколько не смутившись и продолжая ѣсть свой супъ съ важнымъ видомъ и не спѣша.

— Ну, хорошо. Такъ я уѣду.

Дюге опять влѣзъ въ телѣжку.

— Ну, проклятая кобыла! Ну, проклятая скотина!

Онъ погонялъ лошадь изо всѣхъ силъ, бранился, посылая проклятія, бѣсился.

— Ахъ, проклятая кобыла! Ахъ, проклятая скотина!

Неизвѣстно, къ кому относились эти бранныя слова — къ лошади или къ его тестю; но такъ какъ на Дюге нашло бѣшенство, то они относи-

лись и къ тому и къ другой. Лошадь прѣѣхала въ Фрельмонъ съ разбитыми ногами и на другой день пала.

— Вотъ и плати двадцать пистолей! — сказалъ себѣ Дюге.

Но онъ утѣшалъ себя тою мыслью, что придется же, наконецъ, такое время, когда околѣетъ и его тесть.

Этотъ инцидентъ нисколько не поколебалъ его увѣренности, напротивъ, онъ еще больше убѣдился въ томъ, что его предположеніе вѣрно. Съ каждымъ днемъ въ его глазахъ наслѣдство должно было увеличиться на сто эю.

— Какъ ты глупъ, муженекъ, — говорила ему жена, — ты напрасно вбилъ себѣ это въ голову... Конечно, это гораздо лучше того, что думаю я... но двѣ тысячи эю, какъ ты говоришь... Откуда можетъ быть столько денегъ у этого стараго нищаго?

— Почемъ знать, почемъ знать, — отвѣчалъ упрямый Дюге.

Онъ уже насчиталъ до трехъ тысячъ эю, когда получилъ отъ нотаріуса второе письмо.

— Ну, этотъ послѣдній ударъ таки прихлопнулъ его, — воскликнулъ съ радостью Дюге. — Наконецъ — вотъ счастье! — онъ умеръ по настоящему. — Въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ было сказано, что тесть его, наконецъ, умеръ и нечего бояться того, что онъ воскреснетъ.

И вотъ Дюге опять нанялъ лошадь, телѣжку и снова поѣхалъ въ Ле-Жаррье; на этотъ разъ онъ не торопился, останавливался у всѣхъ кабаковъ на дорогѣ и шутилъ со всѣми встрѣчными.

— Ну, моя милая! Ну, ну! — моя дѣвочка, — говорилъ онъ нѣжнымъ тономъ, обращаясь къ своей лошади.

Потомъ онъ обращался къ своему тестю и называлъ его «ты». Онъ чувствовалъ къ нему большое расположеніе.

— Этотъ тестюшка; вѣдь онъ все-таки былъ хорошій человѣкъ. Ахъ, бѣдный старикъ!

Въ эту минуту онъ былъ увѣренъ, что получить въ наслѣдство никакъ не меньше пяти тысячъ экю.

Когда дѣдушка Дюге рассказывалъ кому-нибудь объ этомъ ужасномъ случаѣ, то онъ всегда останавливался на этомъ мѣстѣ своего разказа.

И со свирѣпыми глазами, съ губами, дрожащими отъ гнѣва, онъ спрашивалъ у собесѣдника:

— Знаете ли вы, много ли было всего наслѣдства? Знаете ли вы... Ахъ, горе, да и только! Было... было всего на всего пятьдесятъ восемь франковъ и нѣсколько су... и изъ этого нужно было заплатить за похороны, нотаріусу, за запись въ книгѣ и чортъ знаетъ еще за что!

— Но чѣмъ же все это кончилось?

— Ну, у меня была горячка, и я прохворалъ два мѣсяца... а потомъ я хотѣлъ начать про-

цессъ съ этимъ лгуномъ-нотаріусомъ... а затѣмъ, въ концѣ концовъ, я отказался отъ наслѣдства... чтобы досадить старику... А потомъ это стоило мнѣ больше трехсотъ франковъ... да, больше трехсотъ франковъ чистыми денежками.

IV.

Его не радовали также и дѣти. А между тѣмъ онъ истратилъ «много денегъ, много денегъ на ихъ образованіе». Ахъ, какъ онъ раскаивался теперь въ этомъ! Да, онъ долженъ былъ бы поступать такъ, какъ и другіе, и не посылать ихъ въ школу, но сейчасъ же заставлять ихъ исполнять всякую тяжелую работу. Они, конечно, не умерли бы отъ этого, и это было бы, можетъ быть, лучше, потому что тогда его сынъ и дочь не пошли бы по такой дурной дорогѣ.

Дюге мечталъ сдѣлать своего сына, «мальчишкѣ Исидора», хлѣбопашцемъ, не батракомъ, какимъ былъ онъ самъ, но настоящимъ фермеромъ. Впрочемъ, онъ и не понималъ, что можно выбрать что-нибудь другое, кромѣ «земли», когда это занятіе «переходило отъ отца къ сыну». Это было завѣщано предками и въ этомъ завѣщаніи были своего рода честь, благородство, такъ что отъ него нельзя было отказываться. Для другихъ занятій было довольно «лѣнтяевъ». Поэтому онъ глубоко огорчился и былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ, когда Исидоръ заявилъ, что онъ непре-

мѣнно хочеть «поступить на мѣсто» и быть лакеемъ, такъ какъ «мосье» Батистъ, лакей въ замкѣ, этотъ гордый мужчина, который ослѣплялъ всѣхъ своими красивыми фраками съ галунами и своими нанковыми панталонами, цвѣтъ которыхъ былъ желтѣе цвѣта масла. Кто могъ вбить въ голову его сыну такія мысли? Сначала онъ сталъ его уговаривать, старался объяснить ему, что такое «земля», обѣщалъ ему, что у него будетъ «соотвѣтственная ферма», какъ у Тушей, которые снимаютъ на аренду ферму у Пито. Но потомъ, такъ какъ Исидоръ все кричалъ, что онъ хочеть быть такимъ, какъ «мосье» Батистъ, онъ началъ усовѣщевать его кулаками. Въ концѣ года, послѣ побоевъ, въ перемѣшку съ теоретическими разсужденіями, и несбыточныхъ обѣщаній, Дюге, видя, что это такое призваніе, которое устояло противъ разсужденій и стало еще желаннѣе отъ ударовъ, согласился, чтобы его сынъ поступилъ въ мальчики въ замокъ, подъ начало къ этому самому «мосье» Батисту. Прислуга! Его сынъ сталъ прислугой! Теперь она кончилась, эта длинная цѣпь предковъ съ мозолистыми руками, съ согнутыми спинами, родившихся на этой землѣ, почитаемыхъ тѣми людьми, которыхъ они кормили, благословенныхъ Богомъ, потому что они продолжали Его дѣло творенія!

Это было для него жестокой раной; но гордый и упрямый крестьянинъ возмутился и сказалъ,

чтобы съ нимъ никогда не говорили о его сынѣ. Между тѣмъ его горе приняло менѣе острый характеръ, и его гнѣвъ превратился въ насмѣшливое равнодушіе. Онъ называлъ своего сына въ насмѣшку «маркизомъ», и когда жена Дюге получала отъ него письма, то это служило неистощимой темой для насмѣшекъ.

Послѣ десятилѣтняго отсутствія, Исидоръ, переходя съ одного мѣста на другое, повидимому, окончательно устроился у одного банкира, гдѣ было очень большое жалованье и очень много давали на чай. Онъ совершенно освоился со своею должностію, носилъ ливрею съ удивительною непринужденностію, въ городѣ одѣвался такъ элегантно, какъ лэнди, былъ въ курсѣ всѣхъ парижскихъ анекдотовъ, посѣщалъ всѣхъ тѣхъ, которые считались аристократами среди лакеевъ. Считая имя Исидоръ слишкомъ обыкновеннымъ для лакея банкира, онъ просилъ своего господина называть его болѣе благороднымъ именемъ — Жюстиномъ. Въ людской его называли «monsieur Жюстинъ».

Monsieur Жюстину захотѣлось провести нѣсколько дней въ деревнѣ для того, чтобы показать свои великолѣпныя жакетки, свои цѣпочки отъ часовъ и свои лаковые ботинки. Онъ хотѣлъ насладиться удивленіемъ своихъ бѣдныхъ земляковъ, ихъ любопытствомъ и уваженіемъ, которыя онъ непременно долженъ возбудить во всѣхъ этихъ тупыхъ крестьянахъ своею кор-

ректностью. Онъ уложилъ въ свой дорожный сундукъ самыя лучшія галстуки, жилеты и панталоны, какіе только у него были, и отправился во Фрельмонъ. Отецъ Дюге, со своими орудіями на плечѣ, возвращался съ поденной работы, когда экипажъ, который привезъ monsieur Жюстина съ вокзала, остановился передъ домомъ. Monsieur Жюстинъ проворно вылезъ изъ него и съ улыбкой подошелъ къ отцу. Но Дюге сдѣлалъ такой жестъ, который помѣшалъ изліянію нѣжныхъ чувствъ. Онъ осмотрѣлъ своего сына съ ногъ до головы съ видомъ величайшаго презрѣнія, потомъ сказалъ холоднымъ тономъ:

— Мнѣ не нужно лакея, парень. Я выливаю изъ горшка самъ.

И, повернувшись къ нему спиной, онъ заперъ двери у него передъ носомъ.

— На него жалко было смотрѣть! — говорилъ потомъ старикъ Дюге. — Представьте себѣ, что у него, у маркиза-то, были остроконечныя ботиночки, почти такія же остроконечныя, какъ хвостъ у нашей свиньи, и шляпа, которая блестѣла больше, чѣмъ св. Причастіе.

Что касается до его дочери, то тутъ была другая исторія! Ну, право же, можно было подумать, что въ тѣла этихъ двухъ дѣтей вселился бѣсъ. Фаншетта была безспорно самою красивою дѣ-

вушкой во всемъ околоткѣ, съ пріятнымъ лицомъ, красными, какъ яблоко, щечками, всегда веселая, крѣпкаго сложенія, съ бойкими глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ работающая и любящая повеселиться; никто не умѣлъ такъ развеселить парней, какъ она. У ней не было недостатка въ ухаживателяхъ и въ числѣ ихъ находились такіе молодцы, у которыхъ были «прекрасныя имѣнія» на солнцѣ. Ни одна изъ дѣвушекъ во Фрельмонѣ, въ Булэ-Бланшъ, Пати, Буа-Клэръ, Катръ-Фетю, Буасси-Можі не могла похвастаться тѣмъ, что ей вслѣдъ смотрятъ столько лицъ съ округлившимися глазами, съ разинутыми ртами и столько рукъ дѣлаютъ жесты, выражающіе восторгъ. Въ особенности сынъ богатаго крестьянина Пито, тотъ прямо ходилъ за ней по пятамъ... а! сынъ крестьянина Пито былъ бы ей славной партіей! Дюге не скрывалъ отъ себя, что такой бракъ представляетъ много затрудненій, но онъ рассчитывалъ на ловкость своей дочери, которая могла преодолѣть ихъ. Онъ втайнѣ надѣялся, что, въ крайнемъ случаѣ, она сумѣетъ сдѣлать такъ, что забеременѣетъ отъ этого глупаго сына богатаго крестьянина Пито, а разъ Фаншетта будетъ «съ прибылью», то дѣло приметъ хорошій оборотъ, и тогда уже хочешь или не хочешь, придется обратиться къ господину мэру и господину кюрэ. Впрочемъ, это былъ честный планъ, потому что они должны были пожениться и жить потомъ среди честныхъ хлѣбопашцевъ. Конечно, онъ никакъ

не допускалъ того, чтобы Фаншетта сдѣлала «глупость» только ради этой самой «глупости». Только потому, что тутъ дѣло было серьезное и нужно было идти въ церковь, «никто не могъ ничего сказать противъ этого».

Въ одно воскресенье Фаншетта объявила, что она хочетъ выйти за Франсуа Бегю. Если бы Дюге упалъ на голову цѣлый возъ сѣна, то и это не было бы для него такимъ тяжелымъ ударомъ, какъ подобное извѣстie.

— Ахъ, проклятая самка! — воскликнулъ онъ при этомъ неожиданнымъ объявленіи.— Значить, ты такая же, какъ и маркизь... Тебѣ стыдно заниматься хлѣбопашествомъ... тебѣ нужны городскіе парни... Франсуа Бегю!... Нѣтъ, скажите на милость... Франсуа Бегю... вѣдь онъ не здѣшній... человекъ никуда негодный, который не сумѣетъ различить вику отъ конопли... Лѣнтяй, который работаетъ на заводѣ и у котораго есть усы!... Ты не выйдешь за него замужъ, слышишь, не выйдешь!

— Я вамъ говорю, — отвѣчала Фаншетта, — я вамъ говорю, что выйду... Онъ мнѣ нравится, да!.. Я такъ хочу... я выйду за него... все-таки выйду!.. А потомъ вы напрасно такъ кричите, потому что мнѣ наплевать на васъ.

— Ахъ, тебѣ наплевать на меня, грубиянка! Ахъ! тебѣ наплевать на меня... Ну! Погоди же!

Дюге поднялъ обѣ руки для того, чтобы ударить ее. Фаншетта, опершись кулаками на бедра,

съ вызывающимъ видомъ и съ сердитыми глазами, смотрѣла своему отцу прямо въ лицо.

— Вы можете меня бить, вы такой грубый, — сказала она, — да только вы ничего не сдѣлаете. А потомъ, если вы хотите все знать... то я беременна, да!... беременна отъ него... да, да, я беременна отъ Франсуа Бегю...

И, подойдя къ нему поближе и вытянувъ шею, она выкрикнула ему это имя прямо въ лицо.

Онъ былъ оглушенъ этимъ точно ударомъ дубины, это имя хлестнуло его точно стохвостная плетка. Дюге шатаясь отступилъ назадъ и опустилъ въ отчаяніи руки. Онъ уже ничего не понималъ. У него въ головѣ спутались всѣ понятія о справедливости, о приличіи, о бракѣ, такъ что онъ не могъ въ нихъ разобраться. Впрочемъ, несмотря на такое замѣшательство, у него все-таки оставалась надежда. Фаншетта, можетъ быть, ошиблась. Онъ пробормоталъ:

— Увѣрена ли ты въ томъ, что беременна отъ него? Вспомни... Увѣрена ли ты, что не отъ сына Пито?..

Фаншетта пожала плечами.

— Значитъ, вы считаете меня развратной? Вамъ, можетъ быть, хотѣлось бы, чтобы я спала со всѣми?

Нѣтъ, конечно, онъ не хотѣлъ этого. Но сынъ Пито былъ «не всѣ», чортъ возьми! Если уже «она» дошла до того, что спала съ мужчиной, то почему же она не выбрала этого послѣдняго, хо-

рошаго, честнаго человѣка, который былъ такимъ богобоязненнымъ и которому принадлежала превосходная ферма? Нѣтъ, онъ никакъ не можетъ допустить этого. Итакъ, все было кончено. Его прекраснымъ мечтамъ объ устройствѣ своихъ дѣтей не суждено было осуществиться. Оба они, и сынъ и дочь, позорили его имя, одинъ тѣмъ, что «выливалъ изъ ночныхъ вазъ дворянъ», а другая тѣмъ, что влюбилась въ какого-то негодяя, который пришелъ неизвѣстно откуда и проводить время на заводахъ, гдѣ дѣлаетъ неизвѣстно что. Хорошъ будетъ у него зятекъ, нечего сказать! Пьяница, развратный, мотъ и, конечно, ужъ, республиканецъ, какъ и всѣ эти заводскіе рабочіе. Ахъ, да! Большая пріятность! Кроме того, у этого Франсуа Бегю были усы, не такъ ли? А разъ у него были усы, то этимъ все сказано. Дюге такъ же, какъ и всѣ крестьяне его типа, которые преклоняются предъ старинными обычаями и строго охраняютъ традиціи, ненавидѣлъ мужчинъ съ усами, кто-бы они ни были—землепашцы или рабочіе. По его понятіямъ, усы изображали собою бунтъ, лѣность, общественный передѣлъ, всѣ святотатственныя стремленія, которыя изъ большихъ городовъ переходятъ и въ деревни, ужасный и совершенно новый порядокъ вещей, при одной мысли о которомъ на его крѣпкой четырехугольной головѣ отъ ужаса поднимались дыбомъ волосы. Порокъ, преступленіе, революція, все, что тревожило его, когда у него

было время думать, представлялось ему въ символическомъ видѣ оцетинившихся усовъ. И это было вѣрно, потому что съ тѣхъ поръ какъ онъ помнитъ себя, у всѣхъ людей, не любящихъ земли, негодяевъ, опасныхъ браконьеровъ, воровъ и людей, живущихъ съ наложницами, какихъ только онъ видѣлъ во Фрельмонѣ и въ другихъ мѣстахъ, были усы, какъ у Франсуа Бегю. Наконецъ, точно такъ же, какъ онъ уступилъ фантазіямъ Исидора, онъ не сталъ противиться и тому, чтобы Фаншетта вышла замужъ за «усатаго», думая для своего утѣшенія, что самъ онъ не будетъ чувствовать тѣхъ побоевъ, которые будетъ наносить ей мужъ. Свадьбу справили довольно весело. Была музыка—играли на скрипкахъ, а жена Дюге приготовила вкусный ужинъ, за которымъ всѣ гости напились до-пьяна «сидромъ въ закупоренныхъ бутылкахъ» и грушевкой.

V.

Теперь этот недалекій человекъ состарился. На его головѣ, съ краснымъ и изборожденнымъ морщинами лицомъ, совершенно посѣдѣли волосы; его высокій угловатый и худощавый станъ согнулся и все болѣе наклонялся къ землѣ, подобно лишеннымъ сучьевъ стволамъ старыхъ деревьевъ на холмахъ; уже не было прежней силы въ рукахъ, которыя дрожали отъ самой легкой ноши, и въ ногахъ, которыя очень скоро уставали. Наконецъ, онъ долженъ былъ оставить работу.

Въ тотъ вечеръ, когда старикъ Дюге вернулся въ послѣдній разъ съ работы, онъ, прежде чѣмъ сложить въ подвалъ свои орудія, которыя сдѣлались теперь ненужными, пошелъ въ садъ, откуда черезъ живую изгородь изъ подстриженного терновника видны были простирающіяся на далекое пространство поля. Подъ потемнѣвшимъ въ сумерки небомъ поля засыпали, все такія же могучія, все такія же прекрасныя. Къ нимъ приливалъ сокъ, такъ, какъ приливаетъ кровь къ жиламъ молодыхъ людей. И долго, долго смотрѣлъ

онъ на эту землю, на эту возлюбленную землю, на эту торжествующую землю, которую никогда не охлаждаетъ зимній снѣгъ, которую никогда не уничтожаютъ лѣтніе пожары, которая постоянно возрождается при своихъ вѣчныхъ родахъ, и всякій разъ въ еще болѣе великолѣпномъ видѣ, надъ которой проходятъ люди, идеи и вѣка, не оставляя на ней никакого слѣда своей борьбы, своей неудачи и своего разрушенія; онъ смотрѣлъ на эту землю, въ которой онъ очень скоро сложитъ свои ослабѣвшія руки, въ которой будутъ лежать его чресла, слишкомъ устарѣвшія для того, чтобы оплодотворять ее. Рожь тихо шевелилась, шелестя своими колосьями; овесъ, похожій на легкій туманъ, поднимающійся на лугахъ, блѣднѣлъ и переливался волнами; мѣстами краснѣлъ клеверъ, чуть-чуть задѣтый послѣдними лучами угасающаго солнца, и при красномъ свѣтѣ заката кое-гдѣ стоящія яблони съ кривыми сучьями принимали фантастическій видъ или были похожи на безобразный профиль вѣдмъ. Прошла какая-то женщина, которая гнала хворостиной свою корову; потомъ какой-то человѣкъ, уходившій все дальше и дальше, запѣлъ протяжнымъ голосомъ:

Коси траву въ дождь, товарищъ,
Суши ее на солнцѣ, и сѣно будетъ хорошо.

И старикъ Дюге заплакалъ въ первый разъ въ своей жизни.

VI.

Его жена и онъ, откладывая по копейкамъ, скопили себѣ четыреста франковъ годового дохода, не считая ежегодныхъ доходовъ жены, которая продолжала ходить на поденную работу и которую еще больше, чѣмъ прежде, приглашали стряпать на свадьбахъ. На эти деньги они могли жить, не терпѣли ни холода, ни голода, спокойные, счастливые, ни у кого ничего не просили. Но, несмотря на это, старикъ Дюге не былъ счастливъ. Сначала онъ не зналъ, куда ему дѣвать время, и дни казались ему очень долгими и скучными. Чувствуя себя какъ-то неловко и не зная, что дѣлать, онъ ходилъ изъ фруктоваго сада въ огородъ, полоть тамъ, копалъ тутъ, но этой работы, которую онъ обыкновенно откладывалъ на воскресенье, было ему слишкомъ мало на всю недѣлю. Нѣтъ, «жизнь капиталиста не подходила къ нему», и онъ никакъ не могъ привыкнуть къ ней. Онъ старался придумать себѣ какую-нибудь работу, которая помогла бы ему разсѣять скуку, — сдѣлалъ лѣстницу, замѣнилъ старыя перекладки въ изгороди фруктоваго сада

новыми, изъ остатковъ лѣса, которые у него нашлись, выстроилъ сарай и, когда все это было кончено, онъ опять задалъ себѣ этотъ ужасный вопросъ: «Что дѣлать?» и не зналъ, какъ разрѣшить его. Тогда онъ придумалъ разводить куръ и кроликовъ; куры будутъ его развлекать; онъ каждый день будетъ ходить за травой для кроликовъ, и время пройдетъ. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ хорошій, усердный работникъ и былъ извѣстенъ во всемъ околоткѣ за человѣка очень честнаго, то имъ заинтересовались владѣльцы замка, которые иногда поручали ему различныя не особенно утомительныя работы, напримѣръ: держать въ порядкѣ дорожки въ саду, подбирать сухіе листья и служить натурщикомъ «барышнѣ», которая рисовала масляными красками.

Но, несмотря на то, что старикъ Дюге мало по малу опять привыкъ къ постоянному дѣлу, онъ все-таки скучалъ. Онъ сильно тосковалъ о поляхъ. Въ хорошую погоду онъ часто ходилъ въ поле къ своимъ товарищамъ, которые косили или вязали снопы, но онъ возвращался съ прогулки недовольнымъ, и его праздная жизнь казалась ему еще противнѣе; ему приходили въ голову мрачныя мысли, онъ становился все печальнѣе и горько сожалѣлъ о прошломъ. вмѣстѣ съ этимъ и характеръ его становился раздражительнѣе. Онъ былъ готовъ изъ-за всего спорить и браниться; онъ сдѣлался требовательнымъ, придирчивымъ, сварливымъ, злоязычнымъ. Онъ, ко-

торый прежде такъ добродушно переносилъ постоянное отсутствіе жены, теперь сердился на нее за то, что она бросаетъ его, что она «сговори-лась съ дѣтьми» и хочетъ уморить его. Развѣ ему пріятно, въ его года, послѣ того, какъ онъ самъ столько бѣгалъ въ своей жизни, оставаться одному съ утра до вечера, точно онъ какая-нибудь несчастная паршивая собака, самому варить себѣ супъ, никогда не съѣсть хорошаго куска, въ то время какъ его жена развлекается на свадьбахъ или въ домахъ на работѣ, хорошо ѣстъ и у нея нѣтъ ни въ чемъ недостатка! А когда, въ полдень, старикъ печально садился передъ своей неизмѣнной глиняной чашкой съ супомъ, иногда даже съ холоднымъ супомъ, то мысль о томъ, что его жена съ блестящими глазами и разрумившимися щеками весело угощается требухой и фрикассе, приводила его въ бѣшенство, и онъ говорилъ самъ себѣ: «Ей наплевать на меня! Но это не можетъ такъ продолжаться, это не можетъ такъ продолжаться!» И тогда онъ помышлялъ о томъ, что уйдетъ куда-нибудь очень далеко, «все броситъ тутъ», начнетъ, совершенно одинъ, новую жизнь, будетъ работать, и подумывалъ даже о «разводѣ». Ахъ! Зачѣмъ только онъ женился? Зачѣмъ нужно было брать ему жену, развѣ только для того, чтобы скучать и терпѣть огорченія? Въ тѣ дни, когда жена Дюге соглашалась остаться дома, онъ съ самаго ранняго утра уходилъ изъ дома съ кра-

юшкой хлѣба въ сумкѣ и до самой ночи бродилъ по ельнику подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онъ собираетъ хворостъ.

Послѣ трехъ важныхъ событій въ его жизни: смерти тестя, ухода сына и свадьбы дочери, года проходили за годами, но время не изглаживало въ его памяти печальныхъ воспоминаній, и онъ продолжалъ говорить объ этомъ съ увеличивающимся днёмъ ото дня горькимъ чувствомъ. «Маркизъ», который становился все великолѣпнѣе, прѣзжалъ во Фредвмонъ только два раза и то на короткое время. Что касается до «madame Бегю», то она каждое воскресенье приходила къ отцу въ съѣздъ «усатымъ». Но старикъ, казалось, и не замѣчалъ ихъ присутствія. Впрочемъ, во время этихъ надобдавшихъ ему посѣщеній, онъ, по большей части, убѣгалъ въ поле и тамъ, вдали, находилъ себѣ какое-то неизвѣстное занятіе. Кроме того, что онъ все еще сердился на Фаншетту за то, что она обманула его надежды, выйдя замужъ за Франсуа Бегю, онъ не могъ выносить новой манеры держать себя, которую эта прекрасная дама переняла въ городѣ. Онъ пожималъ плечами, когда видѣлъ, что она «разодѣта какъ на картинкѣ», безъ шляпы, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, съ циньномъ на макрѣ и растрепанной гривкой на лбу, похожей на шерсть овчарокъ. Когда она говорила, то шепелявила и жеманничала, какъ-то особенно раскачивала заднюю часть тѣла и подражала городскимъ жи-

тельницамъ, такъ что ему было жалко на нее смотреть. Иногда жена Дюге, для того чтобы угостить свою дочь, готовила хорошій ужинъ, зарѣзывала цыпленка или дѣлала рагу изъ кроличьяго мяса. Тогда старикъ выходилъ изъ себя. Онъ запрещалъ брать своихъ куръ и своихъ кроликовъ, потому что все это принадлежало ему, никому другому, а только ему, потому что онъ заботился о нихъ, ходилъ за ними и хотѣлъ имѣть удовольствіе съѣсть ихъ одинъ или же продать ихъ на рынкѣ, если бы ему вздумалось. Ахъ! Ужъ, конечно, не стали бы такъ хлопотать для него! Пришло ли его женѣ хоть разъ въ голову состряпать ему что-нибудь повкуснѣе? Да, какъ бы не такъ! Все хорошее это было для нея и для другихъ, но никогда для него! Нѣтъ, ужъ довольно «обжорамъ, лѣнтяямъ и бездѣльникамъ» объѣдать его. Пусть Фаншетта и «усатый» ѣдятъ супъ такъ же, какъ и онъ, а если это имъ не понравится, то они преспокойно могутъ сидѣть дома и лакомиться, чѣмъ имъ угодно, онъ не будетъ имъ мѣшать, напротивъ, онъ будетъ очень радъ, что избавился отъ нихъ. И старикъ Дюге присаживался съ ворчаньемъ къ столу, къ чашкѣ съ супомъ, который онъ ѣлъ съ гордымъ видомъ; этотъ супъ, невкусный и холодный, былъ сильнымъ протестомъ противъ вкуснаго рагу, который поѣдали другіе, облизываясь отъ удовольствія. Затѣмъ онъ ложился, грозя «выбросить за дверь» и столъ и людей, если они не будутъ

молчать и не дадутъ ему спать спокойно. Какъ бы то ни было, онъ—хозяинъ въ своемъ домѣ.

Въ деревнѣ стали очень много говорить о Фаншеттѣ. Повидимому, это было что-то не особенно приличное, а въ городѣ она пользовалась теперь самой плохой репутаціей. Однажды въ лѣсу Жиру, а другой разъ во ржи жена Жандрена застала ее съ мужчинами, и она не плела кружева, а занималась совѣмъ другимъ. Ея поклонники приходили даже къ ней въ домъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, молодые люди, женатые, были даже господа. Происходили скандалы, не разъ была драка,—срамъ да и только! Впрочемъ, Фаншетта теперь уже не скрывала этого, и если она пойдетъ дальше, то скоро увидятъ, что она станетъ дѣлать мерзости на улицѣ, хуже чѣмъ какая-нибудь сука. Когда Дюге узналъ всѣ подробности, то это доставило ему величайшую радость. Впрочемъ, сначала онъ притворился, что сомнѣвается, и говорилъ, что все это наплели «злые языки», что это мстятъ тѣ женщины, которые завидуютъ Фаншеттѣ, но когда ему представили неоспоримыя доказательства позорнаго поведения его дочери, то его восторгу не было границъ. Онъ радовался не тому, что Фаншетта забавляется. О, нѣтъ! потому что онъ прежде всего стоялъ за нравственность, и у него были очень опредѣленные понятія о чести женщинъ и о религіи, но разъ было такое несчастье, то онъ очень радовался потому, что оно обрушилось такъ кстати на голову Фран-

суа Бегю. Онъ говорилъ: «Подѣломъ ему! Да! Заѣмъ онъ на ней женился!» И при мысли, что кусатый былъ несчастливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшонъ, что онъ, можетъ быть, плакалъ, что онъ не смѣлъ показаться на улицѣ, маленькіе глазки стараго крестьянина шурились отъ жестокаго, безчеловѣчнаго, злобнаго смѣха.

Съ этого времени онъ сталъ обращаться помяче съ дочерью, которая мстила за него Франсуа Бегю. Онъ удостоивалъ даже шутить съ ней и самъ удивился тому, что въ порывѣ благодарности поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, чего не случилось съ нимъ ни разу въ продолженіе десяти лѣтъ. По воскресеньямъ, когда они собирались все вмѣстѣ, онъ, хотя по прежнему былъ неуступчивымъ (относительно куръ и кроликовъ, но тѣмъ не менѣе разговаривалъ, оживлялся, разсказывалъ циничныя, сальныя исторіи, о бѣ, обманутыхъ мужьяхъ, и его злобный взглядъ безпрестанно переходилъ съ Фаншетты, которая смѣялась, не переставая, на грустнаго и задумчиваго Бегю. Печальный видъ его зятя, который онъ замѣтилъ только съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что онъ несчастливъ съ женой, доставлялъ ему такое удовольствіе) которое, вполне вознаградило его за все его разочарованіе въ прошломъ. Онъ былъ безжалостнымъ въ своихъ насмѣшкахъ. Такъ, которуд онъ считалъ самой ѣдкой, состояла въ томъ, что онъ ошупывалъ лобъ «усагапожи» и спрашивалъ у него: «Что такое у тебя на лбу, то, зятекъ?»

Какъ будто бы у тебя что-то тутъ растеть». И несчастный Бегю, который конфузился всякій разъ отъ шутки тестя, машинально поднималъ руки ко лбу, краснѣлъ и вращалъ своими кроткими, выражающими терпѣніе глазами, похожими на глаза быковъ, тогда какъ старикъ, помирая со смѣху, повторялъ: «Что же это такое у тебя растеть?» Эти припадки веселья нисколько не измѣнили его характера, который становился все болѣе и болѣе сварливымъ и деспотическимъ.

Однажды утромъ старикъ Дюге проснулся съ тяжелой головой и сильною болью въ животѣ. Онъ все-таки всталъ и, охая отъ времени до времени, принялся за свои обычныя занятія. Но его безсильныя руки, мягкія какъ тряпки, отказались повиноваться ему, его ноги дрожали точно камышъ, сгибаемый вѣтромъ, а потомъ съ нимъ сдѣлался сильный ознобъ. Хотя онъ чувствовалъ себя очень нехорошо, но онъ не хотѣлъ измѣнить своихъ привычекъ: утромъ съѣлъ грушу, а въ полдень и въ шесть часовъ пополудни поѣлъ супа. Напрасно его жена пыталась ухаживать за нимъ и заставить его поѣсть чего-нибудь лучше, онъ не хотѣлъ ничего слушать. Когда она упомянула о «докторѣ», то онъ страшно разсердился. А между тѣмъ ему становилось все хуже, боли въ животѣ дѣлались все сильнѣе, наконецъ стали невыносимыми; у него было стѣсненіе въ груди, и его дыханіе производило такой шумъ, какъ старое прорванное подувало; голова

до такой степени отяжелѣла у него на плечахъ, что онъ уже не могъ держать ее прямо; она у него кружилась, и ему казалось, что она своею тяжестью увлекаетъ за собой все тѣло. Онъ легъ въ постель.

VII.

На очень высокой постели, съ пологомъ изъ темнаго ситца, старикъ Дюге лежалъ на спинѣ, съ широко разинутымъ ртомъ и не шевелился. Его загорѣлое лицо чуть-чуть поблѣднѣло отъ того, что близка была смерть. Обѣ руки, которыя онъ выпросталъ изъ-подъ одѣяла, лежали неподвижно на простынѣ изъ суроваго холста, и его огромныя руки, съ шишковатыми почти черными пальцами, были похожи на корни дерева, вырваннаго изъ земли бурей. Въ немъ только и было живого, что его глаза, его маленькіе глаза, которые пропускали между закрытыми вѣками гаснущее пламя суроваго и гнѣвнаго взгляда, подобно тому, какъ сквозь отверстія рѣшетчатаго ставня проходитъ послѣдній свѣтъ угасающаго дня. Хотя умирающій уже не шевелился и не отвѣчалъ на тѣ вопросы, съ которыми къ нему обращались, но тѣмъ не менѣе онъ совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ во всемъ, что происходило вокругъ него. Онъ видѣлъ, какъ сейчасъ подходилъ къ нему кюрэ, онъ слышалъ, какъ этотъ послѣдній шепталъ молитвы, говорилъ о Богѣ и увѣще-

валь его умереть христіаниномъ; онъ видѣлъ черезъ отворенную дверь, какъ послѣдній вечеръ сходилъ на землю со своими золотыми и пурпурными лучами, какъ на вѣтвяхъ бука гонялись одна за другой птицы, — онѣ прощались своими звонкими руладами съ заходящимъ солнцемъ, котораго онъ уже никогда не увидитъ больше; онъ видѣлъ, какъ сосѣдки останавливались на порогѣ, вытягивали шею, что-то бормотали и потомъ уходили, волоча свои ноги въ деревянныхъ башмакахъ по дорогѣ, но все это не интересовало его. Исидоръ въ клѣтчатомъ пиджакѣ и въ шляпѣ чистилъ грибы, которые онъ набралъ въ лѣсу. Фаншетта, съ такими растрепанными волосами, какъ никогда, лѣниво вязала капоръ изъ черной шерсти, а его жена была очень занята: она съ засученными до локтя рукавами связывала съ важнымъ видомъ для жаренія цыпленка, котораго она готовила на ужинъ. Онъ слѣдилъ за всѣми движеніями жены, и его взглядъ—послѣдній взглядъ, который умирающіе стараются оторвать отъ земли для того, чтобы устремить его въ безпредѣльное пространство таинственной вѣчности—его взглядъ переходилъ съ жены на цыпленка. Вотъ, что сосредоточивало на себѣ его вниманіе въ этотъ полный величія и ужасный часъ: цыпленокъ! Цыпленокъ, который совмѣщалъ въ себѣ всю злобу его жизни, жизни скупца, лишеннаго доброты, всю горечь его эгоистической всѣми оставленной старости! У него не было никакого прият-

лаго воспоминанія о прошломъ, никакого страха предъ будущимъ, которое ему предстояло, никакого чувства, ни слезы, ни раскаянія, ни той потребности, которую ощущаютъ самые жестокіе изъ людей, потребности чувствовать въ ихъ холодной рукѣ приятную теплоту руки любимаго человѣка и утѣшительное дыханіе любимыхъ устъ надъ ихъ устами, которыя должны сомкнуться навѣки. Онъ даже не подумалъ о землѣ, о той землѣ, съ которой онъ разстался и въ которую его опять положить, о землѣ, которую онъ только одну и любилъ въ своей жизни и которая приметъ его послѣ смерти. Развѣ онъ не простился съ ней тогда вечеромъ, въ саду? И это прощаніе разлучило его навсегда со всѣмъ, что было добраго, великаго и гуманнаго въ его душѣ... Говорятъ, что ангелы прилетаютъ съ распростертыми крыльями къ изголовью умирающихъ для того, чтобы услышать ихъ послѣднюю молитву и вознести ее на небо. Его ангеломъ былъ цыпленокъ, прожорливый и лютый цыпленокъ, который выклевывалъ глаза, ѣлъ его сердце, долбилъ его печень!.. Онъ попытался собрать послѣднія силы для того, чтобы испустить гнѣвный крикъ, но вмѣсто крика вышелъ такой слабый стонъ, который едва можно было разслышать.

— Дай же отцу ложку микстуры,—сказала Фаншеттѣ мать, — а я пойду жарить цыпленка на вертелѣ.

Фаншетта напрасно старалась всунуть ложку

между стиснутыми зубами старика Дюге, — жидкость пролилась и потекла по обѣ стороны рта, затѣмъ по шеѣ и по груди. Она потихоньку обтерла ее угломъ одѣяла и затѣмъ посмотрѣла на отца. Взглядъ старика, устремленный на нее въ эту минуту, былъ такъ ужасенъ и такъ отвратителенъ, что она сейчасъ же убѣжала, дрожа отъ страха.

Наступила ночь. Въ дверь, которая оставалась все время отворенною, видна была надъ темною массою деревьевъ только небольшая часть яснаго неба, на которомъ зажигались звѣзды. Крестьяне, возвращаясь домой, останавливались у дома Дюге, спрашивали о его здоровьѣ, и по дорогѣ проходили фигуры людей и скотины съ неясными очертаніями. Комната была освѣщена только огнемъ печи, отъ котораго двигались по стѣнамъ и по потолку большія фантастическія тѣни и который бросалъ на постель красный передвигающійся свѣтъ. Нѣсколько разъ приходила желтая собака, которая подбиралась ползкомъ къ цыпленку, чую его запахъ, такъ что старуха принуждена была выгнать ее тряпкой.

Началась агонія. Сначала послышались небольшой хрипъ, тихое и глубокое хрипѣнье, похожее на мурчанье кошки; затѣмъ шумъ увеличился, онъ сдѣлался похожимъ на тотъ, который производитъ кузнечное поддувало, и прерывался свистомъ и икотой. Старикъ Дюге лежалъ все въ томъ же положеніи, вытянувшись, и не двигался; шевелились только однѣ его большія руки, кото-

рыя сжимались и судорожно скребли холстину. Ледяной потъ текъ ручьемъ по его лицу, которое корчилось и принимало земляной цвѣтъ трупa. Исидоръ и Фаншетта стояли у постели, а старуха Дюге безпрестанно переходила отъ изголовья умирающаго къ цыпленку, котораго поливала трещащимъ масломъ съ протвина. Скоро хрипѣнье стало тише, оно замолкло, и руки сдѣлались неподвижными. Это былъ конецъ. Старикъ Дюге не шевелился, и его глаза, которые теперь уже ничего не видѣли, сохранили и послѣ смерти свой злобный и жестокий взглядъ и, непомѣрно расширившись, какъ будто бы пристально смотрѣли на цыпленка, который вертѣлся подъ пѣние вертела и зарумянивался на жаркомъ огнѣ.

— Онъ умеръ!—сказала старуха Дюге, приложивъ руку къ груди своего мужа.—Фаншетта, подай-ка мнѣ зеркало, я все-таки подставляю ему подъ носъ.

Зеркало не потускнѣло.

— Конечно, онъ умеръ,—повторяла старуха Дюге.

Исидоръ и Фаншетта, немного наклонившись надъ трупомъ отца, подняли одну за другою его руки, которыя опять тяжело упали на постель.

— Да,—сказали они,—онъ умеръ.

Они всѣ трое были очень смущены и нѣсколько минутъ стояли молча.

— Я не думала, что онъ такъ скоро умереть,—

заговорила старуха Дюге, покачивая головой.— Конечно, со старикомъ было трудно ладить, но все-таки его жаль.

И, указывая на мертвое тѣло, она прибавила почти съ уваженіемъ:

— Мы будемъ ужинать въ сосѣдней комнатѣ.

У МИРОВОГО СУДЬИ.

Камера мирового судьи помѣщалась въ мѣрѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ залѣ, выходившей окнами прямо на площадь. Это была комната безъ мебели, съ вымощеннымъ плитами поломъ, со стѣнами, выбѣленными известью; она была разгорожена посрединѣ чѣмъ-то въ родѣ балюстрады изъ некрашеннаго дерева, которая служила въ то же время и лавкой для всѣхъ безъ разбора— и для тяжущихся сторонъ, и для адвокатовъ—это въ тѣ дни, когда разбирались крупныя дѣла— и для любопытныхъ. Въ глубинѣ залы, на низкой эстрадѣ, сдѣланной изъ плохо сколоченныхъ досокъ, стояли три маленькыхъ столика и передъ ними три меньшихъ стула; средній изъ нихъ былъ предназначенъ для господина мирового судьи, тотъ, который стоялъ направо— для писмоводителя, а налево— для судебного пристава. За этими столиками висѣло на стѣнѣ изображение Распятія въ потерявшей позолоту рамкѣ, имѣвшее жалкій видъ и засиженное мухами. Вотъ и все.

Когда я вошелъ въ залу, то уже всѣ собрались. Зала была наполнена крестьянами, опирающимися

ся на свои ясеневаы палки съ черными кожа-ными ремнями, и крестьянками съ тяжелыми корзинами, закрытыми крышками, изъ-подъ которыхъ высывались красные гребни цыплятъ, желтые клювы утокъ и уши кроликовъ. Отъ всѣхъ ихъ сильно пахло конюшней и хлѣвомъ. Мировой судья, человѣкъ маленькаго роста, плѣшивый, съ гладко выбритымъ краснымъ лицомъ, въ грязномъ пиджакѣ, внимательно слушалъ то, что говорила какая-то старуха, которая стояла въ отгороженномъ и предназначенномъ для тяжущихся сторонъ мѣстѣ, сопровождая каждое изъ своихъ словъ выразительными и сердитыми жестами. Письмоводитель съ растрепанными волосами и одутловатымъ лицомъ, сложивъ на груди руки и наклонивъ надъ столомъ голову, казалось, спалъ, тогда какъ сидѣвшій напротивъ него судебный приставъ, очень худой, съ очень длинной бородой и очень грязный, что-то записывалъ на скорую руку на кучкѣ грязныхъ дѣлъ.

Старуха замолчала.

— Вы все сказали? — спросилъ мировой судья.

— Что изволите говорить, господинъ судья? — спросила истица, вытянувъ шею, которая была у нея вся покрыта морщинами, точно куриная лапка.

— Я спрашиваю у васъ, кончили ли вы вашу болтовню о стѣнѣ? — повторилъ судья на этотъ разъ громче.

— Да, господинъ судья... то есть, прошу изви-

пенія, дѣло вотъ въ чемъ... Эта стѣна, къ которой Жанъ Батистъ Масэ пристроилъ свои...

И она хотѣла снова повторить то же самое, но судья прервалъ ее:

— Хорошо, хорошо. Довольно, Мартина, мы пошлемъ повѣстку. Письмоводитель!

Письмоводитель поднялъ голову, при чемъ сдѣлалъ ужасную гримасу.

— Письмоводитель! — повторилъ судья. — Послать повѣстку!.. запишите...

А затѣмъ онъ началъ считать по пальцамъ:

— Во вторникъ... мы вызовемъ его во вторникъ, да такъ, во вторникъ. Слѣдующее дѣло.

Письмоводитель, подмигнувъ глазомъ, просмотрѣлъ списокъ, перевернулъ листъ, потомъ опять перевернулъ его на первую страницу, а затѣмъ, проведя пальцемъ снизу вверхъ по списку, вдругъ остановился.

— Гателье съ Руссо, — выкрикнулъ онъ, оставаясь неподвижнымъ. — Здѣсь ли Гателье и Руссо?

— Здѣсь, — сказалъ одинъ голосъ.

— Вотъ я, — сказалъ другой голосъ.

И оба крестьянина встали съ мѣста и вошли за рѣшетку. Они стояли съ неуклюжими манерами напротивъ мирового судьи, который, протянувъ по столу свои руки, положилъ крестъ на крестъ ихъ кисти съ мозолистыми пальцами.

— Говорите вы, Гателье. Ну что еще вышло у васъ, любезный?

Гателье покачался на ногахъ, утеръ себѣ ротъ

рукою, посмотрѣлъ направо и налево, почесалъ въ головѣ, плюнулъ и, наконецъ, скрестивъ руки на груди, заговорилъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло, господинъ судья... Мы шли домой съ ярмарки Сенъ-Мишель, я, моя жена, а потомъ Руссо, всѣ вмѣстѣ. Я продалъ двухъ телятъ и, съ позволенія сказать, свинью; ну мы немножко и подвыпили. И мы ворочались въ сумеркахъ. Я пѣлъ, а Руссо все время дразнилъ мою жену, и жена все время говорила: «Перестань, пожалуйста, Руссо. Господи! Да какой же ты глупый; ты точно ребенокъ!»

И, повернувшись къ Руссо, онъ спросилъ:

— Вѣдь такъ было дѣло?

— Да, такъ, — отвѣчалъ Руссо.

— На половинѣ дороги, — продолжалъ послѣ небольшой паузы Гателье, — я вижу вдругъ, что моя жена поднимается вверхъ по кособору, перелѣзаетъ черезъ низкую изгородь, за которой идетъ большой ровъ... Куда ты идешь? — спрашиваю я. — «Не твое дѣло» — отвѣчаетъ мнѣ она. — «Хорошо», — говорю. А мы съ Руссо идемъ дальше. Прошли это мы съ нимъ нѣсколько шаговъ, гляжу, и Руссо тоже поднимается вверхъ по кособору, шагаетъ черезъ низкую изгородь, за которою идетъ большой ровъ. — «Куда это ты идешь? — спрашиваю я. — «Не твое дѣло» — отвѣчаетъ онъ мнѣ. — «Хорошо», — говорю и иду своей дорогой.

И онъ снова повернулся къ Руссо и спросилъ:

— Вѣдь такъ было дѣло?

— Да, такъ, — отвѣтилъ Руссо.

— Я все иду своей дорогой, — продолжалъ Гателье, — иду, иду и иду. А потомъ обертываюсь назадъ и вижу, что на дорогѣ нѣтъ никого. Я и думаю: «Это странно! Куда же они запропастились?» Я ворочаюсь назадъ: «Что-то очень долго! — думаю себѣ. Мы немножко подвыпили, это правда, но что-то очень ужъ долго». Вотъ прихожу я на то мѣсто, съ котораго Руссо поднялся по ко-согору... Я тоже перелѣзаю черезъ изгородь и смотрю въ ровъ: «Господи! — говорю я самъ себѣ, — да вѣдь это Руссо съ моей женой!» — Извините, пожалуйста, господинъ судья, но я точно такъ и сказалъ себѣ.

Среди присутствующихъ послышался кое-гдѣ смѣхъ, но Гателье не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ продолжалъ:

— Такъ вотъ Руссо былъ съ моей женой, съ позволенія сказать, и вотъ какъ онъ дрягалъ во рву ногами, нѣтъ, надобно было только видѣть, какъ онъ дрягалъ ногами этотъ проклятый Руссо! Ахъ, с...ъ сынъ! Ахъ, негодяй! Ахъ, бездѣльникъ! — «Эй, парень! — кричу я сверху... Эй, Руссо! Послушай... скотина ты!..» Я кричалъ это во все горло. — Но сколько я ему ни кричалъ, ничего не помогло!.. Тогда я самъ спускаюсь въ ровъ, схватываю Руссо за шиворотъ, за блузу... «По-

стой», — говоритъ онъ мнѣ. — «Постой», — говоритъ мнѣ жена. «Я тебѣ — говоритъ онъ — полпистоли дамъ, слышишь, парень, полпистоли». — «Полпистоли, — спрашиваю я, а самъ выпускаю изъ рукъ его блузу, — да, только вѣрно ли это?» — «Вѣрно, вѣрно». — «Побожись!» — «Божусь». — «Давай деньги сейчасъ». — «Послѣ» говоритъ. — «Ну, хорошо», говорю. И вотъ я опять иду на дорогу.

Гателье и въ третій разъ потребовалъ, чтобы Руссо подтвердилъ его слова:

— Вѣдь такъ было дѣло?

— Да, такъ, — отвѣчалъ Руссо.

Очень довольный этимъ, Гателье возвысилъ голосъ.

— Вы слышите, господинъ судья, вы слышите... онъ обѣщалъ, онъ божился! Потомъ онъ вмѣстѣ съ моей женой опять пришелъ на дорогу, а я сидѣлъ тутъ и поджидалъ ихъ. — «Давай полпистоли», говорю я. А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Завтра, завтра, а сейчасъ со мной нѣтъ и двухъ льярдовъ». — Можетъ быть, это была и правда. — Я ничего не сказалъ, и вотъ мы пошли опять по дорогѣ всѣ вмѣстѣ, я, моя жена, и потомъ Руссо. Я опять сталъ пѣть. Руссо опять началъ дразнить мою жену, а она ему все время говорила: «Перестань же, Руссо! Господи! До чего ты глупъ. Ты точно ребенокъ». — Когда мы расходились, то я сказалъ Руссо: «Помни, парень, ты мнѣ побожился». — «Побожился». — Онъ пожалъ мнѣ руку,

сдѣлалъ глазки моей женѣ и потомъ ушелъ... Такъ вотъ, господинъ судья, съ самаго того времени онъ не хочетъ заплатить мнѣ полпистоли... Да еще, къ довершенію всего, не дальше, какъ вчера, когда я потребовалъ отъ него долгъ, онъ назвалъ меня рогоносцемъ! — «Проклятый рогоносецъ, ты можешь себя обшаривать!» — Вотъ что онъ сказалъ мнѣ.

Онъ опять повернулся къ Руссо и спросилъ:

— Вѣдь такъ было дѣло?

На этотъ разъ Руссо какъ-то смѣшно покачался на ногахъ и ничего не отвѣтилъ. Мировой судья былъ сильно озадаченъ. Онъ теръ себѣ рукой щеку, смотрѣлъ то на писмоводителя, то на судебного пристава, какъ будто бы прося у нихъ совѣта. Очевидно, онъ былъ въ недоумѣніи и не зналъ, какъ рѣшить это дѣло.

— Гм! Гм! — сказалъ онъ.

Затѣмъ онъ нѣсколько времени думалъ.

— Ну, а ты, жена Гателье, что скажешь объ этомъ? — спросилъ онъ у толстой женщины, которая сидѣла на лавкѣ съ корзиной между колѣнями и слѣдила за разговоромъ мужа съ такимъ серьезнымъ видомъ, что на нес тяжело было смотрѣть.

— Я, я ничего не скажу, — отвѣчала, вставъ съ мѣста, жена Гателье. — Но что касается до того, что онъ обѣщалъ и божился, господинъ судья, то, конечно, онъ обѣщалъ дать полпистоли, обманщикъ...

Судья обратился къ Руссо:

— Такъ какъ же, парень? Вѣдь ты обѣщаль, не правда ли? Ты побожился?

Руссо со смущеннымъ видомъ вертѣлъ въ рукахъ свой картузь.

— Да, конечно!—сказалъ онъ,—но вотъ, что я скажу вамъ, господинъ судья. Полпистоли я не могу заплатить, это слишкомъ дорого... это не стоитъ, ей-Богу не стоитъ!

— Ну! Надо же какъ-нибудь уладить это дѣло... Полпистоли... можетъ быть, это и дѣйствительно немного дорого... Послушай ты, Гателье, можетъ быть тебѣ довольно будетъ экую?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не возьму экую... Полпистоли, потому что онъ побожился!

— Подумай, любезный. Экую—это деньги. А потомъ Руссо кромѣ того угостить тебя винцомъ... Ну, что же, ты согласенъ?

Оба крестьянина посмотрѣли другъ на друга, почесывая у себя за ухомъ.

— Ну, ты согласенъ на это, Руссо?—спросилъ Гателье.

— Конечно,—отвѣчалъ Руссо,—вѣдь мы съ тобой пріятели!

— Ну! Ладно!

Они пожали другъ другу руки.

— Слѣдующее дѣло!—сказалъ громкимъ голосомъ судья, въ то время какъ Гателье, его жена и Руссо вышли медленными шагами изъ камеры, согнувъ спину и махая руками.

ИСПОВѢДЬ ЖИБОРИ.

I.

Домъ кюрэ въ Lonné-sur-Eau и домъ дѣдушки Жибори стоятъ рядомъ: послѣдній низенькій, почернѣвшій отъ времени и покачнувшійся, а первый двухъэтажный, съ красивымъ фасадомъ, выкрашеннымъ желтой краской и съ бѣлыми ставнями. Оба сада, отдѣляющіеся одинъ отъ другого тонкою изгородью изъ терновника — спускаются къ Риллѣ, узенькой и неглубокой рѣчкѣ, вода которой тихо журчитъ въ этомъ мѣстѣ между камышами и тростникомъ. Такъ какъ эти два сада распланированы совершенно одинаково аллеями, или, скорѣе, поросшими травой дорожками и въ нихъ совершенно симметрично расположены цвѣтники, вокругъ которыхъ насажены клубника, крыжовникъ и малорослыя деревья съ искривленными сучьями, то они какъ двѣ капли воды похожи одинъ на другой. Но только въ саду кюрэ, на самой серединѣ, подъ лавровымъ деревомъ, стоитъ статуя Божіей Матери изъ раскрашеннаго гипса, кое-гдѣ обросшая мохомъ и полинявшая отъ дождя. У дѣдушки Жибори есть также своя статуя, которую онъ «на зло кю-

рѣ» называетъ своимъ «статуемъ Іосифа». Это соломенное чучело, на которое надѣтъ на бокъ вытершійся, порыжевшій и со сморщившейся тульею цилиндръ и которое насажено на жердь и качается, растопыривъ руки, а на нихъ навѣшены красные лоскутья, пугающіе воробьевъ... Направо и налѣво маленькіе фруктовые сады, примыкающіе къ жилищамъ бѣдныхъ людей; впереди разстилается зеленѣющая и широкая долина съ ея рядами тополей съ тонкими стволами и ольховыми рощицами, долина, гдѣ такъ свѣжо и такая сочная трава, и гдѣ ходятъ стадами крупные быки этой приморской мѣстности.

Какъ-то разъ утромъ, послѣ полудня, дѣдушка Жибори занимался тѣмъ, что сажалъ въ свѣжевспаханную землю лукъ порей, когда по другую сторону показался кюрэ, который вышелъ изъ своего дома съ требникомъ въ рукѣ. Старикъ сейчасъ же сталъ на четвереньки, согнувъ дугою спину и опустивъ носъ почти до самой земли; въ такомъ положеніи онъ стоялъ неподвижно точно собака, подстрегающая полевую мышъ. Кюрэ, бормоча латинскія слова, ходилъ взадъ и впередъ вдоль раздѣлявшей сады изгороди, изъза которой видна была только его покачивающая голова съ багровымъ лицомъ и съ всклочоченными сѣдыми прямыми волосами. Кюрэ, прочитавъ свои молитвы, остановился, положивъ свой требникъ въ черномъ переплетѣ на изгородь, а на требникъ крестъ-накрестъ свои руки.

— Эй! дѣдушка Жибори! — закричалъ онъ.

Дѣдушка Жибори притворился, что не слышитъ. Онъ продолжалъ стоять неподвижно; глаза у него заблестѣли отъ злобы, а ноздри дрожали такъ, какъ дрожатъ ноздри животныхъ, привлеченныхъ запахомъ добычи; и онъ не пошевелился.

— Дѣдушка Жибори! — крикнулъ кюрэ еще громче. — Эй, дѣдушка Жибори!.. Развѣ вы не слышите... дѣдушка Жибори!

Медленно, не издавая ни одного звука, точно звѣрь насторожѣ, онъ поднялъ голову и повернулъ ее въ сторону.

— Ш-у-у-у-у! — сказалъ онъ, махая своею большою рукою съ шишковатыми пальцами, какъ будто бы онъ хотѣлъ отогнать отъ себя надоѣдливую муху.

И затѣмъ онъ сейчасъ опять принялъ свое прежнее положеніе собаки насторожѣ, вытянувъ все тѣло и опершись на свои двѣ руки, какъ на двѣ лапы.

Затѣмъ наступило молчаніе. Можно было подумать, что происходитъ нѣчто важное, торжественное, почти ужасное. Но изъ изгороди выпорхнулъ испуганный реполовъ; гдѣ-то далеко принялись трещать двѣ сороки, и отъ порыва вѣтра закричѣло на своей жерди соломенное пугало. Потерявъ всякое терпѣніе, оттого что дѣдушка Жибори все не двигался, кюрэ снова позвалъ его:

— Дѣдушка Жибори!.. Эй, эй, дѣдушка Жибори! Ну, что тамъ такое?.. Опять кротъ, что ли?

Старикъ выпрямился и отъ гнѣва ударилъ по землѣ кулаками.

— Ахъ, провалиться бы! — выбранился онъ. — Онъ опять ушелъ по вашей милости... Ахъ, негодяй!.. Ничего не оставилъ.. все перерылъ... Пойду за своей западной.

Онъ поднялся съ земли съ бранью и, согнувшись въ три погибели и махая дрожащими руками въ тактъ своимъ трясущимся ногамъ, направился къ дому.

Но кюрэ, который улыбался съ лукавымъ видомъ, опять позвалъ его.

— Скажите пожалуйста, дѣдушка Жибори, отчего происходитъ то, что всякій разъ, какъ я выйду въ садъ, вы непременно подстерегаете крота?

— А я почему знаю? — отвѣчалъ старикъ грубымъ тономъ. — Можетъ быть, это отъ васъ... Чортъ возьми!.. Кротъ и потомъ кюрэ, это, конечно, одно и то же... Пойду за своей западной...

— Да подождите немножко, дѣдушка Жибори... Ну, мы объ этомъ говорить не будемъ. А какъ вы себя чувствуете, вполне хорошо?

— Силы нѣтъ, господинъ кюрэ, силы нѣтъ!.. Ноги у меня слабы, а потомъ голова, да и весь я... Вотъ какъ у меня вертитъ внутри... Ахъ, чортъ возьми, у меня вертитъ точно на мельницѣ.

— Значить, — заговорилъ опять кюрэ, помолчавъ съ минуту, — значить, у васъ вертеть тамъ внутри!.. Вѣдь на это слѣдуетъ обратить вниманіе... А вотъ скоро наступитъ и Пасха...

При этомъ послѣднемъ словѣ дѣдушка Жибори широко разинулъ ротъ, кривой ротъ, разрѣзанный неровно точно ножомъ, ротъ, весь черный, въ которомъ торчалъ обломокъ единственнаго желтаго зуба.

— Вы что изволите говорить? — пробормоталъ онъ.

— Я говорю вамъ, что у насъ скоро будетъ Пасха, — повторилъ кюрэ.

— Да?... Что же вы хотите сказать этимъ?.. Пусть она и приходитъ, такъ вѣдь?

— Хорошо!.. Хорошо!.. Шутите, шутите, старый хитрецъ! Вы знаете, о чемъ идетъ дѣло... Послушайте. Неужели вы будете проводить Пасху такъ же, какъ и въ прежніе года, и не исповѣдаетесь... Послушайте!..

— Не говорите объ этомъ, пожалуйста... не говорите объ этомъ.. Я пойду за своей западной...

Тогда кюрэ заговорилъ властнымъ тономъ.

— Выслушайте меня, дѣдушка Жибори, — сказалъ онъ съ важностью. — Ваша дочь огорчается, это для нея большое горе... Она плачетъ, она въ отчаяніи... Вы причиняете ей большое горе тѣмъ, что вы такой безбожникъ.

— Это Мелія-то?—подхватилъ съ живостью

старикъ. — Это совсѣмъ не ея дѣло... Пусть она занимается своими дѣлами... а потомъ и вы тоже. Я очень люблю Бога, да! Я каждое воскресенье хожу къ обѣднѣ. Но что касается до исповѣди, а потомъ того, а потомъ другого... Я этого дѣлать не намѣренъ.. нѣтъ, не намѣренъ!

— Вы человѣкъ старый, дѣдушка Жибори... У васъ уже были удары... Человѣкъ не знаетъ, сколько онъ проживетъ и скоро ли умретъ...

Онъ скрестилъ на груди руки и покачалъ головой.

— А что, если бы съ вами сдѣлался ударъ нынче вечеромъ... сейчасъ... Что бы вы сказали, а?

— Ударъ!.. нынче вечеромъ?.. со мной!.. Ахъ!.. Ахъ! Смотрите, какъ бы не пришлось вамъ умереть раньше меня... вы вѣдь тоже ужъ не молоды, да и здоровья не крѣпкаго... Пойду за своей западней!

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!

Бѣдный курэ не зналъ, что ему и говорить послѣ этого. Отвѣты дѣдушки Жибори, которымъ придавала еще больше выраженія злоба, свѣтившаяся въ этихъ маленькихъ мигающихъ глазахъ, это упорное спокойствіе насмѣшливаго грубаго человѣка сбивали его съ толку, раздражали и пугали, какъ будто бы онъ находился въ присутствіи самаго чорта. Ему хотѣлось бы разбранить его, но онъ сдержался, боясь, чтобы старикъ не разсвирѣпѣлъ еще больше, а также и въ надеждѣ

на то, что ему удастся, наконецъ, привести къ раскаянію этого стараго закоренѣлаго грѣшника.

Птицы перелетали съ одного низкорослаго дерева на другое, распѣвая на солнцѣ; а тамъ, внизу, тихо журчала рѣка, вода которой задѣвала качающіеся отъ вѣтра стволы камыша; вдругъ рыжая кошка, которая пробиралась по грядкѣ, гдѣ недавно былъ посаженъ латукъ, пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ, въ два прыжка перескочила черезъ садъ, пролѣзла черезъ отверстіе въ изгороди и скрылась.

Кюрэ былъ въ большомъ смущеніи и придумывалъ, какъ бы половчѣе снова завязать разговоръ. Онъ вынулъ изъ кармана своей рясы табакерку, взялъ изъ нея щепотку табаку и, отряхнувъ нѣсколькими щелчками свою руку, вдохнулъ въ себя понюшку и громко отфыркнулся.

— Послушайте, дѣдушка Жибори, — сказалъ онъ вдругъ, — вы человѣкъ хорошій, я сдѣлаю вамъ одно предложеніе... О, ну, да, одно прекрасное предложеніе!..

И онъ началъ барабанить пальцами по своему требнику мотивъ псалма.

Старый крестьянинъ наострилъ уши. Онъ посмотрѣлъ на кюрэ глазами, въ которыхъ было написано недовѣріе. Кюрэ продолжалъ:

— У меня остается еще одна бутылка стараго вина, только одна бутылка стараго вина, но такого стараго, которому больше двадцати лѣтъ...

Многіе пріѣхали бы за сто лье для того, чтобы достать бутылку такого вина... Она стоитъ... О, Боже мой! Да она стоитъ, по крайней мѣрѣ, десять франковъ, можетъ быть даже и пятнадцать франковъ.. Право, даже нельзя и сказать, сколько стоитъ такая бутылка... ей нѣтъ цѣны... Такъ вотъ, если вы захотите исповѣдаться, то я принесу вамъ эту бутылку... Она будетъ принадлежать вамъ, и вы можете похвастаться тѣмъ, что у васъ будетъ такая рѣдкая вещь, такая вещь, которой нѣтъ даже ни у его преосвященства епископа, ни у владѣльца замка Жильбо, ни у кого..

— Охъ! Охъ!.. — говорилъ дрожащимъ голосомъ старикъ, почесывая у себя за ухомъ. — Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь обмана? Можетъ быть, это только для того, чтобы меня поймать?

— Да вѣдь я же вамъ говорю... Послушайте, дѣдушка Жибори, согласны вы?

— Не говорю, что не согласенъ.

— Ну, такъ я сейчасъ же приду къ вамъ!..

— Сейчасъ, а бутылка?

— Да вѣдь я приду съ бутылкой...

— Ладно.

II.

Мелія была худая, вся высохшая дѣвушка, всегда одѣтая въ черное съ головы до ногъ, точно монахиня. Если она не была въ церкви, то употребляла время на то, чтобы приводить все въ порядокъ въ домѣ и украшать его стѣны священными изображеніями, а ея губы постоянно шептали молитву. Отецъ и она никогда не разговаривали между собою. Это совсѣмъ не значило, что они сердятся другъ на друга; но если старикъ не мѣшалъ своей дочери предаваться чрезмѣрной набожности, то онъ требовалъ, чтобы и она, съ своей стороны, предоставила ему свободу поступать такъ, какъ онъ хочетъ, и не вздумала увѣщевать его насчетъ того, что «относится къ религіи». А такъ какъ Мелія умѣла говорить только о божественныхъ предметахъ, то она совсѣмъ не говорила съ нимъ. Вотъ уже десять лѣтъ они жили при полномъ молчаніи.

Дѣдушка Жибори вернулся въ домъ и даже не взглянулъ на Мелію, которая, подобравъ валикомъ юбки вокругъ своихъ плоскихъ бедръ и засучивъ рукава до самаго локтя, чистила котель и при

этомъ бормотала молитвы; онъ прошелъ въ свою комнату и заперъ за собой дверь.

Черезъ четверть часа онъ услышалъ голоса: въ сосѣдней комнатѣ слышенъ былъ шопотъ и сдерживаемыя восклицанія; а когда онъ отворилъ двери, то увидалъ кюрэ, который улыбался, такъ и сиялъ и держалъ въ рукѣ бутылку.

— Ахъ! Ахъ, дѣдушка Жибори,—воскликнулъ кюрэ торжествующимъ тономъ.—Вотъ она... это она... единственная, послѣдняя, лучшая изъ лучшихъ... Ахъ, старый счастливецъ!

Поднявъ бутылку надъ своей головой за край горлышка, онъ показалъ ее во всей ея красѣ съ ея кругленькимъ брюшкомъ и покрытую паутиной, которая представляла собою какъ бы ея потенную бороду.

— Вотъ это хорошо, вотъ это хорошо, — проворчалъ старый крестьянинъ, который искоса посматривалъ на бутылку своими заблестѣвшими глазами.— Ну, какъ же мнѣ сдѣлать это дѣло?

Кюрэ, быстро окинувъ глазами комнату, осмотрѣлъ ее всю и сказалъ:

— Это очень просто... Вотъ маленькій столикъ... вы сядете у одного его конца, а я буду у другого....

— А бутылку надо поставить посрединѣ!—прибавилъ Жибори.

— Хорошо... И подумаешь, что я берегъ ее для дня столѣтней годовщины св. Латуиша... Ну, что

же дѣлать, разъ обѣщано... Ну! Вы готовы? Мы сейчасъ начнемъ.

Кюрэ почтительно поставилъ бутылку на столъ, сѣлъ и перекрестившись пробормоталъ торжественнымъ и глухимъ голосомъ:

— Во имя Отца, Сына и Св. Духа, аминь!.. Повторите эти слова, дѣдушка Жибори.

Этотъ послѣдній не спускалъ глазъ съ бутылки. У него мелькнуло въ умѣ подозрѣнiе, какъ бы кюрэ не «посадилъ его въ бутылку», то-есть не обманулъ, и онъ спросилъ:

— Какое же это вино?

— Бургонское, старое бургонское, — отвѣчалъ кюрэ.

— Бургонское! Право лучше, если бы это было бордо! Да правда ли то, что это, по крайней мѣрѣ, бургонское?... Не хотите ли вы меня обмануть....

— Но разъ я вамъ говорю!.. Ну, начнемте опять: Во имя Отца, Сына и Св. Духа, аминь!.. Повторите это, дѣдушка Жибори!

— Во имя Отца, Сы... и Св. Духа... Аминь!

Сказавъ эти слова, онъ повернулся къ кюрэ.

— Что же вы хотите, чтобы я вамъ сказалъ?.. Мнѣ нечего сказать вамъ, совершенно нечего... Я никого не убилъ, не изнасиловалъ, не обокралъ....

Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вошла Мелія съ сердитыми глазами и съ угрожающимъ жестомъ.

— Господи, да какъ же это можно,—закричала она, подходя къ столу.—Господи, да какъ же это можно говорить такую ложь... да еще на исповѣди, Богу, господину кюрэ. Да, вы воровали!.. Да, господинъ кюрэ, онъ воровалъ, онъ воровалъ; да еще не одинъ разъ, а больше десяти разъ... Ахъ! Но я не хочу, чтобы онъ рассказывалъ въ такомъ видѣ... Онъ можетъ умереть нынче ночью... онъ пойдетъ прямо въ адъ... Я этого не хочу... Онъ укралъ кролика у жены Рено, серпъ у крестьянина Трепальеръ, а потомъ сажень дровъ у мосье Баку, хорошихъ грабовыхъ дровъ, такъ что намъ хватило ихъ на двѣ зимы... Онъ украяъ двѣ мѣры ячменя у Маршана, онъ укралъ... Развѣ я могу знать все, что онъ укралъ?...

Старикъ съ пѣною у рта показывалъ кулакъ своей дочери и кричалъ:

— Уйдешь ли ты отсюда! Замолчишь ли ты! Погоди, погоди!..

Онъ хотѣлъ встать, но въ торопливости такъ толкнулъ столъ, что бутылка наклонилась, покатила по столу и—раньше чѣмъ кюрэ успѣлъ удержать ее—упала на полъ, по которому, при звонѣ разбитаго стекла, разлилась красная жидкость.

Всѣ трое стояли съ минутою въ ужасѣ, пораженные, съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами, слѣдя взглядомъ за тонкими извилистыми красными струйками, которыя текли все даль-

ше, раздѣлялись, соединялись и исчезали въ трещинахъ пола.

— Проклятый плуть! — выбранился кюрэ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Пресвятая Богородица! — взмолилась Мелія, сложивъ свои руки.

— Я пойду за своей западней! — вотъ все, что сказалъ дѣдушка Жибори, который совсѣмъ всталъ и пошелъ медленными шагами изъ комнаты, волоча свои деревянные башмаки и размахивая руками.

ГОРЕ КРЕСТЪЯНИНА ПИТО.

I.

Крестьянинъ Пито запрягалъ въ конюшнѣ своихъ лошадей, приготовляясь выѣхать на пашню и при этомъ ворчалъ, бранился и плевалъ. Фонарь, въ которомъ вмѣсто стекла была вставлена роговая пластинка, освѣщаль потолокъ; съ расщелившихся досокъ котораго висѣли растрепанные клочки сѣна; а на грязныхъ стѣнахъ, забрызганныхъ навозной жижей, двигались принявшія огромные размѣры тѣни скотины.

У двери конюшни появилась работница Луиза.

— Эй, хозяинъ! — позвала она, — хозяинъ!

— Ну, что тамъ еще? — спросилъ Пито, собирая веревочныя постромки и завязывая ихъ въ одинъ большой узелъ. — Что тамъ еще?

— Подите скорѣе сюда! Я не знаю, что такое сдѣлалось съ Перепелкой. Она не хочетъ вставать. Сколько я ни била ее башмакомъ подъ задъ, она не двигается... А потомъ она двошить... она двошить!... Господи! Какъ она двошить!

— Что же это! Что же это! И ты говоришь, что она не хочетъ вставать, эта корова?

— Да, не хочетъ.

— Что же это! Что же это!.. Подожди меня...

Пито отцѣпилъ фонарь и пошелъ за работницей.

На дворѣ только что разсвѣтало; это было очень холодное пасмурное утро, и стоялъ туманъ, одинъ изъ тѣхъ желтыхъ ноябрьскихъ тумановъ, при которыхъ не видно ни земли ни неба, туманъ, въ которомъ едва можно различить контуры деревьевъ и домовъ; контуры эти затѣмъ исчезаютъ и смѣшиваются со сгустившейся безцвѣтной атмосферой, представляющей собой печальный образъ небытія. На дворѣ фермы куры, разбуженныя кукареканьемъ пѣтуховъ, клевали навозъ; утки чистили свои перья у грязной лужи; и въ то время какъ пастухъ, за которымъ шло его стадо, исчезалъ въ туманѣ, точно привидѣніе, изъ хлѣва медленно и тяжело выходили коровы, которыя направлялись къ водоюу, мычали, вытянувъ шею и, проходя одна за другою, терлись боками о стволъ орѣховаго дерева; съ его вѣтвей, лишенныхъ листы, стекала ночная сырость, которая, капая на землю, производила такой же шумъ, какой производитъ дождь.

Пито прошелъ впереди Луизы въ отворенную дверь; и вотъ что онъ увидалъ. Въ темнотѣ, въ глубинѣ хлѣва, въ которомъ было жарко какъ въ печи, и стоялъ ѣдкій и непріятный запахъ навоза и молока; лежала корова на подстилкѣ изъ грязнаго папортника. Ея огромныя бѣлыя бока раздувались и сплющивались точно поддувало въ

кузницѣ; ея бедра, испещренные рыжими пятнами, были запачканы мочей и зеленоватымъ каломъ, и изъ ея морды, протянутой на грязной подстилкѣ, выходило какое-то свистящее и короткое дыханіе. Пито, которому свѣтила Луиза— онъ отдалъ ей фонарь— наклонился надъ коровой, внимательно осмотрѣлъ ее, ощупалъ ей всѣ члены своими большими багровыми руками, поднялъ ей вѣки и посмотрѣлъ на ея кроткіе и бессмысленные глаза, въ которыхъ былъ теперь лихорадочный блескъ.

— Ну, Перепелочка, — сказалъ онъ съ нѣжностью. — Ну, моя красавица Перепелочка... Что съ тобой, моя милочка?.. Гдѣ у тебя болитъ, скажи, моя королева?.. Гдѣ тебѣ больно?

Онъ взялъ изъ яслей свеклу, которую разломилъ пополамъ и, обнюхавъ сначала оба куска, подалъ ихъ одинъ за другимъ коровѣ, которая отвернула голову, а сама и не пошевелилась.

— Что же это!.. Что же это!.. — пробормоталъ онъ.

Его лицо, похожее на комокъ земли, на которой былъ надѣтъ картузь, вдругъ приняло озабоченный видъ. Пито нѣсколько разъ почесалъ у себя за ухомъ и погрузился въ глубокое и тяжелое раздумье, въ то время какъ Луиза, покачиваясь на своихъ толстыхъ бедрахъ, разсѣяннo смотрѣла на пустой хлѣвъ и на его тяжелыя балки, которыя исчезали въ темномъ углу подъ крышей. Кинувъ куски свеклы назадъ, въ ясли, онъ сталъ

на колѣни на навозѣ, приложилъ ухо къ груди коровы и для того чтобы лучше сосредоточиться и лучше слышать закрылъ глаза. Отвратительная крыса пробѣжала по рѣшеткѣ для сѣна и сейчасъ же проскочила въ трещину стѣны, сдѣланной изъ глины съ соломою, а затѣмъ хлѣвъъ заполнили куры.

— Господи! Какъ она дышитъ! — воскликнулъ Пито, поднимаясь съ колѣнъ... У нея такъ и кипитъ въ легкомъ, точно молодой сидръ въ бочкѣ... Она больна, эта корова; да, это вѣрно, что она больна, очень, очень больна! — Ахъ, чортъ возьми!.. Но что такое съ ней, Луиза?..

— А? Что вы говорите?

— Поди-ка въ ригу да возьми тамъ мѣшки изъ-подъ картофеля, а потомъ еще старый брезентъ, ты знаешь, старый брезентъ, направо, на кадкѣ?.. Господи! Какъ она дышитъ!

Работница отдала фонарь хозяину и вышла изъ хлѣва, стуча своими деревянными башмаками.

Пито, съ озабоченнымъ видомъ и нахмуренными бровями, принялся ходить вокругъ коровы, бока которой поднимались все выше и выше. У него сжалось сердце отъ страха, когда онъ подумалъ, что, можетъ быть, онъ лишится ея и скоро увидитъ, какъ она будетъ лежать тутъ, протянувшись, бездыханная, съ окоченѣлыми членами; его охватилъ ужасъ, и по тѣлу у него пробѣжали мурашки. Такая красивая корова, самая лучшая изъ всего стада! Корова, которая каждый

день давала ему шестнадцать литровъ молока и каждый годъ теленка, котораго онъ продавалъ за 90 франковъ на ярмаркѣ въ Эшоффуръ! Отчего она была больна? Отчего она лишила бы его вѣрнаго дохода, который онъ былъ бы долженъ получить? Развѣ за ней былъ плохой уходъ? Развѣ у нея не было вдоволь хорошей травы, моркови и свеклы. Ощупывая ей спину, животъ, подгрудокъ, вымя, поднимая закрытыя вѣки, Пито и самъ не зналъ хорошенько, что ему нужно дѣлать—сердиться на нее или жалѣть ее. Впрочемъ, изъ страха, что ея болѣзнь усилится, если онъ будетъ обращаться съ ней грубо, онъ говорилъ съ ней нѣжно, осыпалъ ее ласками.

— Ну, моя красавица Перепелочка... Ну, моя королева, моя милочка, моя душечка!..

Но на самомъ дѣлѣ ему хотѣлось бы назвать ее «проклятой животиной», грубо потрясти ее за рога и натравить на нее собакъ, которыя стали бы кусать ей поджилки.

Луиза вернулась съ мѣшками и брезентомъ. Оба они очень осторожно обвернули ими корову, съ нѣжностью закутали ее какъ ребенка.

— Ну, моя бѣдная Перепелочка! — говорилъ Пито.

И всякій разъ Луиза отвѣчала на эти слова:

— Ну, мой херувимчикъ, мой цыпленочекъ; мой поросеночекъ... Ну, моя бѣдная Перепелочка!

II.

— Замолчишь ли ты, скверный мальчишка! — кричала жена Пито, которая, сидя на корточкахъ передъ большимъ котломъ съ засученными до локтя рукавами рубашки, мяла въ рукахъ картофель, который она потомъ обваливала въ отрубяхъ и обмакивала въ сметану... Погоди, погоди! Вотъ я тебя отшлепаю! Будешь ты у меня такъ орать!

Но крики, которые шли изъ маленькой плетеной изъ ивовыхъ прутьевъ колыбели, стоявшей между двумя кроватями въ этой комнатѣ, не прекращались, и вдругъ послышались какіе-то хриплые звуки, точно хрипѣнье ребенка, котораго душатъ.

— Ахъ, проклятый мальчишка! Ахъ, горланъ! — закричала фермерша. — Да замолчишь ли ты?

Передъ большой печью, выкрашенной сажей, сидѣла на заднихъ лапахъ любимая собака, Рикэ, и пристально смотрѣла на догоравшую вязанку хвороста, а двѣ кошки спали, растянувшись всю длину на теплой золѣ.

Жена Пито подошла къ колыбели, въ которой не переставалъ кричать ребенокъ. Было тяжело смотрѣть на его худенькое, блѣдное, сморщившееся и дѣлающее ужасныя гримасы лицо.

Его глаза были закрыты дряблой кожей, и полоса, гдѣ сходились закрытыя рѣсницы, казалась раной, изъ которой сочится кровь. Крики съ трудомъ вырывались изъ его сжавшагося горла, и все его тѣло судорожно передергивалось отъ конвульсій подъ простыней изъ небѣленаго холста.

— Когда же ты перестанешь плакать, а скверный мальчишка? — сказала фермерша, которая, наклонившись къ колыбели, подняла ребенка и встряхнула матрацъ, набитый мякиной и запачканный испражненіями. — Ну! — прибавила она, кладя ребенка снова, — ну, спи!.. Если бы тебя слушать, то пришлось бы оставить всякое другое дѣло и возиться только съ тобой...

Она отошла отъ колыбели, стала на колѣни передъ печью и развела опять огонь, который былъ готовъ погаснуть. Собака поднялась и стала ходить по комнатѣ, обнюхивая полъ; кошки проснулись, потянулись и влѣзли на стулъ. Въ эту минуту въ комнату вошелъ Пито, за которымъ шла Луиза.

— Я думаю, что Перепелка больна, — сказалъ онъ, покачивая головой, — очень больна, да, очень больна.

Фермерша, которая дула на головешки, быстро выпрямилась:

— Что ты говоришь?.. Что такое ты говоришь?.. — спросила она, немного поблѣднѣвъ.

— Я говорю, что Перепелка очень больна... Вотъ что я говорю!.. Очень, очень больна!

— Что же съ ней сдѣлалось?

— Да не знаю... У нея что-то въ легкомъ... Она ничего не ѣстъ.... а потомъ она пухнетъ!

— А потомъ она тяжело дышитъ! — подтвердила Луиза.

— А потомъ она очень, очень, очень больна! — заключилъ Пито, который бросилъ свой картузь на столъ съ выражавшимъ отчаяніе жестомъ.

Жена Пито была такъ поражена этимъ, что не сказала ни слова. Для нея было ужасно слышать, что ея красивая корова, дававшая такъ много молока, Перепелка, тяжело дышала, пухнула, ничего не ѣла, была очень больна. Это извѣстіе совсѣмъ ошеломило ее. Впрочемъ, она скоро пришла въ себя-и, бросивъ на Пито сердитый взглядъ, закричала:

— Она пухнетъ... она тяжело дышитъ... А ты стоишь тутъ точно дуракъ и только чешешь у себя въ головѣ... Ты, можетъ быть, думаешь, что ветеринаръ это только для собакъ, дурался ты этакій!.. Скотина можетъ околѣть, тебѣ все равно... ты не двигаешься съ мѣста, точно пень... Подложилъ ли ты ей хоть свѣжей соломы... Ахъ, Ты, Господи!

Ребенокъ снова началъ кричать, и колыбель скрипѣла отъ усилій этого бѣднаго маленькаго существа, которое боролось съ болѣзнью. Въ его крикѣ, то слабомъ какъ стонъ, то пронзительномъ и раздирающемъ душу, то глухомъ какъ предсмертное хрипѣнiе слышалась просьба о помощи. Но ни отецъ, ни мать не слышали этого призыва, который выражался только крикомъ. Они продолжали смотрѣть. Взбѣшенная жена Пито жестикулировала и говорила:

— Если ты будешь стоять тутъ да смотрѣть на меня съ разинутымъ ртомъ, то развѣ это ей поможетъ?

И, повернувшись къ работницѣ, она громко кричала:

— Это ты виновата въ этомъ, негодяйка... Ты, навѣрно, водила ее пастись въ орѣшникъ?.. И вотъ она наѣлась какой-нибудь вредной травы.

Опустившись въ изнеможеніи на стулъ, она закрыла себѣ лицо фартукомъ и заплакала.

— Моя бѣдная Перепелка наѣлась отравы!.. Гу... Гу... Гу...

Съ ребенкомъ сдѣлался припадокъ кашля; казалось, что онъ икнетъ еще разъ и его тѣло разорвется. Пито поднялъ голову и посмотрѣлъ по направленію къ колыбели, ивовые прутья которой трещали и выше края которой замѣтны были маленькія худыя кривлявшіяся ручки.

— Что это? Это мальчикъ такъ кричитъ? — спросилъ онъ. — Отчего онъ такъ кричитъ?

— У него ничего не болитъ... У него рѣжутся зубы... Бѣдная моя Перепелка!.. Гу... Гу...

— Ну, я пойду за ветеринаромъ... А потомъ вѣдь она еще не околѣла. Что же такъ огорчаться раньше времени.

— Бѣдная моя Перепелка... намъ никогда не найти такой коровы, никогда! Замолчишь ли ты, проклятый поросенокъ! Погоди, вотъ я тебя выпорю.

Но Луиза уже взяла ребенка, и въ то время какъ Пито надѣвалъ блузу, она, сидя у печи, пичкала его крутой и липкой кашей, а ребенокъ бился у нея въ рукахъ, его рвало и онъ хрипѣлъ.

III.

Докторъ, закутавшись въ свою теплую волчью шубу, ѣхалъ въ тильбюри, которымъ правилъ самъ. Онъ старался объѣхать глубокія колеи и большіе камни, круглыя верхушки которыхъ виднѣлись кое-гдѣ на дорогѣ. Несмотря на то, что у него была умная и послушная лошадь, колеса его экипажа натыкались иногда на камни или скользили въ ямы, такъ что экипажъ подпрыгивалъ на своихъ рессорахъ, точно лодка на волнующемся морѣ. Моросилъ мелкій дождикъ. Очень высоко летѣли вороны, вырисовываясь на сѣромъ небѣ; а стаи испуганныхъ скворцовъ, привлеченныхъ сюда изгородями, обсаженными остролистомъ и шиповникомъ, которыя тянулись по обѣ стороны дороги, взлетали кверху и садились на сучья ближнихъ яблонь.

— Здравствуйте, господинъ Рогэнъ, — сказала какой-то толстый человѣкъ, который, перешагнувъ черезъ изгородь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была сломана, вдругъ сталъ посрединѣ проселочной дороги.

Онъ былъ одѣтъ въ очень короткую куртку

и грязные панталоны, продолженіемъ которыхъ служили стоптанные и покрытые грязью сапоги.

Докторъ остановилъ свою лошадь.

— А, господинъ Торель! — сказалъ онъ. — Здравствуйте, господинъ Торель! Какъ рано вы ходите по деревнѣ!

Торель передохнулъ минуту, онъ спустилъ внизъ сѣрый шерстяной шарфъ, которымъ была закутана его шея, и отвѣчалъ:

— Да, господинъ Рогэнъ... У меня есть въ Эпинѣ годовалый жеребенокъ, который боленъ мытомъ, а теперь я шелъ полемъ къ Пито, чтобы посмотрѣть его корову, которая больна воспаленіемъ легкихъ и которую я лѣчу уже четыре дня... въ настоящее время у скотины много случаевъ воспаленія легкихъ.

— Помилуйте, да вѣдь и я тоже ѣду къ Пито.

— Да, да, я знаю... къ его ребенку. Это я совѣтовалъ ему послать за вами. Мнѣ кажется, что ребенокъ у него опасно боленъ... Но я не задерживаю васъ, господинъ Рогэнъ.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ, господинъ Торель, садитесь ко мнѣ въ экипажъ...

— Да у меня грязные сапоги, господинъ Рогэнъ.

— Это ничего не значитъ, господинъ Торель!

— Ну, когда такъ, господинъ Рогэнъ... съ удовольствіемъ....

На поворотѣ дороги показался какой-то крестьянинъ, который шелъ быстрыми шагами.

— Смотрите! Смотрите, вѣдь это Пито! — воскликнулъ Торель, который уже спустилъ ногу на подножку тильбюри. — Эй! Пито!.. Здравствуйте, Пито!..

— Съ добрымъ утромъ, мосье Торель съ компаніей, — сказалъ фермеръ, который остановился и почтительно снялъ шляпу.

— Ну, а что же ваша корова? — спросилъ ветеринаръ.

— Вы очень добры, мосье Торель... Она околѣла нынче утромъ!.. Господи Боже мой, да... околѣла! Я только что успѣлъ вставить новое дно въ бочку... а она и околѣла!.. Я шелъ къ вамъ сказать, чтобы вы не беспокоились... Она околѣла, да!

Онъ сдѣлалъ сердитый жестъ.

— Какія у меня все несчастія!.. Три года тому назадъ я потерялъ двухъ жеребятъ и теленка, съ позволенія сказать... Въ прошломъ году у насъ околѣла жеребая кобыла... Въ этомъ году — я и самъ не знаю, отъ чего это — но у меня погибли всѣ куры; а потомъ, теперь вотъ корова, прекрасная корова, корова, можно сказать, рѣдкая, очень рѣдкая!.. Чортъ возьми, мосье Торель, навѣрно насъ сглазили, сглазили!

Пито топалъ о землю ногою и рвалъ на себѣ волосы..

— А сколько стоятъ денегъ всѣ эти потери

то!.. сколько денег!.. А потомъ рожь не идетъ съ рукъ, картофель отдають за безцѣнокъ... съ такой засухой, какая была у насъ, и говядина не принесла пользы... Сколько тутъ пропало денегъ! Господи Боже! Кто это могъ насъ сглазить?

— Ну, а вашъ ребенокъ? — спросилъ Рогэнъ.

Но Пито смотрѣлъ на доктора, какъ будто бы не понимая, что онъ говорить.

— Что вы изволите говорить? — спросилъ онъ.

— Какъ здоровье больного ребенка, къ которому я ѣду?

— Это вы говорите о нашемъ маленькомъ мальчикѣ?

— Ну, да!

— Ахъ! Да вѣдь онъ умеръ..

ЭЙ, ДЪДУШКА НИКОЛАЙ!

Мы шли цѣлыхъ два часа, показавшихся намъ очень долгими, по полямъ, 'подъ лучами солнца, падавшими съ неба точно огненный дождь; потъ текъ ручьями у меня по тѣлу и меня мучила жажда, страшная жажда. Напрасно я искалъ ручейка, свѣжая вода котораго журчитъ подъ листовою, или же родника, какіе можно встрѣтить въ этой мѣстности, маленькаго родника, который спитъ въ своей нишѣ изъ покрытой мохомъ земли. И я приходилъ въ отчаяніе, языкъ у меня высохъ, и въ горлѣ палило огнемъ.

— Мы дойдемъ съ вами до Гертодъера, той фермы, которую вы видите вонъ тамъ, — сказалъ мнѣ мой спутникъ. — Дѣдушка Николай дастъ намъ хорошаго молока.

Мы пошли черезъ поле, лежавшее подъ паромъ, и комья земли разсыпались подъ нашими ногами въ красную пыль; потомъ, пройдя мимо засѣяннаго овсомъ поля, на которомъ волновался отъ легкаго вѣтерка овесъ принималъ синеватые оттѣнки, мы пришли во фруктовый садъ, гдѣ подъ тѣнью яблонь лежали и спали

пестрыя коровы. На концѣ сада находилась ферма. На дворѣ, образуемомъ четырьмя жалкими строениями, не было ни души, если только не считать цыплятъ, клевавшихъ навозъ, который лежалъ около овчарни и плавалъ въ грязной навозной жижѣ. Послѣ напрасныхъ попытокъ отворить затворенныя и чѣмъ-то заставленныя двери, мой спутникъ сказалъ:

— Навѣрно, всѣ въ полѣ.

Впрочемъ, онъ крикнулъ:

— Дѣдушка Николай! Эй, дѣдушка Николай!

Но никто не отзывался.

— Эй, дѣдушка Николай!

Этотъ вторичный зовъ только напугалъ куръ, которыя разлетѣлись во всѣ стороны съ клохтаньемъ и махая крыльями.

— Дѣдушка Николай!

Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, я уже хотѣлъ самъ дойти тѣхъ коровъ, которыя лежали во фруктовомъ саду, когда изъ пріотворенной двери амбара высунулась голова старухи съ угрюмымъ сморщеннымъ и очень краснымъ лицомъ.

— Что нужно? — закричала крестьянка, — это вы, monsieur Жозефъ? Я васъ не сразу узнала. Извините меня, пожалуйста, и вы и вашъ спутникъ.

Теперь она показалась вся. Къ головѣ у нея плотно прилегалъ бумажный колпакъ, кончикъ котораго былъ откинутъ на лобъ; часть плечъ и шея — костлявыя и сморщенные, можно сказать,

кирпичнаго цвѣта — до такой степени они загорѣли отъ солнца — выходили изъ складокъ широкой рубашки изъ толстой холстины, сдерживаемой у пояса коротенькой, почти дѣтской юбкой съ черными и сѣрыми полосами. Деревянные башмаки, грубо сдѣланные изъ буковаго дѣла, служили ей обувью и были надѣты на ея босыя ноги синеватаго цвѣта и сморщившіяся какъ кусокъ старой кожи.

Крестьянка затворила за собой дверь и приставила лѣстницу, по которой сходили внизъ; но прежде чѣмъ поставить ногу на первую перекладину, она спросила у моего спутника:

— Это вы кликали моего мужа, дѣдушку Николая?

— Да, бабушка, это я.

— А на что вамъ нуженъ дѣдушка Николай?

— На дворѣ жарко, намъ очень хочется пить, вотъ мы и хотѣли попросить у него чашку молока.

— Погодите, monsieur Жозефъ, я сейчасъ къ вамъ приду.

Она начала медленно спускаться по лѣстницѣ, стуча своими деревянными башмаками.

— Значить, дѣдушки Николая нѣтъ дома? — спросилъ мой спутникъ.

— Извините, — отвѣчала старуха, — онъ дома. Ахъ, да, конечно, онъ дома, да только онъ, бѣдняга, уже не можетъ двигаться! Нынче утромъ его положили въ гробъ.

Теперь она совсѣмъ сошла. Отеревъ себѣ лобъ, по которому текли крупныя капли пота, она прибавила:

— Да, monsieur Жозефъ, онъ умеръ, дѣдушка Николай. Это случилось вчера вечеромъ.

А такъ какъ мы приняли печальный видъ, то она сказала:

— Что же, это ничего, право, ничего, вы войдите въ комнату, тамъ прохладнѣе и отдохнете немного, а я въ это время схожу за молокомъ.

Она отворила дверь жилого дома, запертую на двойной оборотъ ключа.

— Войдите, господа, и пожалуйста, не стѣсняйтесь... будьте какъ дома... Смотрите, вотъ онъ, дѣдушка Николай.

Подъ бревенчатымъ закоптившимся потолкомъ, на дальнемъ концѣ большой темной комнаты, между двумя кроватями съ ситцевыми пологами, стоялъ на двухъ стульяхъ гробъ изъ некрашеннаго дерева, наполовину закрытый скатертью изъ небѣленаго холста, украшенной только мѣднымъ распятиемъ и вѣткой освѣщеннаго буксуса. Въ ногахъ у гроба поставили маленькій столикъ, на которомъ тускло горѣла и догорала оплывающая сальная свѣчка, которая изображала собой восковую свѣчу. Рядомъ со свѣчкой стоялъ красный глиняный горшокъ со святой водой и при немъ былъ тоненькій пучекъ дрока, служившій вмѣсто кропила. Мы перекрестились и покروпили святою водою гробъ, а затѣмъ, не говоря ни слова,

сѣли за большой столъ, смотря со смущеніемъ другъ на друга.

Скоро вернулась и жена дѣдушки Николая. Она осторожно несла большую чашку молока, которую поставила на столъ, говоря:

— Вы можете пить его сколько душѣ угодно! Вы нигдѣ не найдете такого хорошаго и такого свѣжаго молока.

Въ то время какъ она ставила на столъ маленькія чашки и доставала изъ квашни большой круглый ситный хлѣбъ, мой спутникъ спросилъ у нея:

— Что же, дѣдушка Николай былъ долго боленъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, monsieur Жозефъ. Надо сказать, что ему уже нѣсколько времени было какъ-то не по себѣ. У него было что-то неладно въ легкихъ, я думаю, что это отъ крови. Съ нимъ было два раза такъ, что онъ блѣднѣлъ, потомъ багровѣлъ, а потомъ чернѣлъ и падалъ точно мертвый.

— Развѣ вы не послали за докторомъ?

— Конечно, нѣтъ, monsieur Жозефъ, конечно, я не послала за докторомъ. Вѣдь онъ, такъ сказать, не былъ и боленъ. Вѣдь это не мѣшало ему ходить и туда, и сюда и разгуливать съ мальчишками. Вчера я пошла на базаръ, и вотъ, когда я вернулась, что же я вижу? Дѣдушка Николай сидитъ, голова у него опустилась на столъ, а руки висятъ, и самъ онъ недвижимъ точно

камень. «Мужъ!» — говорю. Ничего не отвѣчаетъ. — «Дѣдушка Николай, мужъ!» — кричу ему на ухо. Нѣтъ никакого отвѣта, нѣтъ и нѣтъ. Тогда я начинаю его трясти, вотъ такъ. А онъ закачался, а потомъ упалъ на полъ, все такъ и лежалъ и не шевелилъ ни рукою, ни ногою, а самъ-то вотъ черный—черный, точно уголь. «Господи,—думаю я— да никакъ дѣдушка-то Николай умеръ!» — А онъ и умеръ, monsieur Жозефъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ... Да что же вы не пьете-молоко-то... у меня есть еще... А потомъ я въ это время не бью масла...

— Это большое горе, — сказалъ я.

— Что же дѣлать?—отвѣчала крестьянка.—Конечно, это Божія воля.

— Развѣ у васъ нѣтъ никого, кто побылъ бы при покойникѣ? — прервалъ ее мой спутникъ. — А ваши дѣти?

— О, теперь нечего бояться, онъ теперь уже не уйдетъ, бѣдняга. А потомъ ребята въ полѣ, они убираютъ сѣно. Изъ-за этого нельзя останавливать работу... Вѣдь разъ онъ умеръ, то это его не воскресить!

Мы напились молока. Поблагодаривъ жену дѣдушки Николая, мы ушли отъ нея въ смущеніи, не зная, удивляться ли такому равнодушію крестьянъ къ смерти или порицать его, а между тѣмъ даже въ лабѣ собакъ въ опустѣвшей конурѣ слышится какъ-будто рыданіе, а въ пѣніи птицъ около разоренныхъ гнѣздъ — точно жалобный стонъ.

СМЕРТЬ СОБАКИ.

I.

Ея хозяйинъ звалъ ее Туркомъ.

Это была худая собака желтой шерсти, съ по-
нурымъ видомъ, съ остроконечной мордой, съ
короткими, плохо подрѣзанными ушами, изъ ко-
торыхъ всегда сочилась кровь, и съ хвостомъ,
который поднимался надъ ея спиною, какъ покры-
тый паршами вопросительный знакъ.

Лѣтомъ Турокъ ходилъ въ поле, стерегъ ко-
ровъ, лаялъ на дорогахъ на экипажи и на пѣше-
ходовъ, за что ему приходилось получать много
ударовъ ногой и камнями. Его самую большою
радостью было выпугнуть зайца изъ жнива, на
которомъ уже пробивался молодой клеверъ, и
заяцъ бѣжалъ передъ нимъ, а онъ гнался за
этимъ зайцемъ черезъ изгороди, канавы, ручей-
ки и рвы, дѣлая огромные прыжки и мчась что
есть духу, послѣ чего онъ возвращался домой,
запахавшись, съ поднимающимися боками, съ
высунутымъ языкомъ и весь въ поту.

Зимою, въ то время когда скотина лежала въ
оцѣпенѣннн на своей теплой подстилкѣ, Турокъ
лежалъ въ своей конурѣ; это была старая бочка

жалкаго вида и безъ соломы, и онъ лежалъ въ ней цѣлый день, свернувшись въ комокъ, или же подолгу чесался. Онъ питался ненаварнымъ и вонючимъ супомъ, — это было что-то вродѣ помоевъ съ саломъ, и этотъ супъ приносили ему утромъ въ глиняной чашкѣ съ отбитыми краями, и всякій разъ, какъ на дворъ входилъ какой-нибудь незнакомый ему человѣкъ, онъ бросался на него, дѣлалъ прыжокъ во всю длину своей цѣпи и рыча показывалъ свои зубы.

Онъ сопровождалъ также своего хозяина на ярмарки, когда тому нужно было продать теленка или купить свинью; онъ бывалъ съ хозяиномъ и тогда, когда тотъ останавливался въ городскихъ трактирахъ.

Однимъ словомъ, онъ, какъ и всѣ собаки, былъ послушнымъ, вѣрнымъ и несчастнымъ.

II.

Однажды—это было поздно вечером—возвращаясь съ одной изъ отдаленныхъ ярмарокъ со своимъ хозяиномъ, который остановился въ деревенскомъ кабакъ, онъ потерялъ его. Въ то время какъ его хозяинъ пилъ одну за другой рюмки, стоящія три су шесть саптимовъ, собака бродила вокругъ кабака и съ жадностью раскапывала кучи отбросовъ для того, чтобы отрыть кость или какое-нибудь другое такое же лакомство. Когда она вернулась въ кабакъ, стыдясь того, что она убѣжала и ожидая, что ей за это достанется, она нашла тутъ только двоихъ полупьяныхъ и совершенно незнакомыхъ ей крестьянъ, которые выгнали ее пинками ноги. Турокъ ушелъ.

Деревня стояла у перекрестка. Къ ней вело шесть дорогъ. По которой изъ нихъ бѣжать? Кажалось, что бѣдная собака была совершенно озадачена. Она насторожила уши для того, чтобы услышать по вѣтру знакомые ей шаги, къ которымъ она такъ привыкла, обнюхивая землю, какъ будто бы для того, чтобы открыть на ней еще

свѣжій запахъ слѣдовъ; затѣмъ, слегка вздохнувъ два раза, она быстро побѣжала. Но вскорѣ она остановилась въ тревогѣ и вся дрожала. Теперь она пошла по сторонѣ дороги осторожно, наклонивъ носъ до самой земли. Она проходила только нѣскольکو метровъ по проселочнымъ дорогамъ, выводящимъ на большую дорогу, поднимаясь на косогоры, обнюхивала пьяныхъ, лежавшихъ у рововъ, затѣмъ поворачивала назадъ и возвращалась по своимъ прежнимъ слѣдамъ, осматривая всякую кучу деревьевъ, всякій кустъ золотохвороста.

Наступала ночь; поля, направо и налево отъ дороги, утопали въ фіолетовой тѣни. Такъ какъ взошла и поднялась на безоблачномъ небѣ луна, то Турокъ сѣлъ на заднія лапы; вытянувъ шею и смотря прямо на небесное свѣтило, онъ долго, долго вылъ для того, чтобы его услыхалъ хозяинъ, котораго онъ потерялъ:

— Гуу! Гуу! Гуу!

Но кругомъ была глубокая тишина.

— Гуу! Гуу! Гуу!

На этотъ вой, на эти рыданія бѣдной собаки отвѣчали среди глубокой ночи только собаки на сосѣднихъ фермахъ.

Луна поднималась все выше, освѣщая землю своимъ яснымъ, волшебнымъ свѣтомъ, и тѣнь собаки протянулась на бѣловатой дорогѣ.

III.

Господинъ Бернаръ, нотаріусъ, вышелъ изъ дома на разсвѣтъ, намѣреваясь совершить свою обычную прогулку. Онъ былъ одѣтъ въ пару изъ чернаго казимира, какъ и слѣдовало нотаріусу. Но такъ какъ это было въ серединѣ лѣта, то господинъ Бернаръ захотѣлъ скрасить свой мрачный костюмъ зонтикомъ изъ бѣлаго альпага. Въ маленькомъ городкѣ всѣ еще спали; только въ немногихъ кабакахъ отпирали двери, да землекопы, со своими лопатами на плечѣ, шли лѣнливымъ шагомъ на работу.

— Какъ рано вы всегда встаете, мосье Бернаръ!—сказалъ одинъ изъ нихъ, кланяясь съ уваженіемъ. Бернаръ хотѣлъ отвѣтить ему—потому что онъ былъ человѣкъ негордый—но онъ увидалъ, что съ другого конца Гулянья идетъ къ нему навстрѣчу какая-то желтая собака, такая худая, такая понурая, до такой степени запачканная грязью и, повидимому, такая усталая, что господинъ Бернаръ инстинктивно спрятался за чинаръ. Собака эта была Турокъ, бѣдный, жалкій Турокъ.

— Охъ! Охъ! — подумалъ господинъ Бернаръ, — это такая собака, которой я не знаю! Охъ! Охъ!

Въ маленькихъ городкахъ жители знаютъ всѣхъ собакъ, точно такъ же, какъ всѣ жители знаютъ другъ друга, и появленіе незнакомой собаки, это такое же важное и обезпокоивающее событіе, какъ и появленіе незнакомаго человѣка.

Собака прошла мимо фонтана, находящагося въ центрѣ Гулянья, и не остановилась.

— Охъ! Охъ! — подумалъ господинъ Бернаръ, — эта собака, которой я не знаю, не остановилась у фонтана. Охъ! Охъ! Эта собака — бѣшеная, очевидно, бѣшеная...

Дрожа отъ страха, онъ запасся большимъ камнемъ. Собака бѣжала рысцой впередъ, съ опущенной головой.

— Охъ! Охъ! — воскликнулъ господинъ Бернаръ, который поблѣднѣлъ, какъ полотно, — я вижу пѣну. Охъ! Охъ! на помощь ко мнѣ... пѣна!.. на помощь! — И, стоя подъ защитою чинара, онъ запустилъ въ собаку камнемъ. Но камень не попалъ въ нее. Она посмотрѣла на нотаріуса своими кроткими глазами, повернула назадъ и ушла.

IV.

Черезъ минуту послѣ этого всѣ жители города были разбужены ужасною новостью: бѣшенная собака! Въ окнахъ показались лица, еще опухшія отъ сна; у дверей домовъ образовались кучки мужчинъ безъ сюртуковъ и женщинъ въ кофточкахъ и ночныхъ чепцахъ, которые вели между собою оживленный разговоръ. Самые смѣлые вооружились вилами, кольями, заступами, серпами и граблями; столяръ размахивалъ своимъ рубанкомъ, мясникъ — своимъ большимъ ножомъ; башмачникъ, маленькій горбатый человѣчекъ, съ ципичной улыбкой, большой любитель романовъ, выходящихъ небольшими выпусками, предлагалъ ужасныя и утонченныя мученія.

— Гдѣ же она? Гдѣ же она?

Въ то время какъ жители маленькаго городка приняли оборонительное положеніе и ихъ мужество все разгоралось, господинъ Бернаръ разбудилъ мэра и рассказалъ ему ужасную исторію:

— Она бросилась на меня, господинъ мэръ съ пѣной у морды; она чуть не укусила меня, гос-

подинъ мэръ!—кричалъ Бернаръ, оцѣпывая у себя бедра, икры, животъ.—Охъ! Охъ! Видалъ я на своемъ вѣку много бѣшенныхъ собакъ, да, много бѣшенныхъ собакъ, но, господинъ мэръ, никогда, никогда я не видалъ такой бѣшенной, такой ужасной собаки. Охъ! Охъ!

Мэръ съ сознаниемъ собственнаго достоинства, но также очень озадаченный, покачалъ головой и задумался.

— Это опасно! Очень опасно! — пробормоталъ онъ.—Но увѣрены ли вы, что эта собака дѣйствительно бѣшенная?

— Да, дѣйствительно бѣшенная! — воскликнулъ господинъ Бернаръ съ негодованіемъ,—если бы вы сами ее видѣли, если бы вы видѣли эту пѣну. эти налитые кровью глаза и эту оцѣтинившуюся шерсть! Это была уже не собака, это былъ тигръ, тигръ, тигръ!

Затѣмъ, принявъ на себя торжественный тонъ, онъ посмотрѣлъ мэру прямо въ глаза и сказалъ, растягивая слова:

— Послушайте, господинъ мэръ, здѣсь дѣло идетъ не о политикѣ; здѣсь дѣло идетъ о безопасности жителей, о защитѣ жителей, повторяю, о ихъ безопасности. Если вы откажетесь отъ лежащей на васъ отвѣтственности, если вы сейчасъ же не примете энергичныхъ мѣръ, то вы скоро пожалѣете объ этомъ, господинъ мэръ, это говорю вамъ, я, Бернаръ, нотаріусъ.

Бернаръ считался главою оппозиціи, онъ былъ радикаломъ и противникомъ мэра, а потому этотъ послѣдній не сталъ долго раздумывать и послалъ за полевымъ сторожемъ.

V.

Турокъ, нашедшій себѣ пріютъ на площади, гдѣ никто не смѣлъ къ нему подойти, спокойно лежалъ растянувшись. Онъ грызъ баранью кость, которую держалъ въ своихъ положенныхъ крестъ-накрестъ лапахъ.

Полевой сторожъ, вооружившись ружьемъ, которое далъ ему мэръ, въ сопровожденіи многочисленной свиты подошелъ къ собакѣ на разстояніе десяти шаговъ.

Мэръ, который смотрѣлъ на это зрѣлище съ балкона ратуши вмѣстѣ съ господиномъ Бернаръ, не могъ удержаться, чтобы не сказать этому господину: «А вѣдь вотъ она ѣстъ!» надо думать точно такимъ же тономъ, какимъ произнесъ свою знаменитую фразу Галилей.

— Да, она ѣстъ... это ужасное, хитрое животное!—отвѣчалъ господинъ Бернаръ и, обращаясь къ полевому сторожу, онъ отдалъ ему такое приказаніе:

— Не подходи къ ней близко, неосторожный!

Полевой сторожъ, въ кепи набекрень, въ рубашкѣ съ засученными рукавами, съ лицомъ,

оживленнымъ мужествомъ и нетерпѣніемъ, зарядилъ свое ружье.

— Не спѣши! — сказалъ одинъ голосъ.

— Смотри, не промахнись! — сказалъ другой голосъ.

— Цѣлься ей въ голову!

— Нѣтъ, пониже плеча!

— Смирно! — сказалъ полевой сторожъ, которому, навѣрно, мѣшало кепи, потому что онъ быстрымъ движеніемъ руки сбросилъ его съ головы, и оно упало за нимъ прямо въ пыль.

И онъ прицѣлился въ собаку, въ эту бѣдную, эту жалкую собаку, которая, оставивъ свою кость, смотрѣла на толпу кроткимъ и робкимъ взглядомъ и, повидимому, не понимала, чего хотѣли отъ нея всѣ эти люди. Теперь шумъ затихъ, и наступила тишина; женщины заткнули себѣ уши, чтобы не слышать выстрѣла; мужчины прищурили глаза, и всѣ плотнѣе прижимались другъ къ другу. Этою толпою овладѣла мучительная тревога въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго и ужаснаго.

Полевой сторожъ все прицѣливался.

— Пафъ! Пафъ!

И въ то же время раздался болѣзненный, раздирающій душу и протяжный вой, вой, который раздался по всему городу. Собака встала, она побѣжала, хромя, на трехъ ногахъ и оставляла послѣ себя небольшія капли крови. И въ то время какъ собака бѣжала и бѣжала все дальше, изум-

ленный сторожъ смотрѣлъ на свое ружье; озадаченная толпа смотрѣла на полевого сторожа, а мэръ, разинувъ ротъ, смотрѣлъ на господина Бернара, который былъ въ ужасѣ и негодованіи.

VI.

Турокъ бѣжалъ цѣлый день, ужасно ковыляя на своихъ трехъ ногахъ, истекая кровью и останавливаясь по временамъ для того, чтобы зализывать свою рану, а затѣмъ, спотыкаясь, опять отправлялся въ путь; онъ бѣжалъ по дорогамъ, по полямъ, по деревнямъ. Но вездѣ уже была извѣстна новость, наводившая ужасъ новость, что появилась бѣшеная собака. У нея мутныя глаза, шерсть оцетинилась; изъ ея пасти течетъ смѣшанная съ кровью пѣна. И вотъ деревни вооружились, на фермахъ вездѣ видны косы. Вездѣ въ нее швыряютъ камнями, бьютъ ее палкой, стрѣляютъ въ нее изъ ружья! Теперь все ея тѣло представляеъ собою только одну большую рану, ужасную рану живого истерзаннаго тѣла, изъ которой кровь льется на пыльную дорогу, окрашиваетъ въ красный цвѣтъ траву и тѣ ручейки, которые она переплываетъ. А она все бѣжитъ и бѣжитъ, натываясь на камни, на кочки, на кусты травы, ее постоянно преслѣдуютъ криками, кричатъ, что ее надо убить.

Къ вечеру она прибѣгаетъ на поле, засѣянное

рожью, къ высокой и спѣлой ржи, золотистые колосья которой тихо качаются отъ вѣтра. Запылавшись, съ поднимающимися высоко боками, съ одервенѣвшими членами, она падаетъ въ изнеможеніи на цвѣтушій макъ, который служитъ ей постелью, и тутъ, въ то время, когда куропатки, которыя разбрелись во ржи въ разныя стороны, перекликаются одна съ другою, въ то время, когда трещитъ кузнечикъ, посреди шума засыпающей природы, она, не испустивъ ни одного стона, умираетъ, призывая души бѣдныхъ собакъ, «которыя спятъ на блестящей и волшебной лунѣ».

АГРОНОМІЯ.

I.

Господинъ Лешá ждалъ меня на вокзалѣ.

— Ахъ, вотъ и вы, наконецъ; — воскрикнулъ онъ. — Я очень радъ.

— Вы видите, — сказалъ я, — что я сдержалъ свое слово....

— Хвалю! Я люблю, когда держать свое слово!.. Идите сюда!.. А вашъ билетъ?.. Давайте вашъ билетъ... Ну, намъ надо поскорѣе садиться въ экипажъ... Есть съ вами багажъ?.. Нѣтъ... Тѣмъ лучше... Мы пройдемъ вотъ туть! — Господинъ Лешá, схвативъ меня за полу теплаго пальто, заставилъ пробѣжать съ нимъ черезъ весь вокзалъ и притащилъ меня такимъ образомъ къ своей коляскѣ, которая стояла вмѣстѣ съ другими экипажами на небольшой площадкѣ, обсаженной акаціей.

— Садитесь, садитесь, чортъ возьми, — закричалъ онъ мнѣ.

И, обратившись къ кучеру, онъ сказалъ повелительнымъ тономъ:

— Ну, поѣзжай, да только скорѣе.. Ты знаешь... что если меня обгонитъ кто-нибудь изъ

этихъ дураковъ, то я тебя прогоню... Въ замокъ! Скорѣе...

Лошади били ногою землю отъ нетерпѣнія, онѣ потанцовали съ минутою на своихъ тонкихъ ногахъ, наклонивъ голову, а затѣмъ экипажъ покатился по дорогѣ. Господинъ Леша, ставъ на колѣни на сидѣннѣ и наклонившись надъ верхомъ, внимательно слѣдилъ за другими экипажами, которые ѣхали за нами вереницей, одинъ за другимъ, и представлялись небольшими облачками пыли.

— Будь остороженъ! — говорилъ онъ отъ времени до времени кучеру, — будь остороженъ, чортъ возьми!

Но мы мчались во весь духъ. Представлялось, что поля направо и налево бѣжали сломя голову... Черезъ нѣсколько минутъ экипажи нашихъ соперниковъ казались уже не болѣе, какъ маленькимъ сѣрымъ пятнышкомъ на бѣлой дорогѣ, а потомъ исчезало и это самое сѣрое пятнышко.

Теперь господинъ Леша успокоившись съѣлъ и испустилъ вздохъ облегченія.

— Я не хочу, чтобы меня обгоняли, — заявилъ онъ, кладя свою большую руку на мои колѣна, — я не хочу... Понимаете вы это?

— Чортъ возьми! — сказала я, — какъ же не понимать этого!

— А! да вы человекъ прямой! Bravo! Я люблю прямыхъ людей! Правда, что здѣсь есть два или три дворянчика, у которыхъ нѣтъ и двад-

цати тысячъ годового дохода и которымъ хотѣлось бы соперничать съ моими рысаками... Посмотри... Ты позволяешь, да?.. Посмотри на моихъ рысаковъ... Восемнадцать тысячъ франковъ, дружище, восемнадцать тысячъ...

Онъ олять повернулъ голову, но, не видя ничего на дорогѣ, приказалъ кучеру ѣхать потише... Господинъ Леша очень сильно сжалъ мнѣ колѣни.

— Послушай, — заговорилъ онъ опять, — вотъ ты услышишь... Третьяго дня... Тебѣ, можетъ быть, неприятно, что я называю тебя «ты»?

— Совсѣмъ нѣтъ! напротивъ..

— Bravo! Я люблю, когда говорятъ другъ другу «ты»!.. Третьяго дня я ѣхалъ изъ Сентъ-Гобюржа лѣсомъ... Дорога тамъ узкая и по ней можетъ проѣхать только одинъ экипажъ... И что же я вижу въ сорока шагахъ передъ собой? Герцога де-ла-Ферте... Это набитый дуракъ... Я терпѣть не могу, чтобы меня кто-нибудь обгонялъ, а въ особенности этотъ болванъ герцогъ де-ла-Ферте... Вотъ я и говорю кучеру: «Обгони его, чортъ возьми!—«Нѣтъ мѣста»,—отвѣчаетъ кучеръ. —«Ну, такъ задѣнь экипажъ и олрокинь герцога съ его экипажемъ и лошадьми въ ровъ»... Нѣтъ, вотъ ты посмѣешься... Кучеръ погналъ лошадей... Трахъ-тарарахъ!.. Герцогъ отлетѣлъ въ одну сторону, я—въ другую, а кучеръ на цѣлыхъ десять метровъ и попалъ въ чашу!.. Вотъ какая кулемѣсица!.. Я не теряю присутствія ду-

ха... проворно поднимаюсь на ноги... распутываю лошадей, подымаю экипажъ и ѣду впередъ, въ то время какъ у герцога лошади лежатъ копытами вверхъ... ха! ха! ха!.. Вотъ какъ я отдѣлываю этихъ твоихъ герцоговъ-то!.. Ну, что ты скажешь на это?

— Чудесно!

— Не правда ли... Да!.. Такъ его и надо... У меня пятнадцать милліоновъ.. А герцогъ, что у него есть?... Можетъ быть всего-то какихъ-нибудь два несчастныхъ милліона... А бараны? Нужно только видѣть, какъ я давилъ барановъ!.. Я давилъ также и дѣтей, дѣтей людей бѣдныхъ... Такъ что жъ изъ этого?.. Я плачу.

И господинъ Лешá потиралъ себѣ руки.

— Если вы такъ ведете себя, то вы, должно быть, очень популярны въ вашей мѣстности?— спросилъ я у него.

— Популярень ли я? Ты увидишь это на выборахъ, дружокъ... Знаешь ли ты, какъ меня прозвали?— прибавилъ онъ съ гордымъ видомъ...— Меня прозвали Лешá-тигръ... вѣдь это шикъ... а?.. Лешá-тигrrrr...

И въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ, округливъ глаза, раскрывъ губы и оцетинивъ свои жидкіе усы, старался изобразить изъ себя разсерженную кошку, что выходило очень смѣшно, а потомъ вдругъ сказалъ мнѣ:

— Все, что ты видишь направо, налево, пе-

редь тобой и за тобой, всѣ эти поля, всѣ эти дома, всѣ эти луга и вонъ тамъ всѣ эти лѣса, все это принадлежитъ мнѣ!.. И все-таки ты еще ничего не видишь!.. Мои владѣнія въ трехъ главныхъ городахъ округа и въ четырнадцати деревняхъ... У меня шестьсотъ семьдесятъ семь полей... Впрочемъ, ты увидишь все это на моемъ планѣ въ вестибюлѣ моего замка... Нужно употребить двадцать два часа для того, чтобы объѣхать мои владѣнія, двадцать два часа... потому что приходится дѣлать крюкъ... но ты увидишь все это на моемъ планѣ... это грандіозно.. ты увидишь также пятьдесятъ семь моихъ коровъ, сто девяносто моихъ приморскихъ быковъ, ты увидишь мои птичники... Наконецъ ты увидишь все... Ахъ, ты не соскучишься!..

Онъ откинулся на подушки коляски, протянулъ свои ноги, скрестилъ на груди руки и съ улыбкой, выражающей блаженство, смотрѣлъ на свои поля, свои луга, свои дома, которые проходили передъ нами и какъ будто бѣжали за нами. Крестьяне, которые видѣли, какъ мы проѣзжали, поднимали голову, переставали работать и отвѣшивали низкій поклонъ, но господинъ Леша не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Вы никогда имъ не кланяетесь?—спросилъ я.

— Этимъ-то людямъ?—отвѣчалъ онъ мнѣ тономъ, въ которомъ слышалось презрѣніе, и пожимая плечами. — Послушайте, вотъ что они заставляютъ меня дѣлать:—ударивъ по своей шляпѣ

кулакомъ; онъ нахлобучилъ ее на голову и свирѣпо замаякалъ...

Маленькаго роста, живой, очень некрасивый собой, съ плутовскими глазами и выражающимъ низкія чувства ртомъ, — вотъ каковъ былъ изъ себя Теодуль-Генри-Жозефъ Лешá, глава стариннаго торговаго дома «Лешá и К^о» «Выдѣланныя и сыромятныя кожи», торговаго дома, извѣстнаго всей западной Франціи. Во время войны Лешá пришла въ голову гениальная мысль выдѣлывать кожу изъ картона, тряпокъ и старыхъ губокъ, и въ результатѣ получилось то, что около 1872 года онъ пересталъ заниматься своими заводами; получивъ орденъ Почетнаго Легіона, наживъ состояніе въ пятнадцать милліоновъ, онъ купилъ имѣніе Вонердю для того, чтобы всецѣло посвятить себя занятію агрономіей, какъ говорилъ онъ самъ съ большою важною.

Имѣніе Вонердю, это одно изъ самыхъ лучшихъ имѣній, какія только можно встрѣтить въ Нормандіи. Кромѣ величественнаго замка, могущаго служить образцомъ архитектуры шестнадцатаго вѣка, значительныхъ запасовъ лѣсовъ, пастбищъ и окружающей замокъ пахатной земли, оно заключаетъ въ себѣ двадцать фермъ, пять мельницъ, два большихъ лѣса и луга, и отъ всего этого получается чистаго дохода четыреста пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Продавъ свои кожевенные заводы, господинъ Лешá поселился въ Вонердю съ женой—онъ же-

нился на ней еще тогда, когда былъ простымъ рабочимъ и теперь сильно раскаивался въ этомъ. Женѣ Лешá, точно такъ же, какъ и самому Лешá, недоставало изящнаго вкуса, она не умѣла правильно писать и держать себя въ обществѣ, и въ своемъ шелковомъ платьѣ и модной шляпѣ, которой она не умѣла надѣвать какъ слѣдуетъ, она осталась по-прежнему простой, честной, здраво-мыслящей крестьянкой; и когда господинъ Лешá изъ владѣльца кожевенныхъ заводовъ вдругъ сдѣлался дворяниномъ-землевладѣльцемъ, то хотя онъ и проповѣдывалъ крайнія республиканскія убѣжденія, но онъ очень стыдился того, что его жена изъ низшаго сословія; его раздражало то, что въ ней были слишкомъ замѣтны ея простонародное происхожденіе и ея прошлое.

Если въ какой-нибудь мѣстности человѣкъ получаетъ съ имѣнія четыреста пятьдесятъ тысячъ годового дохода, то онъ непременно сдѣлается извѣстнымъ всѣмъ и каждому. Лешá былъ самымъ извѣстнымъ человѣкомъ по всей округѣ, такъ какъ онъ былъ самымъ богатымъ, и не проходило ни одной минуты безъ того, чтобы о немъ не говорили на десять лье въ окружности. Говорили: «богатъ, какъ Лешá». Имя Лешá служило терминомъ для сравненія, постоянною мѣрою для обозначенія колоссальныхъ состояній. Лешá затмилъ собою славу Креза и замѣнилъ маркиза Каррабаса. Но при всемъ томъ его не любили и несмотря на то, что деревенскіе жители работѣнно

кланялись ему, всѣ смѣялись надъ нимъ за спиною, потому что онъ былъ грубъ, сварливъ, своеправенъ, хвастунъ и очень гордъ, несмотря на свое радушіе и добродушныя манеры, которыми онъ не могъ никого обмануть. Если онъ дѣлалъ добро, то дѣлалъ это съ шумомъ и неловко, что отвращало отъ него благодарность, и его благотворительность, при которой онъ былъ не въ состояніи замаскировать своего ужаснаго эгоизма выскочки, вмѣсто того, чтобы внести въ душу бѣдныхъ людей умиротвореніе, возбуждала въ нихъ ненависть, такъ какъ она постоянно оскорбляла ихъ въ ихъ жалкомъ положеніи. Впрочемъ, онъ три раза являлся на выборы и, несмотря на то, что безумно сорилъ деньгами, онъ изъ двадцати пяти тысячъ голосовъ могъ получить только триста. Вотъ что я могъ узнать о господинѣ Лешѣ, имя котораго безпрестанно упоминалось во всѣхъ разговорахъ въ этой мѣстности.

Какъ-то разъ я случайно встрѣтился съ нимъ. Въ этотъ день господинъ Лешѣ не покидалъ меня и засыпалъ меня своими вульгарными любезностями. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему въ Вопердо,—ему очень хотѣлось показать мнѣ свое сельское хозяйство, а такъ какъ я отказывался, говоря, что я—нелюдимъ, домосѣдъ и ссылался на свои занятія, то онъ сказалъ мнѣ, похлопывая меня по плечу:

— Та!.. та!.. та!.. Я вижу, въ чемъ дѣло ...вы не можете отплатить мнѣ за мое гостепримство,

не правда ли?.. Вѣдь это и стѣсняетъ васъ?.. Ну, такъ вы заплатите мнѣ за это тѣмъ, что будете говорить обо мнѣ въ газетахъ!

Такая деликатность со стороны господина Леша побѣдила меня.

Коляска ѣхала по великолѣпной вязовой аллеѣ, на концѣ которой замокъ Впередю, освѣщенный солнцемъ, выставлялъ напоказъ свои наклонныя крыши съ историческими гребнями и свой красивый фасадъ изъ бѣлаго камня съ розовыми украшеніями.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали, дружище! — воскликнулъ господинъ Леша. — Ну, что ты скажешь, каковъ у меня видъ?

II.

Какой-то старикъ съ сѣдой бородой, согнутый, кашляющій, который ходилъ взадъ и впередъ по крыльцу, заложивъ за спину руки, бросился къ намъ навстрѣчу. Онъ почтительно помогъ господину Лешá выйти изъ экипажа.

— Ну, дѣдушка Фонтенель, ходилъ ли ты за ветеринаромъ для коровы?

— Да, господинъ Лешá.

— Прежде всего сними шляпу... Гдѣ это видано, чтобы слуги говорили съ господами въ шляпѣ... Хорошо... Ну, и что же сказалъ ветеринаръ?

— Онъ сказалъ, что корову нужно зарѣзать, господинъ Лешá.

— Онъ—дуракъ, твой ветеринаръ... Зарѣзать такую корову, которая стоитъ пятьсотъ франковъ!.. Ты сдѣлаешь мнѣ удовольствіе, дѣдушка Фонтенель, и отведешь корову самъ, ты понимаешь!.. самъ къ костоправу въ Сень-Мишель... и сдѣлаешь это сейчасъ же... Ну, проворнѣй, ваше сіятельство!

Старикъ поклонился и пошелъ, но Лешá вер-

нуль его назадъ, крикнувъ ему «ситтъ», такъ, какъ кличутъ собакъ.

— Я позволяю тебѣ,—сказалъ онъ,—надѣть на голову твою шляпу и даже твою корону, если ты не продашь ее со всѣмъ остальнымъ... Теперь отчаливай.

И, повернувшись ко мнѣ, этотъ шутъ Леша объяснилъ мнѣ, что старикъ былъ у него управляющимъ, что его настоящее имя было графъ де-ла-Фонтенель, что онъ пріютилъ его у себя, разорившагося, безъ всякихъ средствъ, для того, чтобы спасти его отъ нищеты.

— Да, дружище, — такъ закончилъ онъ свой рассказъ, — это дворянинъ, графъ!.. Вотъ какъ я третирую ихъ, вашихъ графовъ-то!.. О, у меня съ дворянствомъ не церемонятся!.. Развѣ не по моей милости живетъ на свѣтѣ этотъ вельможа, а?.. Ну, войдемъ.

Вестибюль былъ огромный. Громадная лѣстница, украшенная перилами изъ стараго дуба, вела въ верхніе этажи. Въ отворенныя двери видны были цѣлыя анфилады комнатъ, гдѣ стояла неизвѣстно чѣмъ обитая мебель, которая была покрыта чехлами, а люстры были завернуты въ металлическій газъ. Напротивъ входной двери занималъ цѣлую стѣну планъ имѣнія — огромная карта, раскрашенная яркими красками.

— Послушай,—сказалъ мнѣ Леша,—вотъ мой планъ. Ты видишь на немъ мои поля, мои лѣса такъ, какъ будто бы ты гулялъ по нимъ... Эти

красные четверугольники, это—двадцать мѣлъ фермъ. Развлекись этимъ, разсмотри планъ, а я пойду скажу женѣ, что пріѣхалъ гость... Ты знаешь, я тебя не стѣсняю, — смогри все... Хочешь снять шляпу, чтобы она тебѣ не мѣшала?.. Налѣво вонъ тамъ, вѣшалка... не стѣсняйся... Ты не подумай, что у меня такая жена, какъ парижскія дамы... Предупреждаю тебя, что она — крестьянка и не знаетъ приличій. А какъ она мнѣ вредитъ... нѣтъ, какъ она мнѣ вредитъ, это ужасно... Да, оно такъ... Это такъ и есть... Ты видишь, вотъ это, черное?.. Это мой винокурениый заводъ... Не хочешь ли сѣсть?.. не стѣсняйся.

Вокругъ меня было немного мебели, только большіе шкафы краснаго дерева, столы, плетеныя кресла, скамейки, обитыя кожей, и нѣсколько картинъ, изображающихъ охоту, но на шкафахъ, на столахъ и надъ картинами, вездѣ чучела птицъ въ драматическихъ позахъ и съ мѣдными дощечками на шеѣ, на которыхъ вырѣзаны надписи въ родѣ слѣдующей:

Королевская цапля,

убитая

господиномъ Теодуломъ Леша,

владѣльцемъ имѣнія Вонердю, на его лугу Вальдѣ 25-го сентября 1880 г.

Я увидалъ тоже въ мраморной жардиньеркѣ, находившейся внизу большого зеркала, деревянные башмаки, туфли, резиновыя калоши и множество набросанныхъ какъ ни попало странныхъ и ужасныхъ вещей.

Лешá очень скоро вернулся назадъ въ сопровожденіи своей жены. Это была маленькая толстенъкая и улыбающаяся особа, которая скорѣе катилась, чѣмъ шла. Въ ея глазахъ были написаны пронциательность и откровенность; на ней былъ надѣтъ огромный чепецъ, надъ которымъ возвышался цѣлый пукъ цвѣтовъ и широкія бриды котораго хлопали у нея по плечамъ точно крылья. Madame Лешá сдѣлала два реверанса и сказала мнѣ немного охрипшимъ голосомъ:

— Это очень любезно съ вашей стороны, monsieur, очень любезно, что вы пріѣхали къ Лешá... Онъ, должно быть, наказыль вамъ съ три короба; но, право, не надо обращать вниманія на то, что онъ говоритъ!.. Нигдѣ не найдешь такого хвастуна и такого шутника, какъ онъ... Это очень вредитъ ему въ глазахъ тѣхъ, кто его не знаетъ, но на самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ не такой дурной челоувѣкъ, какимъ онъ кажется... Это у него страсть говорить все шиворотъ навыворотъ... Господи! Онъ не знаетъ, что бы только ему выдумать!.. Когда ему придетъ такая охота, то онъ все говоритъ не переставая...

Лешá покачивалъ головой, пожималъ плечами и смотрѣлъ на меня, подмигивая глазомъ, вѣрбó-

ятно желая убѣдить меня не слушать той чепухи, которую несла его жена.

— У васъ,—сказалъ я madame Лешá для того, чтобы отклонить разговоръ въ другую сторону,— у васъ великолѣпное имѣніе.

Madame Лешá вздохнула.

— Оно слишкомъ велико, видите ли... Я никакъ не могу приучиться жить въ такихъ большихъ зданіяхъ... Тутъ заблудишься... А потомъ это обходится такъ дорого, да!.. Лешá хотѣлъ во что бы то ни стало самъ обрабатывать землю... Онъ не хочетъ дѣлать такъ, какъ другіе... И вотъ у насъ каждый день новыя выдумки, паровыя машины, опыты... Мало того, что на это уходитъ много денегъ... Я хорошо знаю, что рожь не про- дается.. никто ея не покупаетъ и нѣтъ никакой прибыли жать ее... Но вотъ Лешá вдругъ выдумалъ посѣять тутъ рисъ! Онъ сказалъ самъ себѣ: «Рисъ хорошо растетъ въ Китаѣ, отчего же онъ не вырастетъ и у меня»? Разумѣется, онъ не выросъ... Да и со всѣмъ другимъ такая же исторія...

Вошелъ лакей.

— Ну, парень, готовъ ли завтракъ? — спросила она.

И сейчасъ же, повернувшись ко мнѣ, она спросила у меня: — Вы, должно быть, проголодались, потому что вы все утро были въ дорогѣ. Ахъ, Господи, у насъ вы позавтракаете чѣмъ Богъ послалъ!.. Не взыщите!.. Если люди и богаты,

то это не резонъ для того, чтобы ѣсть одни только трюфели и тратить много денегъ на столъ... Пойдемте завтракать!.. Послушай, Леша, этотъ господинъ, навѣрно, пьетъ сидръ?

— Конечно, онъ пьетъ сидръ, — подтвердилъ рѣшительнымъ тономъ Леша, который потащилъ меня въ столовую, повторяя мнѣ шопотомъ на ухо:

— Не обращайтесь вниманія на хозяйку; она не знаетъ свѣтскихъ приличій... Ахъ, какъ она мнѣ вредитъ!..

Завтракъ былъ отвратительный. Онъ состоялъ изъ остатковъ стараго кушанья, очень странно приправленныхъ. Я обратилъ особенное вниманіе на блюдо, составленное изъ маленькихъ кусочковъ когда-то жареной говядины, телятины, которую подавали раньше съ бѣлымъ соусомъ, цыпленка изъ фрикассе, которое подавали Богъ знаетъ за сколько дней передъ этимъ, — все это плавало въ жидкомъ щавельномъ соусѣ, и блюдо это показалось мнѣ самымъ новомоднымъ винигретомъ. Пять или шесть винныхъ бутылокъ, почти пустыхъ, стояли въ рядъ на столѣ передъ Леша, который отъ времени до времени сливалъ остатки изъ нихъ въ мой стаканъ, заявляя при этомъ всякій разъ, что онъ «раскупоривалъ» хорошее вино только по воскресеньямъ, а въ будни только тогда, когда у него бывали званые обѣды.

Озадаченный тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ въ продолженіе цѣлаго часа, я, по правдѣ сказать,

не зналъ, какъ держать себя въ присутствіи этихъ двухъ жалкихъ существъ, которыя, благодаря тревожащей умъ ироніи жизни, потеряли разумъ отъ миллионннхъ, мною овладѣвала глубокая грусть и въ то же время мнѣ становилось тошно отъ зловонія этого богатства, приносящаго только вредъ и соединеннаго съ скряжничествомъ. Къ этому присоединилось еще горькое сознаніе безсилія человѣческаго правосудія, сознаніе безсилія прогресса и соціальныхъ революцій, которыя привели только къ Лешá и къ его пятнадцати миллионамъ! И такъ, только для того, чтобы дать возможность Лешá валяться какъ свинѣ въ награбленномъ имъ золотѣ, въ этомъ нечистомъ золотѣ, люди сѣяли на всѣ четыре вѣтра въ продолженіе вѣковъ сѣмена идеи, и кровавая роса падала съ вышины возводимыхъ народомъ эшафотовъ на старую, истощенную и бесплодную почву! И мнѣ казалось, что я вижу въ открытое венеціанское окно столовой, которое служило какъ бы рамой для картины, для отлогихъ склоновъ волнообразныхъ лужаекъ и для высокихъ густыхъ лѣсовъ, принявшихъ синеватый оттѣнокъ, мнѣ казалось что я вижу, какъ со всѣхъ сторонъ горизонтъ тянутся одни за другими ряды проклятыхъ нищихъ и обездоленныхъ судьбою людей, которые подходятъ и разбиваютъ себѣ члены и черепъ о стѣны замка Вонердо. Я молчалъ все время; я не находилъ ничего, что могъ бы сказать

Вдругъ Лешá воскликнулъ:

— Когда я буду депутатомъ... Да, когда я буду депутатомъ...

Онъ докончилъ свою мысль тѣмъ, что началъ всрѣтъ надъ головою свою вилку. Жена смотрѣла на него съ сожалѣніемъ и нѣсколько разъ пожала плечами.

— Когда ты будешь депутатомъ, — повторила она. — Депутатомъ, это ты-то!.. Ахъ, да, депутатомъ!.. Ты слишкомъ глупъ для этого!..

Затѣмъ она обратилась ко мнѣ, призывая меня въ свидѣтели.

— Я спрошу у васъ, monsieur... Ну, можно ли со здравымъ смысломъ говорить подобныя вещи? Всѣхъ онъ, какъ вы его видите, баллотировался три раза... И всѣ три раза онъ не могъ собрать больше трехсотъ голосовъ!.. Мнѣ было бы стыдно на его мѣстѣ, право, такъ! Но знаете ли вы, во что обошлись намъ эти триста голосовъ?.. Въ шестьсотъ тысячъ франковъ, monsieur, это такъ же вѣрно, какъ и то, что эта бутылка стоитъ злѣтъ... О, да, я подочла, увѣряю васъ!.. Шестьсотъ тысячъ франковъ, ни однимъ су не меньше... это значить, что на каждый голосъ приходится двѣ тысячи франковъ. И еще онъ говоритъ, что будетъ опять баллотироваться!.. Послушайте, вы не можете себѣ и представить, что онъ выдумалъ сдѣлать на послѣднемъ праздникѣ, 14-го іюля, — это было, какъ онъ говоритъ, манифестаціей... Ну, такъ вотъ: онъ велѣлъ выкрасить въ три цвѣта стволы всѣхъ деревьевъ въ аллеѣ.

Лешá улыбался; онъ потиралъ себѣ руки и, видимо, радовался тому, что упоминали объ одномъ изъ его подвиговъ, объ одной изъ тѣхъ высокихъ идей, которыя иногда выходили у него изъ головы. Онъ смотрѣлъ на меня, ожидая увидѣть въ моихъ глазахъ одобреніе, восторгъ.

— Ловко, а?—спрашивалъ онъ меня.—Но развѣ женщины понимаютъ что-нибудь въ томъ, какъ надо вести народъ... Выслушай меня, дружище... На этотъ разъ меня выберутъ депутатомъ, и это не будетъ мнѣ стоить ни сантима... У меня есть планъ борьбы, ты узнаешь мой планъ. Я выставлю себя агрономомъ-соціалистомъ... Я кандидатъ радикальной агрономіи! Не нужно больше арміи, не нужно больше судовъ, не нужно больше сборщиковъ податей, я уничтожаю все это... Не будетъ больше бѣдныхъ, всѣ будутъ собственниками!.. Ты узнаешь мой планъ позже, во время выборовъ... Нѣтъ, но какъ это щелкнетъ по носу всѣхъ кюрэ... Ахъ, я и забылъ, вѣдь не будетъ больше и кюрэ!.. Вѣдь это кюрэ помѣшали мнѣ пройти, потому что я вольнодумецъ и не причащаюсь!.. Ахъ, они попляшутъ отъ моего плана борьбы, эти сумасброды!..

При этихъ словахъ madame Лешá вспылила и закричала:

— Замолчи... Я запрещаю тебѣ называть такъ священниковъ и отзываться такъ дурно о религіи при мнѣ, ты слышишь?.. Господи! Съ нимъ, да это хуже, чѣмъ съ дѣтьми!.. Не подумайте, что

онъ безбожникъ, monsieur... но когда онъ съ гостями, то онъ никогда не можетъ не похвастаться... Да вѣдь чуть гдѣ у него кольнетъ, онъ такъ и думаетъ, что ему пришелъ конецъ, и, не медля ни минуты, посылаетъ за священникомъ! Если бы только слушать его, бѣдняжку, то курэ не выходилъ бы отъ насъ и то и дѣло причащалъ его, право, такъ!

Лешá, чтобы скрыть смущеніе, которое онъ чувствовалъ при упрекахъ своей жены, барабанилъ пальцами по краю своей тарелки и, глядя на потолокъ, слѣдилъ за полетомъ мухи, насвистывая небрежно какую-то арію. Затѣмъ онъ кашлянулъ и сразу перемѣнилъ разговоръ.

— Жаль,—сказалъ онъ мнѣ,—что ты не пріѣхалъ въ замокъ двѣ недѣли тому назадъ... Я танцевалъ канканъ! И вотъ ты увидѣлъ бы, умѣю ли я танцевать канканъ... Какъ въ Парижѣ, дружище!

И, ерзая на своемъ стулѣ, онъ выставилъ впередъ руки и дѣлалъ ими какія-то смѣшныя движенія.

— Ахъ, похвастайся, похвастайся еще и этимъ,—сказала со вздохомъ madame Лешá,—потому что это отъ тебя, по милости твоего канкана, у насъ нѣтъ рубашекъ... Посудите сами, monsieur... Мы каждый мѣсяцъ принимаемъ гостей изъ города... Это все очень любезные господа и ихъ дамы тоже... Въ особенности господинъ Гатинель, скупщикъ закладныхъ, большой всель-

чакъ... Это правда, что онъ умѣетъ посмѣшить компанію... Представьте себѣ, что онъ играетъ на роялѣ ногами, носомъ, всѣмъ, чѣмъ угодно, и играть очень хорошо... Онъ всегда смѣшитъ меня, этотъ господинъ Гатинель... а потомъ все, что онъ говоритъ, это такъ смѣшно!.. Такъ вотъ, двѣ нечѣли тому назадъ этотъ господинъ пріѣхалъ къ намъ съ своими дамами... Послѣ обѣда они стали танцовать... и я, право, не знаю, что это пришло имъ въ голову!.. Было очень жарко, если вы помните, и Господи Боже мой, какъ они вспотѣли! Вотъ какъ они вспотѣли!.. Впрочемъ, мы отворили всѣ окна... Но въ воздухѣ чувствовалось, что будетъ сильная гроза!.. А потомъ, когда люди такъ бѣсятся... Было очень весело... А когда бываетъ весело, то время проходитъ скоро, не правда ли, и обо всемъ позабываешь... Мы забыли, въ какомъ часу отходилъ поѣздъ. Я подумала: «Господи! придется оставить ихъ всѣхъ ночевать, а это не малая забота...» Хоть у насъ и много комнатъ, но часто недостаетъ постельнаго бѣлья, а нужно было постельное бѣлье на шестнадцать человѣкъ, вѣдь отъ этого можно совсѣмъ потерять голову!.. Тѣмъ хуже... Наконецъ мы кое-какъ размѣстили ихъ... Но только, представьте себѣ вѣдь дѣло этимъ не кончилось... Всѣмъ этимъ гостямъ нужно было дать также и рубашки, потому ихъ собственные рубашки были такія мокрая, такія мокрая, что хотъ выжимай... Леша далъ свои рубашки мужчинамъ, а я дала свои

дамамъ. А потомъ я велѣла сушить ихъ собственныя рубашки въ печи,—я такъ и думала, что они могутъ надѣть ихъ на другой день... На другой день рубашки, разумѣется, были сухія. Но если бы вы только видѣли! Онѣ были грязныя-прегрязныя, всѣ смяты, настоящія тряпки. Надѣть ихъ было невозможно, никакъ невозможно... И тогда Леша снова далъ свои денныя рубашки мужчинамъ... Всѣ они уѣхали очень довольные!.. Такъ вотъ, monsieur, послѣ этого прошло уже двѣ недѣли, а они все не присылаютъ назадъ нашихъ рубашекъ!.. Вы можете сказать все, что вамъ угодно, но я нахожу это неделикатнымъ... Хотя у насъ и много бѣлья, но вѣдь шестнадцать рубашекъ, это — цѣлое приданое...

Завтракъ былъ конченъ. Мы встали изъ-за стола, и Леша, взявъ меня подъ руку, потащилъ очень скоро за собою, говоря, что хочетъ показать мнѣ свое сельское хозяйство... И мы отправились...

* * *

Отдѣлавшись отъ своей жены, Леша снова едѣлся веселымъ, оживленнымъ, словоохотливымъ и хвастался еще больше, чѣмъ прежде. Онъ умолялъ меня не вѣрить ни одному слову изъ того,

что она рассказывала за завтракомъ, и клялся честью, что онъ былъ вольнодумцемъ, что онъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ чорта и что хотя онъ былъ социалистомъ, но, въ сущности, презиралъ народъ... Онъ также сказалъ мнѣ по секрету, что въ городѣ у него была любовница, на которую онъ тратилъ много денегъ, и что всѣ красивыя дѣвушки въ деревнѣ были отъ него безъ ума.

— Ахъ, бѣдная жена, — сказалъ онъ въ заключеніе, — какъ я ее обманываю! Какъ я всѣхъ ихъ обманываю!

Мы побывали на скотномъ дворѣ, въ конюшняхъ, на птичьемъ дворѣ; онъ не пропустилъ ни одной коровы, ни одной курицы, называлъ кличку каждаго животнаго, говорилъ, сколько оно стоитъ и перечислялъ главныя его качества. Когда мы шли съ нимъ по парку, то онъ соблаговолилъ сообщить мнѣ, что у него было двѣнадцать тысячъ высокихъ дубовъ, тридцать шесть тысячъ елей, двадцать пять тысячъ девятьсотъ семьдесятъ два бука. Что касается до каштановъ, то у него ихъ было такъ много, что онъ не могъ сказать съ точностью ихъ числа. Затѣмъ мы вышли въ поле.

Передъ нами разстилалась обширная равнина безъ всякой растительности, — на ней не было ни травинки, ни деревца. Гладкая какъ дорога земля была тщательно взборонована и укатана каткомъ; пролетавшій надъ ней вѣтеръ подни-

малъ цѣлыя облака пыли, которыя кружились спиралями свѣтло-желтаго цвѣта и при свѣтѣ солнца казались растрепанными. Я удивлялся тому, что не вижу предъ собою, въ половинѣ августа, поля, засѣяннаго рожью или клеверомъ.

— Это мои запасныя земли,—сказалъ мнѣ Леша. — Я сейчасъ объясню тебѣ, что это значить... Ты понимаешь, вѣдь я не землелашецъ; я—агрономъ. Хорошо ли ты понимаешь, въ чемъ тутъ разница? Это значить, что я обрабатываю землю какъ человѣкъ интеллигентный, мыслитель, экономистъ, а не такъ, какъ крестьянинъ... И вотъ я видѣлъ, что всѣ сѣютъ рожь, ячмень, овесъ свеклу... Но какая можетъ быть въ этомъ заслуга, и, въ сущности, говоря между нами, къ чему все это служить?.. А потомъ рожь, свекла, ячмень, овесъ, все это такъ старо, такъ избито... Нужно что-нибудь другое; все идетъ впередъ и почему же только ради того, что всѣ отстали, я, Леша, владѣлецъ Впередю, съ пятнадцатимилліоннымъ состояніемъ, агрономъ, социалистъ, долженъ быть также отсталымъ человѣкомъ?.. Нужно быть человѣкомъ своего вѣка, чортъ возьми!.. И вотъ я избралъ новый способъ культуры... Я сѣю рисъ, чай, кофе, сахарный тростникъ... Какой переворотъ!.. Но ты долженъ отдать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ послѣдствіяхъ этого!.. Ты какъ будто не понимаешь? Я, при своей системѣ, совершенно уничтожаю колоніи и въ то же время уничтожаю и войну!.. Это тебя

озадѣчило, а? Ты никогда не думалъ объ этомъ?.. Теперь ужъ не нужно будетъ ѣхать на край свѣта за этими продуктами... Теперь ихъ можно будетъ получить у меня... Впередю—вотъ гдѣ настоящія колоніи! Это—Индія, это—Китай, Африка, Тонкинъ... Только—признаюсь тебѣ—все это еще не выходитъ изъ земли... Нѣтъ... Мнѣ говорятъ: «Климатъ не годится...» Вотъ вздоръ какой! Климатъ тутъ ничего не значитъ... Удобреніе... Вотъ въ чемъ все дѣло... Мнѣ нужно удобреніе, и я ищу его... У меня есть химикъ, для котораго я выстроилъ вонъ тамъ, за лѣсомъ, павильонъ и лабораторію... Это онъ ищетъ уже три года... Онъ еще не нашелъ, но найдетъ. Такъ вотъ то, что ты видишь тамъ, это—рисъ, все это—рисъ... А я думаю вотъ что: птицамъ надоѣла рожь, которую онѣ клюютъ такъ давно, онѣ и набросились на рисъ и не оставили ни одного зернышка... Вотъ что я думаю... А потому я велю истреблять ихъ всѣхъ... Ты можешь смотрѣть сколько угодно, — во всемъ моемъ имѣніи нѣтъ ни одной птицы... Я употребилъ хитрость, я плачу два су за каждаго убитаго воробья, три су за лѣсную канарейку, пять су за малиновку, десять су за соловья, пятнадцать су за щегленка. Весною я даю двадцать су за гнѣзда съ яйцами. Ихъ приносятъ мнѣ изъ окрестностей, дальше чѣмъ за десять льѣ... Если это распространится, то черезъ нѣсколько лѣтъ я уничтожу

всѣхъ птицъ во Франціи. Пойдемъ... я покажу тебѣ очень любопытную вещь.

И, вертя своей тростью въ воздухѣ, онъ зашагалъ по рисовому полю, останавливаясь по временамъ для того, чтобы сорвать травку, и, разсматрѣвъ ее, бросалъ, говоря:

— Нѣтъ, это порей.

Черезъ часъ ходьбы по пыльной и горячей землѣ, мы дошли до обширнаго зеленого поля, которое отъ самага края большой дороги поднималось отлогимъ склономъ до опушки лѣса... И я, подобно дѣйствующимъ лицамъ въ классическихкихъ трагедіяхъ, остановился въ остолбенѣніи. На свѣтломъ фонѣ люцерны выдѣлялся клеверъ темнофіолетоваго цвѣта, при чемъ ясно вырисовывались всѣ буквы, которыя составляютъ имя «Теодуль Леша». На этой зеленой скатерти не только можно было прочесть это имя, но оно казалось живымъ. Отъ вѣтра, который качалъ верхушки травы, она переливалась какъ волны, иногда увеличивая буквы имени, а иногда суживая ихъ, смотря по своему направленію и силѣ. Леша, который такъ и сіялъ, сматрѣлъ на свое имя; оно трепетало, танцовало и бѣгло, и на этомъ морѣ яркой зелени виднѣлись кое-гдѣ, точно звѣзды, цвѣты мака. Онъ наслаждался тѣмъ, что сматрѣлъ на это волшебное имя, раскинувшееся подъ небомъ, выставленное напоказъ прохожимъ, которые, конечно, останавливались передъ этимъ именемъ, читали его и произносили съ

какимъ - то таинственнымъ страхомъ... Онъ шепталъ въ восхищеніи, произнося отдѣльно каждый слогъ:

— Теодуль Лешá! Теодуль Лешá!

Съ лицомъ, сіяющимъ торжествующею радостью, онъ обратился ко мнѣ:

— Хороша выдумка, а?.. Представьте себѣ, что я выписалъ знаменитаго садовника изъ Парижа для того, чтобы засѣять это поле, потому что — ты, конечно, понимаешь — здѣсь никто не былъ способенъ на такой фокусъ... Не правда ли, вѣдлестно видѣть свое имя, написанное такимъ образомъ?.. Увидя это имя, всякій сейчасъ подумаетъ: «Это, навѣрно, не какой-нибудь выскочка». А потомъ, если бы всѣ подписывали такимъ образомъ свои поля, то не было бы споровъ о правѣ собственности, не правда ли? О, у меня есть и другія, еще болѣе грандіозныя идеи!.. Пойдемъ, вотъ здѣсь.

Мы прошли мимо поля, засѣяннаго люцерной, и вошли въ лѣсъ черезъ молодятникъ каштановъ, и когда мы дошли до широкой аллеи, выравненной граблями, точно аллея въ паркѣ, мы увидѣли, что идетъ какая-то бѣдная женщина, у которой сгибалась спина подъ тяжестью связки хвоста. За ней шли двое маленькихъ дѣтей въ тохмотяхъ и босоногіе. Лешá весь побагровѣлъ, въ его глазахъ блеснуло пламя гнѣва и, поднявъ свою трость, онъ кинулся на бѣдную женщину.

— Нищая, воровка, — кричалъ онъ, — что ты

тутъ дѣлаешь у меня? Я не хочу, чтобы у меня въ лѣсу собирали хворость, я не хочу этого, негодная бродяга!.. Ну, бросай мой хворость... Что же ты не бросаешь мой хворость, когда я приказываю!

Онъ схватилъ связку за ивовый пруть, которымъ она была связана и такъ сильно потрясъ ее, что женщина вмѣстѣ со связкой покатила по дорогѣ.

— Кто позволилъ тебѣ ходить по моимъ аллеямъ твоими грязными ногами, говори? Ты, можетъ быть, думаешь, что это для тебя я велѣлъ выравнивать ихъ граблями, эти мои аллеи, а? старая воровка? Что же ты мнѣ не отвѣчаешь, когда я говорю съ тобой?

Женщина, которая все еще лежала на землѣ, стонала:

— Добрый господинъ, я не сдѣлала вамъ никакого вреда, мы всегда подбирали хворость... И никто изъ человѣколюбя ничего не говорилъ намъ... мы такіе несчастные!

— Никто тебѣ ничего не говорилъ,—отвѣчалъ на это свирѣпый землевладѣлецъ, размахивая своею тростью. — Развѣ я никто, я-то? Я господинъ Леша, ты слышишь, господинъ Леша, которому принадлежитъ Волердю... Вотъ тебѣ, воровка, вотъ тебѣ, нищая!

Трость поднималась и опускалась на старуху, подбирающую хворость; она плакала, билась, звала на помощь, между тѣмъ какъ чапуганныя ма-

ленькія дѣти испускали раздирающіе душу крики... И слышно было, какъ эта бѣдняжка, стояя и рыдая, кричала:

— Ай! ай! Вы не имѣете права бить меня, злой человѣкъ... Ай! ай! Я буду жаловаться на васъ мировому судѣ. Ай! ай! Я скажу жандармамъ...

При словѣ «жандармамъ» Леша сразу остановился... Въ его налитыхъ кровью глазахъ вдругъ показался испугъ, и его побагровѣвшее лицо сейчасъ же поблѣднѣло. Онъ вынулъ изъ своего портмонэ золотую монету и почти съ умоляющимъ видомъ всунулъ ее въ руку старухѣ.

— Вотъ тебѣ двадцать франковъ, бѣдная женщина,—сказалъ онъ ей.— Ты видишь, это двадцать франковъ. Ха! ха!.. Вѣдь это хорошія деньги, двадцать франковъ, а? А потомъ, знаешь ли, ты можешь собирать хворостъ сколько хочешь... Вѣдь ты видѣла, скажи?.. Это двадцать франковъ... Когда ты ихъ истратишь, то опять приходи ко мнѣ за деньгами. Ну, до свиданія.

Мы вернулись въ замокъ молча.

Приближался часъ отъѣзда. Когда я сиделъ въ экипажѣ, то Леша сказалъ мнѣ:

— Ты видѣлъ старуху въ лѣсу?.. Да... Ну, такъ ея мужъ, это еще голосъ за меня на выборахъ!.. Что же ты хочешь? Въ настоящее время нужно подкупать народъ!..

И, засмѣявшись злымъ смѣхомъ, такъ что были видны всѣ его зубы, онъ прибавилъ:

— И бить его!

ПОКОЙНИЦА.

Крестьянинъ Паувре вылъзъ изъ своей телѣжки у лавки своего зятя, Пьера Гасленъ, привязалъ свою лошадь къ большому желѣзному кольцу, придѣланному у края тротуара и, попробовавъ раза три, крѣпокъ ли узелъ повода, онъ вошелъ въ мясную лавку, пощелкивая своимъ кнутомъ.

— Есть тутъ кто-нибудь? — закричалъ онъ.

Собака, которая спала, протянувшись во всю длину и загорживая собою порогъ, поднялась, заворчала и опять улеглась подальше. Въ лавкѣ не было ни души, а такъ какъ это пришлось въ четвергъ, то на полкахъ почти не было говядины. На отрубкѣ лежала четверть туши быка почти черная и покрытая жужжащими мухами. На одномъ изъ подвижныхъ крюковъ, спускавшихся съ потолка, висѣло разсѣченное посрединѣ телячье сердце. Въ одномъ изъ угловъ, на днѣ мѣдной лохани лежали кости съ кровью и куски желтоватаго жира, — все это начинало уже портиться и распространяло отвратительный запахъ мертвечины, отъ котораго дѣлается тошно въ большихъ и моргахъ.

— Есть тутъ кто-нибудь? — повторилъ Пуавре, — эй, Гасленъ!.. Гдѣ ты?

Гасленъ вышелъ изъ кафэ Гадо, находившагося какъ разъ напротивъ мясной лавки, по другую сторону улицы. Онъ обтеръ себѣ ротъ рукой, закурилъ погасшую трубку и прибѣжалъ говоря:

— Вотъ я!.. Вотъ я!..

Онъ былъ безъ шляпы, съ румянымъ, толстымъ и свѣжимъ лицомъ, съ засученными до локтей рукавами рубашки. Его бѣлый полотняный фартукъ, запачканный красными пятнами, закрывалъ его всего, начиная отъ голубого фуляра, завязаннаго очень слабо на шеѣ, до деревянныхъ башмаковъ, надѣтыхъ на босыя ноги. Его ножъ, висѣвшій на стальной цѣпочкѣ, болтался у его лѣвой ноги. Онъ подошелъ къ своему тестю и протянулъ ему руку.

— Какъ ваше здоровье?

— Я здоровъ, зятюшка, совсѣмъ здоровъ.

— Что, дать овса вашей лошади?..

— Да нѣтъ, чортъ возьми! Она напилась и наѣлась нынче утромъ... Я приѣхалъ съ Шессанской ярмарки, зятюшка!..

— Ну, что же, хороша была ярмарка?

Пуавре покачалъ головой и отвѣчалъ только слѣдующее:

— Такъ себѣ!.. Такъ себѣ!.. Не такъ, чтобы очень хороша, да и не дурна... Цѣны еще держатся...

А потомъ, перемѣнивъ тонъ:

— Ну! Что же? Когда я приѣхалъ въ Мансоньеръ, то маленькій мальчикъ Августъ сказалъ мнѣ о несчастіи...

— Да!.. Да!..

— Такъ вотъ я не распрягалъ... я только далъ четыре литра овса моей лошади... Вотъ я и приѣхалъ...

— Вы, можетъ быть, выпьете?

— Да, не откажусь... У меня въ глоткѣ такъ сухо, какъ въ печи... Такъ это правда, это не обманъ, твоя жена умерла?

Мясникъ взялъ свою трубку и выбилъ изъ нея пепель о каблукъ своего деревяннаго башмака.

— Она дѣйствительно умерла нынче ночью, въ два часа... Да, можетъ быть, и въ половинѣ третьяго... ну, около этого времени, да!

— Нынче ночью, — сказалъ Пуавре, покачивая головою, — вотъ!.. вотъ!.. вотъ!.. Скажите, пожалуйста!.. Что же это такое съ ней сдѣлалось? Какая-нибудь тяжкая болѣзнь, ударъ?

Гасленъ объяснилъ:

— Нѣтъ, это былъ совсѣмъ не ударъ, Пуавре; нѣтъ, совсѣмъ не ударъ... Она умерла отъ живота... животъ у нея все раздувался, раздувался!.. Она кричала, кричала! Ахъ, Господи, какъ она кричала!.. А потомъ она умерла... вотъ какъ она умерла... но я никакъ не могу выбить у себя изъ головы одной вещи...

— Какой, зятюшка?

— Ну, вотъ какой... Недѣли двѣ тому назадъ, а, можетъ, и двѣнадцать дней... можетъ быть; больше, а, можетъ быть, и меньше, ваша дочь сказала мнѣ, я знаю что... Кажется, она назвала меня свиньей, пьяницей, потому что мы кутили съ парнемъ Баку и съ парнемъ Моте... Тогда я сказалъ ей, чтобы она оставила меня въ покоѣ... но ласково, безъ сердца, по-дружески, да!.. Но вотъ она начала еще больше надоѣдать мнѣ своими глупостями... Стала говорить и то и другое. Тогда я далъ ей плюху, а потомъ ударилъ ее ногой въ животъ. Но вы, конечно, понимаете, Пуавре, что это только такъ, для шутки, безъ злобы. Я не хотѣлъ сдѣлать ей вреда... Потомъ мы помирились... На другой день она стала жаловаться и говорила: «Я не знаю, что такое у меня въ животѣ... У меня, навѣрно, что-нибудь да есть въ животѣ... Какой-то звѣрь, большой звѣрь, который грызетъ меня!» Но это не мѣшало ей приходить, уходить и отпускать товаръ покупателямъ... Третьяго дня ее прихватило сильнѣе... Она слегла въ постель... она начала пухнуть... И вотъ какъ она кричала!.. Наконецъ она умерла... Чортъ возьми! Я никогда бы не подумалъ, что если ударить женщину ногою въ животъ, такъ, просто для шутки, не въ сердцахъ, то она можетъ умереть отъ эгого..

Пуавре почесалъ у себя въ затылкѣ и повторилъ въ раздумьѣ:

— Вотъ!.. вотъ!.. вотъ!.. Скажите пожалуй-

ста!—И онъ прибавилъ съ огорченнымъ видомъ, по при которомъ замѣтна была въ то же время и покорность судьбѣ:

— Но вѣдь это отъ насъ!.. Это все равно, какъ ея мать, моя покойная жена... она умерла въ самое короткое время!.. На нее упало дерево, ты знаешь, это проклятое большое орѣховое дерево на фермѣ!

— Да!.. Да!..—сказалъ со вздохомъ Гасленъ.— Вы, можетъ быть, захотите посмотрѣть на вашу дочь... Она тамъ, наверху, Пуавре.

Пуавре отвѣчалъ:

— Конечно, зятюшка... Пойдемъ посмотримъ на нее!..

Оба они прошли черезъ комнату за лавкой, поднялись по темной лѣстницѣ и остановились у пріотворенной двери.

Тестъ сказалъ зятю:

— Входи впередъ ты!

— Нѣтъ вы, Пуавре!

— Нѣтъ, зятюшка, нѣтъ... Входи ты.

Они вошли въ комнату на цыпочкахъ.

Пуавре снялъ съ головы картузь съ видомъ глубокаго уваженія и началъ вертѣть его въ рукахъ. Его маленькіе глазки округлились, сдѣлались огромными; его губы закрывали его ротъ, образуя двѣ выдающіяся впередъ складки, что придавало его лицу какое-то странное выраженіе комическаго испуга и сдерживаемаго волненія. Онъ осмотрѣлъ всю комнату.

На постели лежала женщина съ запрокинутымъ, страшно вытянувшимся и поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ неподвижнымъ тѣломъ, покрытымъ простынею, изъ-подъ которой торчали выдающіяся его части, принявшія форму трупа. Въ ея сложенныхъ крестъ-накрестъ на груди рукахъ было Распятіе. У постели стояла какая-то старуха, которая молилась, а около старухи на покрытомъ бѣлою скатертью столѣ горѣли двѣ свѣчи, стоявшія по обѣ стороны другого Распятія побольше и освѣщавшія его тусклымъ свѣтомъ. Кропило, сдѣланное изъ тоненькихъ березовыхъ вѣточекъ, было опущено въ глиняный горшокъ красноватаго цвѣта, наполненный святой водой.

Пуавре перекрестился и подошелъ къ постели. Нѣсколько минутъ онъ пристально смотрѣлъ на свою дочь и не разъ дѣлалъ попытки наклониться къ ней, какъ будто бы онъ хотѣлъ ее поцѣловать, а потомъ сразу опять выпрямлялся, потому что имъ овладѣвалъ какой-то страхъ, котораго онъ не могъ объяснить. Наконецъ онъ положилъ свою большую руку съ шишковатыми пальцами на руку покойницы и сейчасъ же отдернулъ ее, сдѣлавъ какую-то болѣзненную гримасу, какъ человѣкъ, который обжегся о горячее желѣзо. Онъ опять подошелъ къ своему зятю, который стоялъ посрединѣ комнаты и не пошелъ дальше, и сказалъ ему шопотомъ:

— Конечно, она умерла!.. Она холодная! Господи, какая она холодная!

Они опять сошли внизъ по лѣстницѣ, чувствуя какую-то неловкость, отвращеніе и невольное смущеніе при видѣ смерти, великой тайны, которой они не понимали.

— Господи, какая она холодная! — повторилъ Пуавре, сопровождая этимъ восклицаніемъ глухой стукъ, который производили его деревянные башмаки на ступеняхъ лѣстницы.

На что Гасленъ отвѣчалъ:

— И желтая! И желтая!

Придя въ лавку, они посмотрѣли другъ на друга.

— Вы, можетъ быть, выпьете стаканчикъ для того, чтобы подкрѣпиться? — спросилъ зять.

Тестъ поблагодарилъ.

— Съ удовольствіемъ! Съ удовольствіемъ!.. И подумать, что всего какихъ-нибудь пять дней тому назадъ она была совершенно здорова... Вотъ!.. Вотъ!.. Вотъ!.. Скажите пожалуйста!

Они не спѣша перешли черезъ улицу; и Пуавре все бормоталъ: «Какая она холодная!» — а Гасленъ отвѣчалъ на это: «И желтая, Пуавре, не правда ли?»

Въ кафэ, сѣвъ за столъ, на которомъ стояла бутылка вина, они первое время молчали. Пуавре наполнилъ стаканы, наливая вино сверху.

— За твое здоровье, — сказалъ онъ.

— За ваше, Пуавре, — отвѣчалъ Гасленъ.

Потомъ они долго говорили о цѣнахъ на мясо, о качествахъ пастбищъ, о Шассанской ярмаркѣ...

Пуавре жаловался на то, что теперь уже нельзя было продать быковъ за такую цѣну, какъ прежде.

— Если не было бы спанцевъ и армериканцевъ, которые покупають у насъ скотину, то что стали бы мы дѣлать?

Когда они, выпивъ двѣ бутылки вина и совершенно развеселившись, встали изъ-за стола, то Пуавре сказалъ Гаслену:

— Все-таки мы не уговорились съ тобой, зяюшка... когда же мы будемъ ее хоронить?

— Ну, вотъ это-то и трудно рѣшить... Завтра у насъ пятница — я рѣжу скотину!

Тестъ поддакнулъ:

— Ну, да!.. Ну, да!..

— Вѣдь я не могу хоронить ее завтра?

— Конечно, нѣтъ!.. Конечно, нѣтъ!..

— Въ субботу рынокъ...

— Ну, да! Ну, да!

— Вѣдь нельзя же оставить говядину, а то она испортится.

— Конечно, нельзя! Конечно, нельзя!

— Это очень трудно рѣшить, Пуавре...

Затѣмъ послѣдовала пауза, продолжавшаяся нѣсколько минутъ. Пуавре задумался. Наконецъ онъ сказалъ конфиденціональнымъ тономъ:

— Вотъ что я тебѣ скажу... Покойница со-всѣмъ испортится!

— Испортится?.. Конечно!

— А во что обратится твоя говядина?

— Ну, да!.. Ну, да!.. Что же дѣлать, Пуавре? Скажите, что дѣлать?

Пуавре съ очень серьезнымъ видомъ подумалъ еще, держась рукою за подбородокъ, а потомъ сказалъ, поводя рукою:

— А что, не распить ли намъ еще бутылочку?

СВЯЩЕННАЯ ПТИЦА.

Въ нѣсколькихъ лье отъ моей хижины, на самой плодородной землѣ, какую только можно встрѣтить во Франціи, находится одно огромное имѣніе. Оно не болѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ поступило во владѣніе одного извѣстнаго банкира и въ него съѣзжаются только для охоты. Замокъ былъ частью разрушенъ во времена первой революціи. Отъ него остались только кирпичная башня безъ крыши да нѣсколько шатающихся стѣнъ, обросшихъ древовидными травами и мохомъ. Банкиръ хотѣлъ было перестроить его заново по старымъ планамъ, но затѣмъ отказался отъ этого намѣренія, такъ какъ это потребовало бы большихъ расходовъ. У него уже есть одно историческое имѣніе около Парижа и этого достаточно для его гордости. Службы, очень красивыя и прекрасно сохранившіяся, были передѣланы на жилой домъ и красуются до сихъ поръ въ обширномъ паркѣ съ громадными деревьями, гдѣ разстилаются коврами великолѣпныя лужайки, которыя идутъ волнообразной линіей до самаго лѣса, П — казеннаго лѣса, славящагося своею густотою и выши-

ною своихъ деревьевъ. Направо, на протяженіи десяти километровъ, простирается принадлежащая къ имѣнію земля впережку съ небольшими лѣсами и рошицами. Новый владѣлецъ значительно расширилъ это имѣніе сравнительно съ его прежней величиною. Онъ скупилъ все, что было вокругъ замка—поля, фермы, лѣса, луга, для того чтобы создать себѣ что-то въ родѣ королевства, границъ котораго нельзя было бы преступать и гдѣ онъ былъ бы единственнымъ властелиномъ, строгимъ, неумолимымъ хозяиномъ, ревниво охраняющимъ свои владѣльческія права, потому что у него нѣтъ никакихъ политическихъ видовъ на эту мѣстность. Крестьяне, польстившись на золото банкира, мало-по-малу уступали свою землю, за которую они крѣпко держались. Они ушли обрабатывать землю въ другія мѣста. Здѣсь осталось нѣсколько стариковъ, дровосѣковъ и нищихъ. Съ ними страшно встрѣчаться, и всякаго отъ такой встрѣчи пройметъ дрожь.

Я помню, что, когда я былъ еще ребенкомъ, я видѣлъ тутъ поля, покрытыя созрѣвшими хлѣбами, луга съ сочной травой, фермы, съ которыхъ неслась бодрая, веселая, пріятная для слуха пѣсня работниковъ. А теперь какъ все это перемѣнилось! Я уже совсѣмъ не узнаю знакомыхъ мнѣ ландшафтовъ. Можно сказать, что пролетѣлъ губительный вѣтеръ, который сразу уничтожилъ все плодородіе и веселый видъ этой земли, который высушилъ эти когда-то сильные соки. Те-

перь уже нѣтъ ни ржи, ни ячменя, ни овса. Снежены даже изгороди, и засыпаны землею ихъ широкіе, обросшіе кустарникомъ рвы. Направо и налево отъ дороги, до самой опушки лѣса, идутъ поля, засѣянные въ симметрическомъ порядкѣ темной магоніей съ тонкими стеблями, а мѣстами попадаются четверугольники, засѣянные гречей и люцерной—и все это гнѣтъ на корню. Загородки съ частыми деревянными кольями, торчащими ежомъ, охраняютъ входъ въ то заповѣдное владѣніе, въ которомъ гордо расхаживаетъ фазанъ, гдѣ все посвящено фазану, гдѣ фазанъ держитъ себя точно священная птица, птица обоготворенная; его кормятъ душистыми ягодами, отборными зернами и ему прислуживаютъ бдительные и усердные сторожа, точно жрецы въ древнемъ Египтѣ съ заплетенною въ косички бородою, которые охраняли священныхъ ибисовъ. Псарни съ колоколенками и огромные фазаньи дворы съ башенками замѣняютъ теперь фермы съ обросшими мохомъ крышами, и крѣпкія проволочныя рѣшетки тянутся тамъ, гдѣ въ прежнее время, какъ я помню, возвышались живыя изгороди изъ орѣшника, и поднимались къ небу тонкія и воздушныя осины съ серебристою листвою. Стоящіе черезъ извѣстные промежутки сторожки устремляютъ въ поле взглядъ своихъ грозныхъ оконъ. Нишіе, которые идутъ куда глаза глядятъ, и бродяги, ищущіе себѣ ночлега, стараются какъ можно скорѣе пройти по этой землѣ, гдѣ они не

могутъ отдохнуть и утолить свой голодъ и гдѣ имъ враждебны даже края рововъ. Если случайно какіе-нибудь мелкіе странствующие торговцы, подозрительные и жалкіе бродяги по базарамъ, ворующіе на ярмаркахъ, запоздають на этихъ ужасныхъ дорогахъ, то сторожа сейчасъ же прогоняютъ ихъ. Они только что выпрягутъ свою худую клячку, спутають ее и около своей повозки съ поднятыми кверху оглоблями и разорваннымъ парусинымъ верхомъ разведутъ огонь изъ набранныхъ сухихъ листьевъ и хвороста, для того чтобы сварить себѣ картофеля на ужинъ, какъ сейчасъ же появляются сторожа.

— Убирайтесь отсюда, сволочь этакая!.. Что вы тутъ дѣлаете?

— Но вѣдь дорога-то для всѣхъ..

— А хворостъ, который ты укралъ, онъ тоже для всѣхъ?.. Ну, проваливай къ чорту!.. Не то я составлю протоколъ....

И взлетающій иногда при этомъ фазанъ сопровождаетъ эти грозныя слова насмѣшливымъ шумомъ крыльевъ.

Черезъ рѣшетку видно, какъ эти священныя птицы бѣгаютъ кучками по узкимъ просѣлкамъ, подъ тѣнью кустистой магоніи, какъ онѣ шныряють между дрожащими отъ вѣтра стеблями гречихи, гордо сидятъ на перекладинахъ загородокъ съ нахальнымъ видомъ, въ своихъ роскошныхъ перьяхъ, напоминающихъ платье выскочки, какъ онѣ купаются въ пыли на дорогѣ при солнеч-

номъ свѣтѣ. Фазанъ на каждомъ шагу, куда ни по-смотришь, глаза встрѣчаютъ вездѣ фазана. Сторожа съ ручьемъ на плечѣ и со свирѣпымъ видомъ выстроились по всей дорогѣ и стерегутъ птицъ, которыхъ проходящіе мимо крестьяне могутъ убить палкой. Эти люди въ кэпи, которые окидываютъ васъ взглядомъ, эти ружейные стволы, блестящіе на солнцѣ, эти голыя или покрытыя темною травою поля, въ концѣ концовъ, производятъ на васъ подавляющее впечатлѣніе. Право, не можешь понять, гдѣ находишься. Представляется, что идешь по непріятельской странѣ, по опустошенной и завоеванной землѣ. Вамъ приходятъ на умъ самыя мрачныя воспоминанія изъ прошлаго, какія-то неопредѣленныя и скорбныя видѣнія прежнихъ поражений... Да, и въ то время была такая же печаль, такая же тишина, такой же трауръ земли и что-то подавляющее вонъ тамъ, на горизонтѣ! Что случится? Какіе увидишь трупы? Кто бѣжитъ отъ врага? Какія несчастія ожидаютъ на поворотѣ дороги?.. Это воспоминаніе о прошлыхъ дняхъ, объ обширныхъ, вытоптаныхъ ногами равнинахъ входитъ вамъ въ душу, преслѣдуетъ васъ и доводитъ до безумія. И блестящіе острые концы кольевъ загородки, торчащіе по обѣ стороны дороги, кажутся мнѣ похожими на побѣдоносные штыки, рядъ которыхъ тянется, насколько можно видѣть глазомъ, волнообразной линіей подъ неумолимымъ небомъ.

Въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, было

очень жарко, а такъ какъ я долго шелъ, то у меня была сильная жажда, и я остановился у двери маленькаго домика, который печально стоялъ у самой дороги, и попросилъ молока. На дальнемъ концѣ комнаты сидѣлъ какой-то мужчина, который ѣлъ кусокъ ситнаго хлѣба. Онъ даже не обернулся. Его окружала кучка дѣтей въ лохмотьяхъ. Надъ печкой висѣло ружье. Изъ этого печальнаго дома шелъ сильный запахъ бѣдности. Увидавъ меня, одинъ ребенокъ, съ испуганнымъ лицомъ, заплакалъ. Тогда изъ тѣни вышла женщина, которой я сначала не замѣтилъ. Она была ужасно худа, безобразна и похожа на привидѣніе нищеты. Въ ея глазахъ свѣтилась такая ненависть, такая жажда убійства, что мнѣ сдѣлалось страшно. Она съ минуту пристально смотрѣла на меня грозно и молча, затѣмъ, пожавъ плечами, сказала:

— Молока!... Вы просите молока?.. Но здѣсь нѣтъ молока!... Для этого нужно имѣть коровъ! А посмотрите! Здѣсь только одни фазаны, фазаны, приносящіе несчастье!...

И со свирѣпымъ видомъ она посмотрѣла прямо на засѣянный магоңіей поля, простиравшіяся на далекое пространство, поля, которыя защищали своею тѣнью и кормили своими ягодами эту «птицу, приносящую несчастье», которая отняла у нея ея корову, отняла у нея ея поле.

Мужчина не поднялъ головы: Сидя на скамейкѣ, согнувъ спину и положивъ локти на колѣни, онъ

продолжалъ ѣсть свой кусокъ сухого хлѣба. А дѣти, сидѣвшія на земляномъ полу на корточкахъ, какъ ни подало, и представлявшія собою кучу лохмотьевъ и истощеннаго тѣла, продолжали кричать, такъ какъ испугались моего присутствія. Почувствовавъ состраданіе при видѣ такой нищеты, я вошелъ въ эту бѣдную лачугу.

— Вы, какъ кажется, очень несчастны, друзья мои, — сказалъ я, одѣляя дѣтей мелкими деньгами. — Отчего же вы не уѣхали отсюда? Вѣдь отсюда уѣхали всѣ.

— Но куда же уѣхать? — спросила у меня женщина.

— Не знаю... Все равно, куда-нибудь.. А у васъ здѣсь нѣтъ работы?

— Онъ обрѣзывалъ сучья у деревьевъ, для замка... Но они прогнали его, эти каналы, — они говорятъ, что онъ сторожитъ ночью фазановъ для того, чтобы стрѣлять ихъ... Ахъ, разбойники! Они ловили его три раза и осудили на восьмидневное тюремное заключеніе... Онъ только третьяго дня вернулся домой.

— Замолчи! — сказалъ мужчина, повернувъ ко мнѣ свое лицо; онъ былъ похожъ на недовѣрчиваго звѣря, котораго травятъ.

— Почему же это я должна молчать?

— Замолчи! — повторилъ онъ повелительнымъ тономъ.

Въ эту минуту на порогѣ показался сторожъ. Женщина, вся дрожа отъ гнѣва, бросилась къ

нему навстрѣчу, какъ будто бы для того, чтобы помѣшать ему войти.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Я запрещаю тебѣ входить къ намъ! Ты не имѣешь права входить сюда! Убирайся!

Сторожъ хотѣлъ войти. Женщина закричала не своимъ голосомъ:

— Не прикасайся ко мнѣ, убійца!... Не трогай меня... или ты расквешься въ этомъ, говорю тебѣ.

Тогда сторожъ спросилъ:

— Мотто здѣсь?

— Это не твое дѣло...

— Мотто здѣсь?

— Что тебѣ еще нужно?

— Нынче утромъ я опять поднялъ фазаны перья на Бѣлой дорогѣ... И я узналъ на землѣ слѣды Мотто.

— Ты лжешь!..

— Я лгу?

— Да, ты лжешь...

— Нѣтъ, право, я не лгу.. И скажи ему, чтобы онъ остерегался... Потому что если его схватятъ, то на этотъ разъ ему достанется...

— Ты самъ остерегайся... убійца, воръ... потому что, потому что....

Мотто всталъ и пошелъ къ двери.

— Послушай, замолчи! — сказалъ онъ своей женѣ.

А затѣмъ онъ обратился къ сторожу:

— Ты ошибаешься, Бернаръ... Это не я... Мнѣ и такъ надоѣла твоя тюрьма.. Это не я.. Нынѣшнюю ночь я былъ боленъ, у меня была лихорадка... Это не я.....

— Я говорю то, что говорю. А это ружье надъ печью!.. Вѣдь у тебя отобрали твое...

— Это ружье?

— Да, это ружье...

— Это ничего не значить. Это старое ружье, оно не стрѣляетъ... Это ружье вовсе не для твоихъ фазановъ.

Оба эти человѣка посмотрѣли одинъ на другого съ дикою ненавистью. Посмотрѣвъ на меня подозрительно, сторожъ ушелъ, опять повторяя:

— Я говорю то, что говорю.

Тогда Мотто снова сѣлъ на свое мѣсто на скамейкѣ и, погрузившись въ мрачное раздумье, онъ, въ то время какъ его жена охала, осматривалъ свое ружье, заржавѣвшіе стволы котораго должны были стрѣлять изъ засады въ ту ночь, когда совершится мщеніе и разыграется кровавая драма въ чащѣ лѣса при лунномъ свѣтѣ.

РЕБЕНОКЪ.

• • • • •
И Мотто далъ слѣдующее показаніе:

«Вотъ, господинъ президентъ, вы выслушали всѣхъ этихъ людей, моихъ добрыхъ сосѣдей и моихъ любезныхъ пріятелей... Они не пощадили меня; такъ и должно быть... Ахъ, они не очень то храбрились, пока я былъ въ Булэ-Бланшъ и между ними и стволами моего ружья не было жандармовъ... Они меня не любили, это вѣрно, но они поостереглись бы высказать свою ненависть,—они знали, что съ Мотто нельзя шутить... А теперь другое дѣло... Послушайте, я толькожимаю отъ этого плечами и невольно смѣюсь... Магё, кривой Магё, который сказалъ вамъ, что я—убійца и воръ, ну, такъ этотъ самый Магё въ прошломъ году, на просьбѣ Гравуаръ, убилъ сторожа изъ Бландэ... Не смѣй говорить, что это неправда, каналья,—я былъ съ тобой... Леже, горбатый Леже, который сейчасъ далъ вамъ множество лживыхъ показаній, этотъ Леже обокралъ церковь въ Понтильонѣ, полгода тому назадъ... О, онъ не будетъ настолько нахаленъ, что ста-

нѣтъ отрицать это... Мы крали съ нимъ вмѣстѣ... Что, неправда, Леже?.. Вы не знаете, господинъ президентъ, кто свернулъ шею крестьянину Жакино, когда онъ возвращался домой вечеромъ съ ярмарки въ Фейе?.. Вы посадили за это въ тюрьму многихъ невинныхъ людей и производили слѣдствие за слѣдствиемъ... Это Сорель, Сорель, который сейчасъ требовалъ моей головы.... Ну, что же? Ты не протестуешь противъ этого, товарищъ? Это потому, видите ли, что онъ не можетъ; въ то время какъ онъ душилъ старика, я обшаривалъ его карманы. Гм... гм... Это удивляетъ васъ? Да посмотрите вы на нихъ!.. Ахъ, у васъ теперь уже не такой гордый видъ, мои друзья, вы не такіе нахальные, вы дрожите, вы блѣднѣете; вы видите, что, выдавъ Мотто, отъ котораго вы хотѣли отдѣлаться, вы выдали самихъ себя и что одна и та же гильотина перерѣжетъ всѣмъ намъ шею.

Господинъ президентъ, то, что я говорю вамъ, совершенная правда... и вы можете мнѣ повѣрить... мы всѣ такіе въ Булэ-Бланшь... Господи, да это и понятно... на разстояніи двухъ лье вокругъ деревни нѣтъ пахотной земли—съ одной стороны только верескъ и утесникъ, а съ другой только песокъ и камни... Кое-гдѣ малорослыя, тонкія березы или же сосны, которыя также бываютъ малорослыми и не растутъ... Въ нашихъ огородахъ даже не растетъ капуста... Это проклятая мѣстность... Какъ же можно тутъ жить?.. Обратиться въ благотворительный комитетъ, не правда

ли?.. Право, это все обманъ; онъ ничего не дастъ, или дастъ только богатымъ... А такъ какъ лѣсъ недалеко, то начинаютъ съ того, что становятся браконьерами... Иногда это приносить доходъ, но бываютъ также и мертвые сезоны... кромѣ сторожей, которые преслѣдуютъ, обвиненій въ судѣ, тюрьмы... Господи Боже мой, тюрьма, это еще ничего... Тамъ кормятъ, а потомъ въ ожиданіи освобожденія тамъ можно дѣлать силки... Я у васъ спрошу, господинъ президентъ, что стали бы вы дѣлать на нашемъ мѣстѣ?.. Работать на сторонѣ?.. Наняться въ батраки на фермахъ?.. Но если мы скажемъ, что пришли изъ Булэ-Бланшъ, то это все равно, какъ будто бы мы вышли изъ ада... насъ гонять вилами... Значитъ, поневолѣ приходится воровать, потому что нужно жить!.. А если человѣкъ рѣшится воровать, то онъ долженъ также рѣшиться и убивать... Одно связано съ другимъ... Такъ и должно быть!.. Если я рассказываю вамъ обо всемъ этомъ, то для того, чтобы вы знали, что такое Булэ-Бланшъ и что въ этомъ гораздо больше виноваты власти, которыя никогда не занимались нами и которыя удаляютъ насъ отъ всего живого, какъ бѣшеныхъ собакъ или зачумленныхъ людей.

Теперь я перехожу къ дѣлу.

Я женился ровно годъ тому назадъ, и моя жена сдѣлалась беременной съ перваго мѣсяца. Я сталъ думать. Кормить ребенка, когда и самъ не можешь прокормиться, это глупо. «Надобно какъ-

нибудь уничтожить это», сказалъ я своей женѣ. А около насъ есть одна старуха, которая ходитъ вездѣ и которая очень свѣдуща въ этихъ дѣлахъ... За одного зайца и двухъ кроликовъ, которыхъ я ей далъ, она принесла моей женѣ травы, а потомъ порошки, изъ которыхъ она составила какое-то питье... Но это ничуть не помогло, ничуть... Пробовали больше двадцати разъ... ничего. Старая бродяга сказала намъ: «Не беспокойтесь, онъ умеръ, говорю вамъ, что онъ родится мертвымъ». Такъ какъ она слыла по всей округѣ за колдунью, которая знаетъ свое дѣло, то я пересталъ беспокоиться и подумалъ: «Это хорошо, онъ родится мертвымъ». Но она солгала, старая воровка, какъ вы увидите.

Въ одну прекрасную лунную ночь я застрѣлилъ козулю... Я возвращался домой съ козулей на спинѣ, очень довольный, потому что не каждую ночь приходится застрѣлить козулю... Когда я вернулся домой, было около трехъ часовъ утра... Въ окнѣ былъ свѣтъ. Это меня удивило; я постучался въ дверь, которая всегда бываетъ заставлена чѣмъ-нибудь изнутри, когда меня нѣтъ дома... Не отворяютъ... Я сталъ опять стучать и еще сильнѣе... Тогда я услышалъ точно какой-то слабый стонъ, потомъ какое-то бранное слово, а вслѣдъ за этимъ послышались шаги — кто-то съ трудомъ волочилъ ноги по полу... Что же я увидалъ?.. Мою жену, — она была наполовину обнажена, блѣдна какъ покойница и вся забрызгана

кровью!... Сначала я подумалъ, что ее хотѣли убить... Но она сказала мнѣ: «Потише, глупѣй, развѣ ты не видишь, что я родила?» Ахъ, чортъ возьми!.. Вѣдь это должно было случиться раньше или позже... Но въ эту минуту я былъ очень далекъ отъ этой мысли!.. Я вхожу, бросаю козулю въ уголь, вѣшаю ружье на гвоздь: «Что же, ребенокъ, по крайней мѣрѣ, родился мертвымъ?» спрашиваю я у жены... «Ахъ, да! Мертвымъ, какъ бы не такъ!.. Поди, посмотри!» И я увидалъ, что на постели, въ запачканныхъ кровью тряпкахъ, лежитъ что-то такое, что барахтается... Я смотрю на жену, жена смотритъ на меня, и минутъ съ пять мы простояли такъ, молча... Однако нужно было на что-нибудь рѣшиться.

— Ты кричала? — спрашиваю я у жены.

— Нѣтъ!

— Не слыхала ли ты, не ходилъ ли кто-нибудь вокругъ дома?

— Нѣтъ не слыхала!

— Отчего же у тебя былъ свѣтъ?

— Я зажгла свѣчку только за двѣ минуты передъ тѣмъ, какъ ты постучалъ.

— Хорошо.

Тогда я схватилъ ребенка за ноги и быстро изо всѣхъ силъ ударилъ его рукой по головѣ, какъ это дѣлаютъ съ кроликами... Послѣ этого я сунулъ его въ свою охотничью сумку и взялъ опять свое ружье... Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, господинъ президентъ, но даю вамъ честное сло-

во, что я такъ и не узналъ, былъ ли это мальчикъ или дѣвочка..

Я пошелъ къ фонтану у Большого Камня.. Кругомъ, до самаго горизонта, тутъ нѣтъ ничего, кромѣ тощаго вереска, который растетъ между кучами камней. Нѣтъ ни одного дерева, нѣтъ по близости ни одного дома, сюда и не ведетъ ни одна дорога!.. Изъ живыхъ существъ тутъ можно видѣть отъ времени до времени только пасущихся овецъ да пастуховъ, и это бываетъ тогда, когда тамъ, въ поляхъ, уже нѣтъ травы. Около фонтана находится мергельная ломка, глубокая и заброшенная уже нѣсколько вѣковъ. Низкій кустарникъ закрываетъ отъ глазъ зияющее отверстие шахтъ... Здѣсь я прячу свое ружье, когда меня предупредятъ, что ко мнѣ придутъ съ обыскомъ жандармы.. Кто отважится прійти на это пустынное мѣсто, о которомъ многіе говорятъ, что тутъ видали привидѣній... Значитъ, бояться нечего... Я бросилъ ребенка въ каменоломню и слышалъ, какъ онъ стукнулся, ударившись о дно... тукъ!.. За холмомъ только что начинало разсвѣтать....

Вернувшись на дорогу, ведущую въ Булѣ-Бланшъ, я увидалъ за изгородью что-то сѣрое, что-то похожее на спину человѣка или волка— въ сумеркахъ, несмотря на привычку, хорошо не разглядишь.—эта сѣрая фигура кралась потихоньку, припадала къ землѣ, ползла, останавливалась... Эй!—закричалъ я громкимъ голосомъ,—если ты

человѣкъ, то покажись, не то я буду стрѣлять»... «Ахъ, да это ты, Мотто,—сказала фигура, которая вдругъ выпрямилась.—«Да, это я, Магё, и помни, что мое ружье всегда заряжено дробью для любопытныхъ... «О, да я и не думаю ничего дурного. Я снималъ свои силки. Но, послушай, вѣдблять могутъ только козули, когда въ нихъ стрѣляютъ... «Нѣтъ, есть также и такіе трусые, какъ ты, негодный кривой»... Я прицѣлился, но и самъ не знаю, почему я не выстрѣлилъ... напрасно я такъ поступилъ... На другой день Магё пошелъ за жандармами...

Теперь, господинъ президентъ, выслушайте меня со вниманіемъ... Въ деревнѣ Булэ-Бланшъ считается тридцать очаговъ, то-есть тридцать мужчинъ и тридцать женщинъ... Считали ли вы, сколько при этихъ тридцати очагахъ живыхъ дѣтей?.. Ихъ только трое... А другихъ—задушенныхъ, удушенныхъ, схороненныхъ—однимъ словомъ, умершихъ?.. Считали ли вы ихъ?.. Пойдите, раскопайте землю подъ тѣню низкорослыхъ березъ, у тонкостволыхъ сосенъ; осмотрите шахты, сдвиньте съ мѣста камни, разсыйте по вѣтру песокъ каменоломень,—и въ землѣ, подъ березами и подъ соснами, подъ камнями и въ пескѣ вы увидите больше костей новорожденныхъ младенцевъ, чѣмъ на кладбищахъ въ большихъ городахъ костей взрослыхъ мужчинъ и женщинъ... Пойдите во всѣ дома и спросите у мужчинъ, и у молодыхъ и у стариковъ, спросите у нихъ, что

они сдѣлали съ дѣтьми, ко́торыхъ рожали ихъ жены! Спросите у Магё, Леже, Сореля и у всѣхъ, у всѣхъ!.. Ну, Магё... ты видишь, что блеять могутъ только козули, когда въ нихъ стрѣляютъ...»

ЧЕЛОВѢКЪ, ЖИВШІЙ
НА СЪНОВАЛѢ.

Когда Клементій Суръ вернулся со службы — это было въ одно зимнее утро. — весь въ грязи отъ дороги и промокшій до костей отъ дождя, то онъ не поцѣловаль свою мать, которая не ждала его, но сидѣла и шила, не спросилъ о своемъ отцѣ, который былъ въ полѣ, и о своей сестрѣ, которая жила въ работницахъ на Гурдской фермѣ. И онъ сѣлъ у печи, мрачный, не говоря ни слова. Это былъ высокій ростомъ молодой человекъ, худошавый, неуклюжій, съ волосатыми кистями рукъ и длинными, опущенными внизъ, какъ у гориллы, руками. У него былъ очень низкій лобъ, заросшій жесткими черными волосами, и какіе-то странные глаза: представлялось, что онъ не видитъ того, что передъ нимъ, а смотритъ куда-то далеко.

Мать пристально смотрѣла на своего сына, удивляясь тому, что онъ сдѣлался такимъ страннымъ.

— Вѣдь это ты, Клементій? — спросила она. — Что съ тобой, скажи, Клементій?.. Почему ты ничего не говоришь?.. Отчего ты такъ перемѣ-

нился?.. Кто же ворочается къ своимъ родителямъ и не здороваается съ ними?.. Да что ты болень, что ли? Вѣдь ты, навѣрно, голодѣнь?

Клементій повернулся на стулѣ и зарычалъ точно звѣрь... Затѣмъ онъ вдругъ всталъ и пошелъ къ двери.

— Куда ты идешь?—спросила мать.—Какъ, ты уже куда-то уходишь?

— Я ухожу туда, куда ухожу, — отвѣчалъ Клементій съ сердцемъ. — Оставь меня въ покоѣ.

И мать, поднявъ руки къ небу, вздохнула:

— Господи, да какъ же это!.. И что сдѣлали съ моимъ сыномъ, что онъ сталъ такимъ?

Клементій вышелъ изъ дома и направился въ деревню, гдѣ пошелъ, прямо въ кабакъ.

— Ба! Да это Клементій!—воскликнули рабочіе, сидѣвшіе за столомъ, посрединѣ котораго стояла бутылка вина. — Ну, такъ ты выпьешь вмѣстѣ съ нами, Клементій... Мы спрыснемъ твое возвращеніе... Иди сюда, къ намъ, товарищъ!

Онъ даже и не посмотрѣлъ на нихъ, выбралъ себѣ столъ подальше отъ того, за которымъ сидѣли пьющіе, и, облокотившись на столъ, съ блестящими глазами и съ ноздрями, расширившимися отъ запаха алкоголя, который былъ распространенъ въ воздухѣ, крикнулъ:

— Водки!

Онъ вернулся къ родителямъ очень поздно вечеромъ и мертвецки пьяный.

И каждый день было то же самое. Упреки, сцены, угрозы—ничто не могло исправить поведенія Клементія. Онъ ничего не отвѣчалъ; казалось, какъ будто не слыхалъ того, что ему говорили, вдругъ уходилъ изъ дому и подолгу сидѣлъ въ кафѣ. Иногда, вернувшись домой ночью, онъ находилъ дверь запертою, а окна закрытыми ставнями. Тогда онъ ложился поперекъ порога и засыпалъ, положивъ лицо прямо въ грязь. Черезъ недѣлю отецъ сказалъ ему: «мы не можемъ оставить тебя у себя, если ты не будешь ничего дѣлать... Мы зарабатываемъ деньги не для того, чтобы ты пропивалъ ихъ... Ты будешь работать, а иначе убирайся... убирайся къ чорту!»

— Хорошо! — сказалъ Клементій.

Онъ ушелъ и уже не вернулся.

Мать напрасно ждала его. Часто вечеромъ, потихоньку отъ мужа, она отодвигала задвижку у двери для того, чтобы сынъ нашелъ дверь не запертою, если бы онъ вздумалъ вернуться ночью. Но Клементій уже не вернулся.

Прошелъ мѣсяць, а Клементія никто не видалъ, и о немъ не было ничего слышно.

— Куда онъ могъ уйти?—спрашивала мать.— Онъ, можетъ быть, умеръ?.. А если онъ умеръ, то все-таки это нехорошо съ нашей стороны, что мы прогнали его отъ себя.

— А если онъ умеръ, то тѣмъ лучше! — отвѣчалъ отецъ. — Мы тогда избавились бы отъ него! Мы не можемъ держать у себя и кормить такого дармоѣда!.. Онъ проѣлъ бы все, что у насъ есть, этотъ дармоѣдъ!

— А все-таки онъ — нашъ сынъ, — осмѣлилась сказать мать, которая покачала головой съ печальнымъ видомъ.

— Нашъ сынъ!.. Нашъ сынъ! — кричалъ отецъ. — Ну, такъ что же изъ того?.. Развѣ такіе бываютъ сыновья?.. Сыномъ можно назвать только такого сына, который работаетъ и зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба! Вотъ что!

Но какъ бы то ни было, все-таки нужно было обратить вниманіе на то, что Клементій исчезъ. Они стали спрашивать у однихъ, у другихъ. Никто и нигдѣ не видалъ его. Никто не встрѣчалъ его ни въ лѣсахъ, ни на дорогахъ, ни въ трактирахъ.

Мать, которая теперь поблѣднѣла, говорила со слезами на глазахъ:

— Онъ, можетъ быть, повѣсилъ гдѣ-нибудь въ лѣсу.

На что отецъ отвѣчалъ совершенно хладнокровно, дѣлая такое движеніе, какъ человѣкъ, который тонетъ въ глубокой водѣ.

— А можетъ быть, онъ и утонулъ въ какомъ-нибудь омутѣ въ рѣкѣ.

И онъ закончилъ такими словами:

— Ну, да! Пусть его тонет!.. Это его дѣло... не наше.

Его искали въ поляхъ, въ лѣсу, въ Мартельскихъ каменоломняхъ, галлерей которыхъ идутъ очень далеко подъ землю; искали въ рѣкѣ. Жандармы начали наводить бесполезныя справки, которыя привели только къ безобразнымъ попойкамъ; судъ назначилъ слѣдствие, которое ни къ чему не привело. Нигдѣ не нашли и слѣдовъ Клементія.

Клементій исчезъ въ этой мѣстности такъ, какъ исчезаетъ дымъ въ воздухѣ.

Прошло два мѣсяца, три мѣсяца, полгода. О Клементіи уже давно перестали и говорить. Любопытство, которое выказывали въ первое время, скоро пропало. Другія событія, которыя были гораздо важнѣе, страннѣе и непонятнѣе, замѣнили собою, возобновили и усилили волненіе, въ какомъ находились жители деревень и окрестныхъ имѣній по случаю бѣгства Клементія. Въ этой мѣстности происходило что-то неслыханное, таинственное, дьявольское. Надъ каждымъ домомъ было какъ-будто что-то роковое; въ каждую дверь входило проклятiе. Съ самаго того дня, какъ ис-

чѣзъ Клементій — а, между тѣмъ, никому не пришло на умъ сопоставить эти два факта—каждую ночь совершались кражи. Кражи эти, сначала робкія, становились мало-по-малу дерзкими, и теперь въ каждомъ домѣ производилось опустошеніе. Кто-то кралъ домашнюю птицу, опустошалъ кроличьи сажалки. Пропадали собаки, овцы, и исчезали свиньи. У старика Сура, который каждый годъ откармливалъ дюжину гусей для того, чтобы продать жирныхъ гусей къ Рождеству, эти гуси исчезли одинъ за другимъ, а изъ шести прекрасно несшихся куръ его старухи однажды утромъ остались въ курятникѣ только три перышка. Кабатчики говорили также, что у нихъ пропадали цѣлые литры вина и кружки водки. Не было пощады никому, ни богатымъ, ни бѣднымъ. Всѣ поголовно жаловались на то, что у нихъ было что-нибудь украдено. Но всего болѣе этотъ таинственный воръ опустошалъ Гурдскую ферму. Цыплята, индѣйки, цесарки, утки буквально таяли. На птичьемъ дворѣ оставалось очень мало птицъ. Странное и неслыханное дѣло—у коровъ уже не было въ вымени молока, когда дѣвушки приходили на разсвѣтъ въ хлѣвъ для того, чтобы доить ихъ.

Но что было еще удивительнѣе, такъ это то, что на пастбищахъ находили убитыхъ быковъ, отъ которыхъ оставался одинъ только остовъ.

Кто же воровалъ и убивалъ такимъ образомъ? Сначала обвиняли во всѣхъ этихъ преступлені-

яхъ праздншатающихся, бродягъ, цыганъ, которые весь день и всю ночь идутъ нескончаемыми вереницами по большой Парижской дорогѣ, отдѣляемой отъ деревни только нѣсколькими сантиметрами луга. Всякій былъ насторожѣ. Можетъ-быть это были волки или дикіе звѣри, вырвавшіеся изъ какого-нибудь звѣрища на ярмаркѣ? Храбрецы, вооружившись старинными ружьями, сидѣли въ засадѣ, въ кустахъ, около домовъ, но никого не поймали; ничто необычное не нарушало всегдашней тишины фруктовыхъ садовъ и полей. Число кражъ и убійствъ все увеличивалось, и они становились все дерзче. При такой загадкѣ у людей разыгралось воображеніе.

Только одно чудо могло избавить эту мѣстность, въ которой было такое дьявольское навожденіе, отъ этого непреодолимаго и сверхъестественнаго врага. Одинъ только Богъ могъ побѣдить этого неуловимаго демона. Устанавливали девятидневныя моленія, устраивали крестные ходы, а по вечерамъ, такъ же, какъ и во время эпидеміи холеры, зажигали большіе костры для того, чтобы сжечь злыхъ духовъ, которые, по всему вѣроятію, летали въ воздухъ.

А въ это время старуха Суръ, очень печальная, думала, складывая руки для молитвы:

— А что, если это Клементій?.. или его душа?

Какъ-то разъ, послѣ полудня, дочь старика Сура, бывшая работница на Гурдской фермѣ, влѣзла на сѣноваль, на которомъ сваливали солому. Она не успѣла пройти и двухъ шаговъ по устланному соломой полу, какъ она вдругъ увидала, что одна изъ вязанокъ соломы зашевелилась, отдѣлилась отъ кучи, завертѣлась какъ человѣкъ и упала къ ея ногамъ, и въ темномъ отверстіи, образовавшемся въ этой связкѣ при паденіи, показалась какая-то ужасная фигура, что-то нечеловѣческое, какая-то масса свалывшихся волосъ и бороды, посрединѣ которой свѣтились два такихъ глаза, какіе бываютъ у дикаго звѣря, и виденъ былъ отвратительный окровавленный ротъ, какой можно видѣть только при кошмарѣ.

Она хотѣла бѣжать, она хотѣла позвать на помощь, но она такъ испугалась этого привидѣнія, что ее точно кто пригвоздилъ къ полу, она не могла ни пошевелиться, ни закричать. Въ то же самое время что-то прыгнуло, хрипло зарычало, и она почувствовала, что ее схватили въ охапку; подняли и потащили въ какое-то очень темное мѣсто, затѣмъ на нее навалился какой-то дьяволъ, который обнялъ ее такъ, что совсѣмъ душилъ, давилъ ей тѣло и ломалъ ей кости, и она потеряла сознание.

Мѣсто, гдѣ происходила эта сцена, представля-

ло сообщу что-то въ родѣ круглой пещеры, стѣны которой образовали вязанки соломы, наваленныя одна на другую. Тусклый свѣтъ падалъ съ крыши изъ четырехугольнаго слухового окна; онъ освѣщалъ ужасныя вещи, которыя не поддаются описанію. На полу, вокругъ похотливаго чудовища и лежащей въ обморокѣ дѣвушки, было что-то въ родѣ склада костей и что-то похожее на моргъ. Цѣлыя части еще окровавленнаго мяса, обглоданныя остовы животныхъ, недавно содранныя шкуры и, вперемѣшку съ костями, разбитыя бутылки, куски почернѣвшаго мяса, лужи запекшейся крови, огромная груда чего-то липкаго и гадкаго. Невыносимый и удушливый запахъ разлагающагося мяса и испортившагося вина шелъ отъ этой ужасной смѣси, отъ этихъ остатковъ ночныхъ кражъ и убійствъ, опустошавшихъ эту мѣстность болѣе чѣмъ въ теченіе полугода.

Когда дочь Сура пришла въ себя, измученная, избитая, полумертвая, то она не могла отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что съ ней случилось; а также и въ томъ, что это было за ужасное мѣсто, въ которомъ она лежала. Что такое случилось?.. Она сама не знала хорошенько. Неподалеку отъ нея, на постели изъ невообразимыхъ нечистотъ и гнилыхъ костей, сидѣло на корточкахъ чудовище, которое раздирало своими острыми клыками только что распотрошеннаго имъ кролика. Она съ ужасомъ стала вглядываться въ него. На этомъ лицѣ

дикаря вырисовывались когда-то знакомыя ей черты. И она вдругъ закричала:

— Клементій!.. Клементій!.. Это Клементій!

Клементій повернулъ голову:

— Гм... Гм... Гм... — проворчалъ онъ.

Затѣмъ какая-то улыбка въ видѣ гримасы искривила его окровавленные, слипшіеся усы, а изъ его неподвижнаго рта, точно изъ пасти дикаго звѣря, висѣлъ кусокъ волокнистаго мяса...

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЛАМПЫ.

Такъ какъ дни становятся гораздо короче, а вечера продолжительнѣе, то моя служанка объяснила мнѣ, что нужна лампа, потому что у меня нѣтъ ничего для освѣщенія, кромѣ мѣдныхъ подсвѣчниковъ. Я побѣжалъ въ сосѣднее мѣстечко для того чтобы купить себѣ лампу, и зашелъ въ магазинъ къ Альбарету, который торгуетъ всевозможными товарами; это прекрасный магазинъ, который онъ самъ выкрасилъ голубой краской и самъ украсилъ изображеніемъ Славы на фронтонѣ; она зеленоватаго цвѣта, и изъ ея трубы, передѣланной ради поэзіи въ рогъ изобилія, сыплется много вещей, изъ которыхъ одна страннѣе другой. Впрочемъ, что ни пришлось бы покупать, эту вещь нужно спросить у Альбарета, и она, навѣрно, найдется у него. Альбаретъ—булочникъ, шорникъ, плотникъ, зеленщикъ; онъ торгуетъ старымъ желѣзомъ, онъ — маляръ, торговецъ галантерейнымъ товаромъ, книгопродавецъ и столяръ; онъ чинитъ соломенные стулья и замки, покупаетъ старыя кости, разбитое стекло и кроличьи шкурки, продаетъ крѣпкіе напитки и табакъ. Нѣтъ

такого ремесла, за которое не взялся бы Альбаретъ, ко всеобщему удовольствію и къ которому онъ не чувствовалъ бы себя способнымъ; онъ берется даже за дѣло «костоправа», и въ этой мѣстности можно встрѣтить очень много несчастныхъ людей, которымъ этотъ единственный въ своемъ родѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ популярный чело-вѣкъ сломалъ руки или ноги. Поэтому Альбаретъ пользуется репутаціей умнаго чело-вѣка. Но зато у него не было лампъ, и я думаю, что у него ихъ никогда и не было.

— Вы не найдете здѣсь лампы, — сказалъ онъ мнѣ. — Я, какъ нарочно, продалъ послѣднюю лампу третьяго дня. Но это ничего не значить... Я скоро поѣду въ городъ и привезу вамъ оттуда прекрасную, прекрасную лампу, съ бѣлой горѣлкой и съ голубыми украшеніями... Вѣдь такая и нужна? Ахъ, эти лампы! Ихъ продаютъ не по тысячамъ и не по сотнямъ, но все-таки онѣ входятъ въ моду.

Сказавъ это, онъ безъ церемоніи пригласилъ меня выпить. Я поблагодарилъ его и отказался, и мнѣ показалось, что онъ разсердился на меня за мой отказъ. Впрочемъ, онъ проводилъ меня до улицы и осыпалъ учтивостями. Я уже прошелъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, но услышалъ, что онъ кричитъ:

— Послушайте, *monsieur*, какая лампа вамъ нужна — керосиновая?

— Нѣтъ, для олеина.

— Извините пожалуйста, хорошо. Завтра я привезу вамъ лампу олеиновую.

Альбаретъ былъ толстякомъ, онъ сильно пыхтѣлъ и всегда улыбался. У него было румяное одутловатое лицо, тройной подбородокъ, узкія плечи, огромный животъ и волосы зеленоватаго цвѣта, которые падали у него прямыми прядями на лобъ. Онъ и зимой и лѣтомъ всегда былъ въ одномъ и томъ же костюмѣ — въ какомъ-то бархатномъ двубортномъ пиджакѣ, разорванномъ и засаженномъ, въ панталонахъ изъ полинялой голубой нанки и въ шелковомъ картузѣ — въ родѣ тѣхъ, которые называютъ трехъярусными картузами — такіе картузы носятъ во многихъ мѣстностяхъ въ Нормандіи; но только Альбаретъ, въ качествѣ умнаго и имѣющаго важное значеніе человѣка, увеличивалъ, по своему желанію, число и вышину ярусовъ для того, чтобы ему было больше чести. Онъ былъ женатъ, и его жена, которую называли «Арбалетомъ» (Лукомъ) рожала ему каждый годъ ребенка, а иногда и двойни. Въ этихъ случаяхъ надъ нимъ немножко подшучивали въ деревнѣ, такъ какъ у него былъ огромный животъ, но онъ нисколько не сердился на

это и, похлопывая себя по животу, весело отвѣчалъ:

— Ну, да, если вы хотите знать, такъ это рожу я. Да у меня и сейчасъ есть тутъ не одинъ ребенокъ, повѣрьте мнѣ.

Удивленные такими рѣчами, насмѣшники хлопали Альбарета ладонями и кулаками, что, какъ извѣстно, служить въ деревнѣ выраженіемъ восторга, и говорили, лукаво посматривая другъ на друга:

— Этотъ проклятый Альбаретъ! Этотъ проклятый Альбаретъ!

Этотъ проклятый Альбаретъ былъ моимъ давнишнимъ знакомымъ. Однажды мнѣ понадобилось вставить стекло въ одномъ изъ оконъ моего дома и, само собою разумѣется, я обратился съ этимъ къ Альбарету. Сначала онъ пришелъ одинъ. Какъ только онъ вошелъ, то сейчасъ же сѣлъ, отдувался, обтирался и попросилъ пить. Онъ выпилъ двѣ пинты сидра, одну за другою, послѣ чего осмотрѣлъ разбитое стекло, снялъ мѣрку въ вышину и въ ширину, пошутилъ со служанкой, а затѣмъ, выпивъ еще пинту сидра, ушелъ, обѣщая прійти на другой день. И дѣйствительно, Альбаретъ пришелъ на другой день въ сопровожденіи двухъ помощниковъ. Одинъ изъ нихъ несъ стекло и линейку, а другой—молотокъ, алмазъ, замазку и шпильки. Самъ Альбаретъ не несъ ничего, кромѣ своего картуза, который, какъ мнѣ показалось, былъ въ этотъ день еще

выше, чѣмъ раньше. Онъ разложилъ свои принадлежности на мебели, замазку положилъ на стулъ, шпильки—на каминъ, а стекло съ величайшими предосторожностями положилъ на столъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—мы вставимъ стекло. На разстояніи десяти лье отсюда нѣтъ ни одного человѣка, который сумѣлъ бы такъ хорошо вставить стекло, какъ я.

Онъ вышелъ изъ комнаты, спросилъ, который часъ, затѣмъ вернулся, попросилъ сидра, сѣлъ за столъ со своими обоими помощниками и затѣмъ вступилъ съ моей служанкой въ разговоръ, въ который ввертывалъ веселыя шутки, такъ что казалось, этому не будетъ конца.

Вдругъ Альбаретъ принялъ озабоченный видъ, всталъ, посмотрѣлъ сначала на окно, потомъ на стекло и воскликнулъ, почесывая въ головѣ:

— Да, это такъ! Я бьюсь объ закладъ, что стекло не подходитъ подъ мѣрку; оно слишкомъ мало.

Оба помощника поддакнули и сказали:

— Очень можетъ быть, что оно будетъ слишкомъ мало.

Альбаретъ прищурилъ одинъ глазъ, подошелъ поближе къ окну, потомъ отступилъ назадъ, дѣлая рукою такіе жесты, какъ-будто бы онъ снималъ мѣрку.

— Чортъ его возьми, если оно слишкомъ мало!.. Вѣдь это сейчасъ видно... Недостаетъ... Боже мой!.. Недостаетъ половины толщины лезвія но-

жа... или, скажемъ, пяти миллиметровъ... не такъ ли, парни?

Помощники, покачивая головой, пробормотали:

— Очень можетъ быть, что недостаетъ пяти миллиметровъ!..

И Альбаретъ, повернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Я бьюсь объ закладъ, что недостаетъ пяти миллиметровъ!..

— Вамъ легко убѣдиться въ этомъ, — сказалъ я ему. — Приложите сначала стекло къ рамѣ.

Но Альбаретъ понималъ это дѣло не такъ:

Онъ почесывалъ у себя въ головѣ, переходилъ отъ рамы къ столу и отъ стола къ рамѣ, повторяя:

— Я бьюсь объ закладъ, что недостаетъ пяти миллиметровъ.

Наконецъ я, выйдя изъ терпѣнія, схватилъ стекло и приложилъ его къ рамѣ. Оно подошло какъ разъ.

— Это все-таки странно, — говорилъ Альбаретъ. — Я готовъ былъ прозакладывать свою голову! Ахъ, оно подходитъ, оно подходитъ, это проклятое стекло, не такъ ли? Нѣтъ, но это все-таки странно... Я приду вставлять его завтра.

Я былъ принужденъ вставить стекло самъ.

Такъ вотъ Альбаретъ обѣщалъ принести мнѣ лампу, но послѣ исторіи со стекломъ я не могъ не беспокоиться объ этомъ важномъ дѣлѣ.

Прошло два дня, а Альбаретъ не показывался; наконецъ, на третій день, Альбаретъ пришелъ ко мнѣ съ торжествующимъ видомъ.

— Вотъ лампа и олеинъ и все остальное!—закричалъ онъ, увидавъ меня. — Ахъ, но это прекрасная лампа! Это то, что только есть самага лучшаго въ этомъ родѣ! И мнѣ кажется, что она освѣщаетъ такъ, какъ солнце... Подождите, я сейчасъ покажу вамъ это... Славная покупка, право, такъ!

Онъ распаковалъ лампу, жестянку съ олеиномъ, стекла, фитили и, вынимая каждый предметъ, дѣлалъ техническое замѣчаніе въ родѣ слѣдующаго: «Это фитили, надо обрѣзать ихъ концы». Онъ вертѣлъ и поворачивалъ лампу на всѣ стороны, а потомъ сказалъ:

— Вниманіе! Мы сейчасъ заведемъ инструментъ.

Его большое румяное лицо улыбалось отъ удовольствія. Онъ налилъ олеинъ, нажалъ рукою на горѣлку и завелъ лампу.

— Посмотрите, — повторялъ онъ, — какъ это мило, пріятно, это все равно, какъ карманные часы.

Но едва только онъ выпустилъ изъ руки ключъ,

какъ этотъ послѣдній началъ вертѣться съ быстрою передаточнаго колеса, а олеинъ, выходя изъ отверстія и производя такой шумъ, который слышится тогда, когда льютъ масло, выливался и текъ желтыми струйками по резервуару лампы, украшенному цвѣточками.

— Она испорчена, ваша лампа, — сказалъ я Альбарету, фізіономія котораго выражала величайшее изумленіе.

Но онъ скоро оправился и пожалъ плечами.

— Испорчена, эта лампа! — отвѣчалъ онъ. — Вотъ вы увидите. Нужно, чтобы она приняла въ себя олеинъ; черезъ пять минутъ вы сами удивитесь, когда увидите, какъ она будетъ горѣть. Напротивъ, это отличная лампа, вѣдь я знаю въ этомъ толкъ... великолѣпная лампа!

Мы подождали пять минутъ. Затѣмъ былъ сдѣланъ новый опытъ, но въ результатѣ получилось то же самое явленіе.

— Но вѣдь вы видите, что въ ней нѣтъ поршня.

Альбаретъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ.

— Но если бы у нея не было поршня, *mon sieur*, то это была бы не лампа, а это—отличная лампа... Только нужно, чтобы она напиталась олеиномъ, а когда она питается олеиномъ... черезъ десять минутъ... вы увидите, что нигдѣ нѣтъ такой лампы, какъ эта... Нѣтъ поршня?.. Вы хотите пошутить?.. Нѣтъ поршня? Да какъ же это

можетъ быть!.. Подождите четверть часа... Это говорю вамъ я, Альбаретъ, первый ламповщикъ по всей округѣ... Да, всего только черезъ какихъ-нибудь полчаса.

Опытъ былъ произведенъ нѣсколько разъ и все съ одинаковымъ результатомъ.

Моя служанка помирала со смѣху; ей было пріятно отплатить Альбарету за его насмѣшки.— «Да, это великолѣпная лампа!»— повторяла она; подражая голосу несчастнаго ламповщика.

— Ну, уноси ее назадъ, эту твою великолѣпную лампу и вставь въ нее поршень, если ты можешь... Да недурно бы придѣлать тебѣ и другой — къ твоему языку.

Онъ не хотѣлъ уступать и кричалъ:

— Нѣтъ поршня?.. А я тебѣ говорю, что это отъ олеина... Понятное дѣло, она никогда не видала олеина, эта лампа... Всего черезъ какой-нибудь часокъ...

Альбаретъ не показывался цѣлую недѣлю. Я узналъ, что его было совсѣмъ не видать въ мѣстечкѣ. Онъ заперся въ маленькой комнаткѣ около чердака и работалъ съ утра до ночи: онъ опять собиралъ лампу, которую онъ разобралъ по частямъ и которой никакъ не могъ опять собрать.

Наконецъ онъ опять принесъ мнѣ эту лампу.

— Я побился объ закладъ на свою голову, да, конечно, на свою голову, что это происходило отъ оленна. На этотъ разъ дѣло идетъ какъ по маслу. Вотъ вы увидите, какъ я умѣю придѣлывать къ лампамъ поршни. Ну, теперь вы можете завести ее сами. Поосторожнѣе... потише... Ну... Дѣло ладится, а?

Теперь дѣло съ лампой, повидимому, «ладилось». Ее торжественно зажгли, Альбаретъ торжествовалъ.

— Никогда вамъ не найти лампы лучше этой, — сказалъ онъ мнѣ, а лицо у него такъ и сіяло отъ удовольствія. — Это великолѣпная лампа.

И съ этого времени каждый день, въ десять часовъ утра, Альбаретъ приходитъ справляться о томъ, какъ горѣла лампа. Онъ спрашиваетъ о фитиляхъ, о стеклахъ, о колпакѣ и при каждомъ отвѣтѣ хлопаетъ себя по ляжкѣ, смѣется и говоритъ: «Какая лампа! Какая отличная лампа!» Затѣмъ онъ осушаетъ пинту сидра и идетъ домой.

Нынче пришла ко мнѣ на дворъ какая-то блѣдная женщина съ четырьмя золотушными дѣтьми.

— Альбаретъ боленъ, — сказала она, — онъ лежитъ въ постели, у него лихорадка... Такъ вотъ онъ извиняется передъ вами, что не могъ прійти, и я, Арбалетъ, пришла узнать, какъ горитъ лампа.

ОСЕННИЕ ЛАНДШАФТЫ.

Жниво чернѣтъ, вспаханныя поля кажутся розовыми при солнечномъ свѣтѣ; мѣстами разстидается отава люцерны темнозеленаго цвѣта или четвероугольники свеклы, ботва которой приняла самые темные синіе тоны. Подъ яблонями женщины нагнувшись собираютъ яблоки и наполняютъ ими плетенныя корзины и мѣшки изъ суроваго холста. Двѣ бѣлыхъ лошади, кажушіяся огромными на этомъ открытомъ мѣстѣ, медленно тащатъ плугъ, плужникъ котораго свиститъ точно куропатки, которыя разбрелись во ржи въ разные стороны и перекликаются между собою, а тамъ уходитъ все дальше и дальше сѣрый силуэтъ охотника. При легкомъ туманѣ линія горизонта кажется не такою рѣзкою и болѣе отдаленною; а наверху, съ неба, которое принимаетъ такой цвѣтъ, который похожъ на лихорадочный румянецъ, льется на землю какая-то чудная грусть, какое-то мрачное упоеніе. Тамъ паритъ ястребъ, который кажется неподвижнымъ, и летятъ одна за другою стая воронъ, которыя спѣшатъ долетѣть до большихъ лѣсовъ съ покраснѣвшею листвою.

Живыя изгороди рѣдѣютъ, и въ нихъ уже не слышно пѣнія птицъ; въ ихъ толстомъ покровѣ изъ покраснѣвшихъ листьевъ показалось теперь множество просвѣтовъ. Стаи воробьевъ и лѣсныхъ канареекъ, сидящихъ на плодахъ терна или шиповника, улетаютъ молча при малѣйшемъ шумѣ и похожи въ воздухѣ на горсти зеренъ, брошенныхъ рукою невидимаго сѣятеля... Дрозды замолкли, малиновка грустна; одинъ только реповль прокликаетъ своимъ чириканьемъ начинающіяся холода.

На дорогѣ.

Прохожій. — Отчего ты сидишь въ грязи и плачешь?

Работникъ. — Увы! Вотъ уже три дня, какъ я все иду, и я ничего не ѣлъ. Я весь разбитъ

Прохожій. — Куда же ты идешь?

Работникъ. — Все впередъ, все дальше. Во время жатвы я работалъ и я ѣлъ... Какъ вкусенъ, какъ вкусенъ былъ ситный хлѣбъ! Теперь снопы свезены съ поля, пахота кончилась; большія машины молотятъ рожь, вѣютъ ячмень въ ригахъ, гдѣ не требуется теперь ручного труда, и мой хозяинъ сказалъ мнѣ: «Уходи!» И я ушелъ... Я

стучался во-всѣ двери, но ни одна не отворилась... Нигдѣ не нашлось для меня работы... Вѣдь ты видишь, что на землѣ ничего нѣтъ... Скоро вѣтеръ унесетъ и послѣдніе листья съ деревьевъ, и бѣлый снѣгъ покроетъ землю, снѣгъ прекрасный и жестокой какъ женщина, снѣгъ, который убиваетъ птицъ и бездомныхъ бродягъ... А у меня нѣтъ теплой одежды, въ которую я могъ бы закутаться, нѣтъ печи, у которой я могъ бы прогрѣться, нѣтъ куска черстваго хлѣба, которымъ я могъ бы утолить свой голодь... Что же, по-твоему, мнѣ дѣлать?.. Значитъ, мнѣ остается только умирать?.. Послушай, нынче утромъ я шелъ по дорогѣ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ знатнымъ господиномъ... Онъ несъ на спинѣ большой мѣшокъ, и этотъ мѣшокъ былъ наполненъ золотомъ. Такъ какъ его ноша была слишкомъ тяжела для него, то онъ сказалъ мнѣ: «У тебя крѣпкая поясница и твое плечо привыкло къ тяжелому бремени; понеси мнѣ это золото». Я натыкался на камни и три раза падалъ... А молодой знатный господинъ наносилъ мнѣ удары, говоря: «Иди же, глупецъ!».

Онъ остановился на берегу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода черная и гдѣ страшно глубоко: «Я хочу позабавиться,—сказалъ онъ.—Смотри, я побросаю все это золото въ рѣку». «Увы! —сказалъ я,—если вы уже хотите бросить это золото въ рѣку, то дайте мнѣ немножко его. О, очень

немного, такъ чтобы мнѣ только не очень голодать».

Онъ плюнулъ мнѣ въ лицо, онъ прогналъ меня камнями и затѣмъ сталъ бросать золото пригоршнями и бросать его въ рѣку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода черная и страшно глубоко. А потомъ онъ ушелъ смѣясь... Когда онъ шелъ, то всѣ, и богатые и бѣдные, очень низко кланялись ему; тогда какъ, встрѣчаясь со мною, они били меня, гнали палками и вилами... Вы видите, что тѣло у меня въ крови.

Прохожій. Что же ты будешь дѣлать?

Работникъ. Пойду дальше и опять буду стучаться къ богатымъ людямъ.

Прохожій. А если двери домовъ богатыхъ людей станутъ запираеть, когда ты будешь подходить къ нимъ?

Работникъ. Я буду просить милостыню у бѣдныхъ людей на большихъ дорогахъ.

Прохожій. А если тебѣ ничего не дадутъ?

Работникъ. Я сяду въ засаду на поворотѣ дороги и стану убивать.

Прохожій. Богъ запрещаетъ убивать ближняго.

Работникъ. Законъ природы повелѣваетъ мнѣ жить.

Прохожій. Да хранить тебя Богъ!

Лѣсъ какъ-будто объять пламенемъ. На красномъ коврѣ упавшихъ съ деревьевъ листьевъ не слышно шума шаговъ, и просвѣты въ рѣдѣющей чащѣ расширяются; сквозь нихъ проходятъ лучи свѣта желтаго какъ золото, и краснаго какъ кровь. Въ лѣсу бродятъ старухи, подбирающія хворостъ съ глазами какъ у совы и съ руками какъ у гарпій; онѣ проходятъ и ихъ совѣмъ не видно за огромной вязанкой, которая какъ - будто движется сама собой.

Несмотря на яркіе цвѣта своего великолѣпнаго осенняго наряда, лѣсъ смотритъ на васъ взглядомъ убійцы, отъ котораго становится страшно. Сучья, которые отсѣкаютъ кривымъ ножомъ, испускаютъ такіе же стоны, какъ человѣкъ, какъ живое тѣло; топоръ исторгаетъ звуки, похожіе на рыданія ребенка, у молодыхъ каштановъ; и слышно, какъ въ ельникѣ вѣтеръ надувалъ свои органы, которые играютъ погребальную пѣснь «Помилуй мя, Боже». Можно сказать, что угольщики, которые сидятъ на корточкахъ вокругъ дымящихся угольевъ, занимаются какимъ-то ужаснымъ и таинственнымъ дѣломъ; всякій отвращается крестясь отъ чеботаря, дѣлающаго деревянные башмаки, который, сидя съ свирѣпымъ видомъ въ своемъ шалашѣ, сдѣланномъ изъ сучьевъ и изъ коры, напоминаетъ собою всѣ ужасы,

соединенные съ воспоминаніями о бандитахъ старыхъ временъ.

Куда идетъ этотъ браконьеръ, который пробирается точно дикій звѣрь черезъ кустарникъ, среди котораго блеститъ стволъ его ружья? Когда наступитъ ночь, когда луна обольетъ своимъ свѣтомъ стволы старыхъ дубовъ, которые теперь залило багрянцемъ солнца, то послышатся два выстрѣла въ тишинѣ, въ лѣсной тишинѣ, полной убійствъ и предсмертныхъ мукъ. Будетъ ли застрѣлена козуля, или же будетъ корчиться на окровавленномъ верескѣ сторожъ, съ дробью въ боку?

На деревенской площади.

— Вы, добрые люди, которые слышите, что я говорю, богатые и бѣдные, честные и воры, и вы также, глухіе и кривоногіе, разбитые параличомъ, прелюбодѣи и обманутые мужья, посмотрите на меня, выслушайте меня! Я кандидатъ, добрый кандидатъ. Это я даю обильныя жатвы, я превращаю въ дворцы бѣдныя хижины, я наполняю золотомъ старые пустые сундуки, я переполняю счастіемъ наболѣвшія сердца. Идите, добрые люди, спѣшите ко мнѣ, — я благодѣтель для бесплодныхъ женщинъ, для людей страдающихъ

лихорадкой и для бѣдныхъ солдатъ. Я говорю граду: «Не падай!», войнѣ: «Не убивай!», смерти: «Не приходи!» Я превращаю въ вино вонючую воду изъ лужъ и изъ мертвого, къ которому я прикоснусь, потечетъ дивный медъ.

Въ то время, когда кандидатъ говорилъ такіа слова, собралась большая толпа, которая окружала его.

— Добрый господинъ, — сказала одна старуха, которая плакала, — у меня былъ сынъ на войнѣ, далеко, очень далеко, и онъ умеръ.

— Я верну къ тебѣ его живымъ.

— А у меня, — сказалъ какой-то калѣка, — вы видите, только одна нога.

— Я дамъ тебѣ двѣ.

— Посмотрите на ужасную рану, которая разѣдаетъ мнѣ бокъ, — сказала, испуская при этомъ крики отъ боли, какой-то несчастный.

— Я положу тебѣ на рану парламентскую медаль, и ты выздоровѣешь.

— Мнѣ девяносто лѣтъ, — сказалъ дрожащимъ голосомъ какой-то старикъ.

— Я отниму отъ нихъ пятьдесятъ.

— Я уже три дня не ѣлъ хлѣба, — сказалъ умоляющимъ голосомъ какой-то нищій.

— Я накормлю тебя до отвала куличами.

Тогда изъ толпы вышелъ убійца.

— Я убилъ моего брата и отправляюсь на какому-то торгу, — громко закричалъ онъ.

— Я сравняю съ землей остроги для каторжни-

ковъ, я уничтожу правосудіе вмѣстѣ съ гильотиной и сдѣлаю тебя жандармомъ.

— Землевладѣлецъ слишкомъ богатъ, — сказалъ одинъ крестьянинъ, — и его кролики ѣдятъ мою рожь, а его лисицы таскаютъ моихъ куръ.

— Я водворю тебя на его землѣ, и ты прибьешь гвоздями его дѣтей къ дверямъ амбара какъ совъ.

— Крестьяне не хотятъ больше чистить мои пруды, — воскликнулъ землевладѣлецъ.

— Я повѣшу ихъ на вязахъ твоей аллеи.

— Ахъ, господинъ! — сказала со вздохомъ одна молодая дѣвушка, — эти проклятыя колоніи отнимаютъ у насъ всѣхъ нашихъ ухаживателей!

— Я уничтожу колоніи.

— У меня мало рынковъ для сбыта моихъ продуктовъ! — жаловался одинъ фабрикантъ.

— Я распространю до края свѣта область нашихъ завоеваній.

— Да здравствуетъ республика! — сказалъ одинъ голосъ.

Кандидатъ отвѣчалъ:

— Да здравствуетъ республика!

— Да здравствуетъ король! — сказалъ другой голосъ.

Кандидатъ отвѣчалъ:

— Да здравствуетъ король!

— Да здравствуетъ императоръ! — сказалъ третій голосъ.

И кандидатъ отвѣчалъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Въ эту минуту изъ толпы вышла какая-то прекрасная собою, но печальная женщина и подошла къ кандидату.

— Ты меня не знаешь? — спросила она у него.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ кандидатъ. — Гдѣ же я могъ бы тебя видѣть, проклятая чужестранка?

— Я — Жизнь. Что же ты сдѣлаешь для меня?

— Я сдѣлаю то, что дѣлаютъ другіе, моя милая, — я буду ѣсть, я буду спать; мой животъ, мой животикъ будетъ наслаждаться и обростетъ жиромъ. Съ тѣми деньгами, которыя я возьму въ твоёмъ карманѣ, въ твоёмъ неистощимомъ карманѣ, у меня будутъ прекрасныя женщины, отличныя земли и, кромѣ того, я буду пользоваться уваженіемъ, если такъ тебѣ будетъ угодно. А если ты не будешь этимъ довольна, то я отколочу тебя, моя милая, вотъ этой палкой.

На берегу рѣки.

Она течетъ медленно, такъ медленно, что растущіе на берегу тополи смотрятся, неподвижные и совсѣмъ пожелтѣвшіе, въ ея спокойномъ зеркалѣ. Ничто не шелохнется, не поетъ ни одинъ стволъ тростника, не качается ни одинъ изъ его гибкихъ

стволовъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я остановился, подъ ольхами, вода черная и мрачная, и отъ нея отдѣляется рѣзкой линіей отраженіе неба, сѣраго съ нѣжнымъ отливомъ какъ жемчугъ. И вотъ я слышу голосъ, который идетъ какъ-будто бы со дна рѣки, голосъ мертвеца, голосъ, въ которомъ слышатся слезы. И этотъ голосъ говоритъ:

«Я видѣлъ тебя въ ту ночь. Это было въ твоей комнатѣ, въ которой была плотно затворена дверь и въ которой было такъ тепло. Въ окнахъ были спущены сторы. Блѣдный свѣтъ — свѣтъ ночника — падалъ на драпировки и на мебель. И твое такое хорошенькое и такое грустное личико видѣлось на постельномъ бѣльѣ, чуть-чуть освѣщенное этимъ спокойнымъ, умѣреннымъ свѣтомъ. Одна изъ твоихъ обнаженныхъ рукъ свисла; на ней былъ надѣтъ у кисти браслетъ изъ воронянаго золота. Другая, также обнаженная, была небрежно подложена подъ твой затылокъ, твой черный и благоуханный затылокъ. Ты улыбалась доброю улыбкою. Твои губы выражали твою любовь ко мнѣ, и оба твои глаза, смотря на меня, блестѣли и были влажны, какъ два освѣщенные луной озера. Я закричалъ тебѣ: «Жанна, моя милая Жанна!» А ты съ такою любовью отвѣтила мнѣ: «Жанъ, мой милый Жанъ!»

Я видѣлъ тебя въ эту ночь. Какой-то мужчина — мужчина маленькаго роста, богатый и безобразный собою — вошелъ въ твою комнату, въ которой было такъ тепло и въ которой была

плотно затворена дверь. Онъ раздѣвался не спѣша и не спѣша легъ на постель около тебя... около тебя! И тогда я услыхалъ смѣхъ, тихій смѣхъ, заглушаемый подушкой, его смѣхъ и твой смѣхъ; и тогда я услыхалъ поцѣлуи, поцѣлуи, заглушенные подушкой, его поцѣлуи и твои поцѣлуи. Я закричалъ тебѣ умоляющимъ голосомъ: «Жанна, моя милая Жанна!» Но ты не отвѣтила мнѣ: «Жанъ, мой милый Жанъ!»

Я видѣлъ тебя въ ту ночь. Двѣ головы составили только одну голову; два тѣла составили только одно тѣло. Одна только форма, болѣзненная и демоническая, трепетала подъ кружевами. И слышенъ былъ звукъ поцѣлуевъ, и губы кусали, и кровать, на которой приподнималась бѣлою волною постель, трещала. Тогда я плакалъ, плакалъ, плакалъ! И на колѣняхъ, сложивъ руки, я кричалъ тебѣ: «Жанна, моя милая Жанна!» Но ты не отвѣтила мнѣ: «Жанъ, мой милый Жанъ!»

Я видѣлъ тебя въ ту ночь. Мужчина ушелъ— маленькій ростомъ, богатый и безобразный собою мужчина ушелъ, онъ пѣлъ. Ты осталась одна, совершенно одна, въ изнеможеніи и отвратительная, обнаженная, на смятой постели. Около тебя этого маленькій ростомъ, богатый и безобразный мужчина оставилъ шкатулку, большую шкатулку, и изъ нея текло, какъ изъ фонтана, золото, которое разливалось вокругъ тебя на постели, вездѣ вокругъ тебя. Золото все приливалось, и волна золота поднимала тебя кверху. Ты погружала въ

золото твои руки, твои жадныя руки. Ты такъ и хватала золото все пригоршнями, все пригоршнями. Ты сыпала на себя золото, которое падало золотыми каскадами! Золото! Да, это золото! Ахъ, какая чудная волна! Это—очистительное золото, которое омываетъ всякую грязь. Еще! Еще! И ты смѣялась, ты смѣялась и смѣялась! А золото текло и текло ручьемъ, не переставая! Точно такъ же, какъ ты не видала моихъ слезъ, ты не видала и моей крови, а она, красная и дымящаяся, текла изъ моей груди такъ, какъ текло золото изъ твоей шкатулки. И я, умирающій и блѣдный, также пошелъ — я пошелъ къ большой рѣкѣ... Прощай, милая Жанна, милаго Жана уже нѣтъ больше на свѣтѣ!»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Моя хижина	1
Смерть старика Дюге	13
У мирового судьи.	55
Исповѣдь Жибори	65
Горе крестьянина Пито	81
Эй, дѣдушка Николай!	97
Смерть собаки	105
Агрономія	121
Покойница	151
Священная птица	163
Ребенокъ	175
Человѣкъ, жившій на сѣновалѣ	185
Исторія моей лампы.	197
Осенніе ландшафты.	209
